

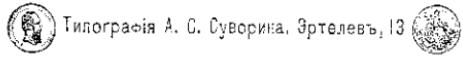
THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЪНА

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ: СОЮЗЪ РУССКАГО НАРОДА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПОЛКЪ, 4 РОТА, ДОМЪ № 6

С.-ПЕТЕРВУРГЪ
1906

Типографія А. С. Суворина. Зрізелевъ, 13

Святой памяти

погибшую на своем посту

встречая служил Царя и Родины

1.

Уфимская губерния раскинулась на большомъ пространствѣ, захватывъ самыя разнообразныя мѣстности, начиная отъ степной и кончая лѣсистой и горной. Въ ней 3.100,000 жителей самого разноплеменного состава. Огромное большинство, а именно 1.800,000, исповѣдуютъ мусульманскую религию и 1.300,000 христианскую. Преобладающая часть населения относится къ монгольскому племени; значительная, какъ чуваши, татары, морда, къ финскому и сравнительно наименьшая часть къ коренному русскому племени въ перемежку съ латышами, эстами, поляками и т. п. представителями западныхъ народностей.

Аборигены мѣстные—башкиры, имѣющіе нескончаемыя земельныя распри какъ между собою, такъ и съ пришельцами на ихъ землю изъ центральной и западной Россіи. Башкиры припущенники, т. е. переселившіеся лѣтъ 200 тому назадъ изъ глубины средне-азіатскихъ степей на земли тѣхъ башкиръ, которые осѣли со временемъ еще монгольского наществія, называемыхъ башкирами вотчинниками, ведутъ съ послѣдними постоянныя тяжбы изъ-за права собственности на земли, издавна ими занятые. И оба разряда башкиръ, какъ вотчинники, такъ и припущенники, находятся въ непрерывной земельной враждѣ со всѣмъ другимъ пришлымъ населеніемъ съ запада. Причина земельныхъ недоразумѣній заключается въ томъ, что какъ башкиры-припущенники, такъ и крестьяне изъ внутреннихъ губерній Россіи селились на земляхъ башкиръ по словеснымъ соглашеніямъ съ владельцами земель, не заботясь объ укрѣплѣніи правъ своихъ крѣпостныхъ порядкомъ. Всѣдствіе сего, когда населеніе увеличилось и настало въ земль стѣсненіе, возникли споры о правѣ собственности на землю между коренными жителями и поселенцами.

Среди пришельцевъ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія явились не только землеробы, но и землевладѣльцы. Пользуясь простотою башкирскаго племени, они путемъ спанванія и обмановъ скучали у башкиръ огромныя земельныя и лѣсныя пространства, причемъ не брез-

говали подкупами должностныхъ лицъ и даже подлогами, чтобы закрыть за собою земли въ вѣчное владѣніе. Въ исторіи мѣстного края есть цѣлая эпоха, подъ названіемъ «расхищеніе башкирскихъ земель», прі-остановленное правительствомъ лишь посредствомъ общаго запрета скрывать земли у башкирь. Мѣстное землевладѣніе носить, поэтому, название «хиджанскоаго», которое окончательно за ниць уирочилось вслѣдствіе наглѣйшей эксплоатации новыми землевладѣльцами поселенцевъ изъ коренныхъ губерній. Землевладѣльцы сперва предоставляли поселенцамъ свои земли для поселенія на льготныхъ условіяхъ, а затѣмъ, когда они укрѣплялись на своихъ мѣстахъ, пользуясь оношностью крестьянъ, не заключившихъ письменныхъ договоровъ, стѣсняли ихъ въ правахъ пользованія землею, которую тѣ, по простотѣ своей, считали собственною вслѣдствію словесныхъ соглашеній съ владѣльцами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уфимская губернія расположена по течению крупныхъ судоходныхъ рѣкъ—Камы и Бѣлой. Ирригационное населеніе полно самого разношерстного элемента, составившагося изъ бѣлага на родину изъ Сибири езыльного люда. Бойкость населенія губерніи особенно поддерживаетъ желѣзодѣлательные заводы, существующіе съ давнихъ временъ: златоустовскіе, катавъ-изаводскіе, усть-катавскіе, балашовскіе и т. д.

Можно себѣ представить, сколько административного умѣнія должно быть у лицъ, поставленныхъ во главѣ губерніи, чтобы держать въ повиновеніи всю эту беспокойную, вѣчно волнующуюся изъ-за иллюжійныхъ причинъ, народную массу. Въ одномъ мѣстѣ башкиры не даютъ межевать свои земли для определенія границъ между вотчинниками и припущенниками, въ другомъ—русскіе поселенцы возмущаются эксплоататорскою выходкою русскаго или башкирскаго собственника земли, въ третьемъ—башкиры ссорятся съ прищельцами и, наконецъ, въ четвертомъ—идутъ волненія среди заводскихъ рабочихъ.

Вниманіе лишь къ нуждамъ населенія, пониманіе его сложныхъ жизненныхъ, особенно земельныхъ, отношений, безпристрастное вмѣшательство въ личныя расоры и огражденіе несправедливо притѣсняемыхъ могли поддерживать порядокъ въ столь разнообразномъ и огромномъ населеніи *при неизменно твердомъ проявленіи власти*. И, нужно отдать справедливость администраціи уфимской губерніи, она умѣла охранять порядокъ въ столь разношерстной мѣстности.

Населеніе было непоколебимо увѣreno въ твердой защитѣ губернаторомъ законныхъ его правъ и при всякихъ затрудненіяхъ довѣрчиво обращалось къ власти, которая не останавливалась и передъ крутыми мѣрами, когда населеніе выходило изъ границъ дозволенного.

Вслѣдствіе такой твердости администраціи въ поддержаніи порядка, революціонная агитация, несмотря на обиліе къ тому самаго удобовос-

пламеняемаго элемента, не имѣла значительнаго успѣха въ губерніи. Когда введена была казенная продажа вина и открылись дѣйствія попечительства о народной трезвости, какъ извѣстно поставившихъ себѣ задачею подъ видомъ отвлеченія народа отъ пьянства проводить въ народѣ «освободительныи» идеи, тогда же бывшій въ то время губернаторомъ Логвиновъ далъ должный отпоръ прибывшему въ г. Уфу министру финансовъ Витге, находя всѣ его затѣи чреватыми дурными послѣдствіями. Онъ же первый указывалъ на нарождавшееся враждебное правительству направление земской жизни. Но, сила солому ломить. Попечительство о народной трезвости явилось очагомъ, на которомъ многочисленный въ губерніи ссылочный за политическую неблагонадежность элементъ сталъ распространять свой гибельный для цѣлости Россіи ядъ политическаго недовольства. Волненія среди населенія губерніи стали замѣтно усиливаться. При болѣе мягкомъ характеромъ губернатора М. И. Богдановичъ они выразились уже въ открытомъ бунтѣ рабочихъ златоустовскаго завода, прекрасно обезпеченныхъ казвою во всѣхъ отношеніяхъ. Въ ихъ противодѣйствіи ирригатію рабочихъ книжекъ, составленныхъ исключительно въ ихъ пользу министромъ землеустройства Ермоловымъ, уже сказалось стремлѣніе революціонныхъ элементовъ возмущать населеніе не ради блага послѣдняго, но исключительно въ цѣляхъ революціонной практики. Безразсудный бунтъ въ мартѣ 1903 года былъ подавленъ силою оружія и съ большими жертвами. Вскорѣ послѣ того губернаторъ Богдановичъ въ 2 часа дня былъ убитъ въ уфимскомъ общественномъ саду ва глазахъ у публики, по решенію революціоннаго комитета, именно за подавленіе мятежа.

Послѣ него былъ назначенъ губернаторомъ генераль-маюру И. Н. Соколовскому — человѣкъ решительнаго характера, умный, глубоко приверженный Россіи и любившій порученное ему дѣло.

Ознакомившись съ положеніемъ революціоннаго дѣла въ губерніи, генераль Соколовский увидѣлъ, что оно пустило уже глубокіе корни. Во главѣ его стояли видные земскіе и городскіе дѣятели, съ предводителями дворянства во главѣ. Энергично работая чрезъ посредство учителей, земскихъ и городскихъ служащихъ — врачей, техниковъ, агрономовъ, они пустили революціонное броженіе по всей губерніи, что за долго передъ тѣмъ предсказывалось еще губернаторомъ Логвиновымъ. Особенно способствовала имъ дѣятельность Краснаго Креста, когда въ неурожайный годъ явившіеся при губернаторѣ Богдановичѣ спасать населеніе врачи и добровольцы санитары внесли среди темной крестьянской массы недовольство своимъ положеніемъ. Къ этому времени уже работала въ городѣ Уфѣ даже тайная типографія.

Первымъ шагомъ генерала Соколовскаго въ своей дѣятельности было удалить съ наиболѣе важныхъ постовъ въ земскихъ и городскихъ

общественныхъ учрежденіяхъ руководителей революціоннаго движенья. Онъ отлично сознавалъ, что гидра революціи можетъ быть убита только въ сердцѣ ея, и потому решительно принялъ за ея искорененіе. Черезъ два года энергичному администратору настолько уже удалось парализовать дѣятельность революціонеровъ, что они не въ состояніи были вліять ни на рабочее, ни на крестьянское населеніе, а тайная типографія ихъ прекратила свое существованіе. Прокламации свои могли революціонеры только гектографировать.

Начавшееся общее по Россіи, со дня назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго, своеобразіе отразилось въ Уфѣ, благодаря строгому надзору, лишь въ слабой степени. Главари революціонной партіи не замедлили толкнуть молодежь въ омутъ политической борбы, чтобы, по ка-дѣтской тактицѣ, на ихъ гибели доставить себѣ власть, но попытки ихъ въ зародыши подавлены были твердою рукою безстрашнаго генерала. Въ то время, какъ повсюду движение все разрасталось, стачки шли за стачками, одинъ бунтъ за другимъ,— Уфа и ея заводы были покойны.

Строго-законный режимъ генерала Соколовскаго не давалъ хода революціонерамъ. Какъ губернаторъ, онъ очень интересовался мѣстною общественною жизнью и былъ всегда въ курсѣ дѣла по всемъ мѣстнымъ вопросамъ. Онъ отлично зналъ истинныхъ общественныхъ работниковъ и умелъ отличать ихъ отъ политическихъ интригановъ. Смотрѣль генералъ всегда въ корень дѣла и виновниками смутъ считалъ не тѣхъ гимназистовъ, которые съ красными флагами въ рукахъ выскакивали на улицу, но ихъ старыхъ подстрекателей, изъ коихъ очень много—богатые мѣстные люди, съ большими вліяніемъ и въ губерніи и въ столицѣ. Изъ таковыхъ назвать можно помѣщиковъ Жуковскаго, Добрейса, Малѣева.

Будучи человѣкомъ характера решительного, генераль-майоръ Соколовский по отношенію къ врагамъ порядка не замедлилъ проявить губернаторскую власть во всю ея ширь. Въ бѣшенство приходили уфимские политики, когда, добившись всѣми правдами и неправдами своего избрания на общественную должность, они вдругъ узнавали о своемъ неутверждении. Для характеристики этихъ лицъ нагляднѣе привести мотивы, послужившие къ недопущенію ихъ въ руководящіе центры общественного управления. Такъ, Жуковскій, владѣлецъ до 8 тысячъ десятинъ земли, не былъ утвержденъ въ должности предсѣдателя губернской земской управы вслѣдствіе подтверждавшихся жалобъ на него крестьянъ, поселившихся на его землѣ, въ томъ, что онъ словесно продалъ имъ землю съ уплатою по частямъ, а затѣмъ, когда, вслѣдствіе труда ихъ, цѣнность имѣнія поднялась, получавшейся имъ частями въ уплату за землю деньги называлъ арендною платою и отъ совершенія купчей отка-

зался. Онъ былъ виднымъ руководителемъ земской, выѣ кадетской, партии, ставшей враждебно правительству вслѣдствіе стѣсненія имъ ея хищническихъ по отношенію къ простому населенію инстинктовъ.

Дубининъ былъ мензелинскимъ городскимъ головою. Исключеный за революціонную дѣятельность изъ технологического института, Дубининъ, совмѣстно съ другими политическими ссыльными въ г. Мензелинскѣ, нотаріусомъ Якимовымъ, и мѣстными обывателями; предсѣдателемъ уѣздной земской управы Товарищевымъ, секретаремъ постѣдней и нѣсколькими учителями, составилъ цѣлую революціонную шайку, державшую въ рукахъ своихъ судьбы города Мензелинска и его уѣзда. Будучи въ то же время предсѣдателемъ спортивного суда, онъ крайне безцеремонно относился къ спортивнымъ имуществамъ и вызывалъ справедливый нареканія со стороны «бывателей». Лучшей для Дубинина характеристикой служить поведеніе его съ началомъ русско-японской войны. Въ одномъ изъ вечеровъ въ мѣстномъ клубѣ Дубининъ, среди оваций университетской молодежи японцамъ по случаю ихъ побѣды надъ нами, привѣтствуя манифестантовъ, разбилъ стаканъ съ пивомъ о полъ, съ громкимъ изъяніемъ: «пусть такъ же разобьетъ Царя нашего японский мікадо». Горячій патріотъ, губернаторъ Соколовский, могъ-ли оставить такую личность городскимъ головою?

Денрейсъ дѣйствовалъ уже въ дворянской средѣ. Совмѣстно съ графомъ Толстымъ и княземъ Кугушевымъ, братомъ губернского предводителя дворянства, сосланымъ потому за революціонную дѣятельность въ мѣста не столь отдаленныя, и Жуковскимъ онъ образовалъ враждебную императорскому правительству группу среди дворянства и былъ выбранъ уѣзднымъ предводителемъ. Допустить въ уѣздной общественной жизни такого руководителя значило поднять на мяteжъ весь уѣздъ, и генералъ-майоръ Соколовский ничуть не поколебался, отказавъ дворянству въ утвержденіи Денреиса въ должности предводителя дворянства, чѣмъ среди благородныхъ дворянъ образовалъ кружокъ лицъ, готовыхъ энергично поддерживать порядокъ.

А вѣдь эти должности—лучшее мѣсто безопасной для себя политической агитации: сперва подберутъ подходящихъ служащихъ, а затѣмъ, чрезъ послушныхъ политическихъ агентовъ, поднимаютъ противъ государственного порядка народъ и учащуюся молодежь. Энергичными мѣрами по удалению изъ общественныхъ управлений лицъ политически-неблагонадежныхъ генералъ Соколовский добился того, что губернія стала спокойною. Если бы такъ же твердо держали бразды правленія и въ другихъ мѣстахъ, и, главное, если бы такому строгому исполненію долга сочувствовали сверху, то въ Россіи мы и не слышали бы ни о бунтахъ, ни о грабежахъ, ни даже о поголовныхъ стачкахъ, а тѣмъ болѣе объ аграрныхъ беззорядкахъ.

Личность генерала Соколовского отлично характеризует подавление имъ башкирского мятежа. Лѣтомъ 1904 г. белебеевскій исправникъ телеграммою донесъ, что тысячная толпа башкиръ не только силою не допустила казенныхъ землемѣровъ до межеванія, но даже угрозами по-боевъ выгнала изъ селенія какъ землемѣровъ, такъ и полицію, въ томъ числѣ самого исправника. Какъ орелъ со скалы срывается на добычу, такъ генералъ Соколовский помчался на мѣсто бунта, одновременно выславъ полувзвода солдатъ. На дорогѣ губернаторъ обогналъ исправника и прибылъ въ огромное башкирское селеніе почти вслѣдъ за командою. Солдаты ждали его на площади, напротивъ—огромная толпа башкиръ въ несколько тысячъ человѣкъ, сильно возбужденія.

Губернаторъ соскочилъ съ телѣжки и, стоя спиной къ башкирамъ, принялъ рапортъ отъ командира полувзвода и поздоровался съ командою.

— Здравія желаетъ, ваше превосходительство,—ответили солдаты.

Башкиры, услышавъ привѣтствіе, тоже крикнули: «здраво жаланъ».

— Молчать!—обернулся къ нимъ огромнаго роста, внушительнаго вида, красавецъ-генераль.

— Разбойники, бунтовщики, молчать!—крикнулъ генералъ на всю площадь своимъ страшнымъ голосомъ такъ, что вся огромная толпа, какъ одинъ, въ ужасѣ наѣла на колѣни и бросилась на землю нижкомъ.

Генералъ приказалъ старшинѣ немедленно накормить солдатъ, потребовавъ продовольствія отъ селенія, и скомандовалъ полувзводу отправиться на отдыхъ. Самъ же вслѣдъ башкирамъ поднялся и личнымъ приказаниемъ арестовалъ главныхъ зачинщиковъ.

Башкиры съ трепетомъ повиновались, клялись, что сопротивляться межеванію не будуть, генералъ уѣхалъ, и землемѣры безпрепятственно окончили работы.

Среди уфимскихъ башкиръ еще и до сихъ поръ пдуть рассказы о томъ, какъ изъ усть генерала раздался «громъ» въ то время, когда онъ обратился съ гневомъ къ нимъ.

Такіе люди, однако, не по нраву революціонерамъ, и губернаторъ Соколовский былъ пред назначенъ къ убієнію. Когда онъ лично разогналъ шайку, затѣявшую, по подстрекательству кадетовъ, 1 мая 1905 г. революцію въ городѣ Уфѣ, то черезъ два дня, въ театрѣ, на виду у всѣхъ, было сдѣлано покушеніе застрѣлить его.

II.

Странный существовалъ у насть взглядъ на положеніе администрації. Если администраторъ вызывалъ на себя нападеніе враговъ порядка, если они проливали кровь его за то, что онъ мѣшалъ ихъ революціоннымъ замысламъ, то правительство, вмѣсто того, чтобы поддержать такого администратора, счѣтило убрать его, въ угоду мятежникамъ. Они же только этого и добиваются. Памъ нужно было именно удалить генерала Соколовскаго, сведшаго революціонную затѣю въ Уфимской губерніи къ нулю: они его развили, что сдѣлать нетрудно,— и правительство тотчасъ убрало несопривѣтшагося революціонерамъ администратора, какъ бы давая имъ поводъ поступать также и съ остальными. Если же глядѣли бы у насть иначе, и, вѣдѣто увольненія подвергавшагося нападенію революціонеровъ администратора, оставляли его, усиливъ его полномочія, то революціонные кружки скоро признали бы всю бесполезность своихъ настій. Къ сожалѣнію, политика наша въ этомъ отпошениі доцельзя странная.

Пораненіе генерала Соколовскаго, сперва показавшееся смертельнымъ, вызвало ликованіе революціонеровъ. Прямо изъ театра кинулись они къ общественному саду, гдѣ убитъ былъ губернаторъ, его предшественникъ,—саду, находящемуся противъ губернаторскаго дома, и подняли такой дикий вой, что онъ казался воемъ волковъ въ зимнія ночи. Мятежники ликовали, и въ саду организовывалась революція. Они считали свои руки развязанными и выкидывали уже красные флаги, но... ошиблись въ расчетѣ: въ управлѣніе губерніей, тотчасъ послѣ пораненія генерала Соколовскаго, вступилъ молодой, энергичный и отважный вице-губернаторъ. По его приказанію, весь садъ, гдѣ выли уличные манифестанты, моментально освѣтился электричествомъ, и конные полицейские съ помощью нагаскъ живо очистили садъ отъ негодяевъ. Наиболѣе дерзкіе изъ нихъ были арестованы, а затѣмъ послѣдовало объявление города Уфы въ положеніи усиленной охраны.

Разумно пользуясь силыю властію, молодой администраторъ сразу возворилъ въ берега разошедшіяся, было, политической страсти. Къ этому времени, благодаря примѣрамъ въ центрѣ и особенно на югѣ и западѣ Россіи, каждый чиновникъ считалъ себя въ правѣ требовать ограниченнія власти правительства, не говоря уже про земскихъ и городскихъ служащихъ, даже въ столичномъ городе образовавшихъ изъ себя открыто шайку революціонеровъ. Съ пораненіемъ генерала Соколовскаго они сочли, было, себя въ безопасности, тѣмъ болѣе, что судейскіе чины всецѣло имъ сочувствовали, и, въ случаѣ привлечения къ ответственности, они могли

расчитывать на безнаказанность. Но во время выручило положение объ усиленной охраны. Послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ административныхъ арестовъ за уличныя манифестаціи, безъ различія званія и положенія, и, главное, послѣ требованія прекращенія со стороны начальствующихъ лицъ спасходигельнаго потакательства революціоннымъ выходкамъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ, глядя на которыхъ разнудывались и остальные члены мѣстнаго общества, буйствовавшая интелигенція смирилась.

Интелигенцію хотѣли, было, выручить городскіе и земскіе кадеты, подло скрывающіеся за спиной подстрекаемой ими учащейся молодежи, и производить манифестаціи въ думѣ и земскомъ собраніи, но собранія по политическимъ вопросамъ думѣ разрѣшены не были. Тогда группа политическихъ интригановъ уговорила городскаго голову Маллѣева созвать гласныхъ и публику какъ будто на панихиду по павшимъ въ Цусимскомъ бою морякамъ, и затѣмъ открыть собраніе для обсужденія распоряженій администраціи и способа принять участіе въ начавшихся новосудю дѣйствіяхъ противъ правительства.

Самъ по себѣ уфимскій городской голова не представлялъ опаснаго заговорщика, во, гонясь за популярностью, Маллѣевъ сдѣлался игрушкою въ рукахъ нѣкоторыхъ темныхъ личностей. Онъ притворялся передъ губернаторомъ Соколовскимъ послушнымъ исполнителемъ его указаний и, въ то же время, способствовалъ развитию революціонныхъ организаций, но при первомъ нажимѣ со стороны администраціи выдавалъ соучастниковъ, за что и получилъ название перебѣжчика. Онъ обманулы управляемаго губерніей вице-губернатора, разрѣшившаго ему въ составѣ гласныхъ городской думы только отслужить панихиду, и открылъ по окончаніи послѣдней публичное собраніе думы, на которомъ и предложилъ обсудить способъ борьбы съ администрацией. Во-время предупрежденный, вице-губернаторъ не побоялся прибыть въ собраніе думы и лично разогнать незаконное соборище.

Съ земскими собраніемъ молодой администраторъ поступилъ еще лучше: онъ разрѣшилъ чрезвычайное губернское земское собраніе, но подъ условиемъ закрытыхъ дверей. Ка-датамъ же весь интересъ только и былъ въ публичности, чтобы вызвать сопутственныя манифестаціи со стороны молодежи и послушныхъ земскихъ и городскихъ служащихъ—этого злосчастнаго вародившагося на Руси безсловесного элемента.

Одновременно, городской голова Маллѣевъ бытъ привлеченъ къ ответственности за самовольное открытие не разрѣшенаго собранія думы, а предсѣдатель губернской земской управы Коропачинскій, также послушный и трусливый ставленникъ кадетовъ, за разсылку по губерніи прокламаций съ приглашеніемъ не подчиняться правительстеннымъ распоряженіямъ и Высочайшимъ указамъ, по 129 и 130 ст. угол. улож.

Такими рѣшительными мѣрами въ губерніи сразу подворено было спокойствіе: и земскіе, и городскіе революціонеры смирились, и попыткѣ къ уличнымъ манифестаціямъ уже не повторялось: уничтожены были даже подпольные гектографы. Такъ шло все спокойно вплоть до увольненія генерал-майора Соколовскаго отъ должности уфимскаго губернатора и до изрѣмѣщенія его вѣрнаго помощника—вице-губернатора въ тамбовскую губернію.

Ликованію революціонеровъ при извѣстіи объ удовлетвореніи ихъ сокровенайшемъ желаніи избавиться отъ мѣшавшихъ имъ администраторовъ не было границъ, и они снова принялись за свою разрушительную работу. Тотчасъ послѣдовала забастовка въ желѣзодорожныхъ мастерскихъ въ городѣ Уфѣ и сдѣлана была попытка къ уличной манифестаціи. Но вице-губернаторъ былъ человѣкомъ долга и служилъ Царю не за страхъ, а за совѣсть. Не смотря на предстоявший уходъ изъ губерніи, онъ ви на мигу не выпустилъ кормила правленія изъ рукъ и, лично распоряжаясь все время, добился того, что забастовка протекла мирно, и черезъ недѣлю закончилась. Этого достигъ онъ путемъ ареста всѣхъ мѣстныхъ революціонныхъ дѣятелей, уличенныхыхъ въ подстрекательствѣ рабочихъ, чѣмъ заставилъ наиболѣе видныхъ изъ нихъ бѣжать отъ города подальше.

Необходимо изяснить, что рабочіе по самаро-златоустовской желѣзной дорогѣ уже давно получили все, что выставлялось дѣлью желаній соціаль-демократовъ: и 8-часовой трудъ, и прекрасное жалованье. Движеніе же свое они объясняли очень просто: «всѣ — де бунтуютъ, ваше превосходительство; мы только одни покойны». Вице-губернаторъ объявилъ имъ:

— Не работать — можете, но заставлять не работать — не смѣете. А за буйство на улицѣ — строго накажу!

Всѣмъ извѣстенъ былъ его рѣшительный характеръ, всѣ знали, что за словами послѣдуютъ и дѣйствія, всѣ даже видѣли заготовленную конную полицію и солдатъ,—и 5,000 рабочихъ не осмѣлились выйти изъ границъ дозволенного.

Чрезвычайно остроумно была прекращена въ это время забастовка политическихъ арестантовъ. Недовольные строгимъ за ними надзоромъ, политические арестанты объявили голодовку. Получивъ обѣ этомъ донесеніе, вице-губернаторъ прибылъ въ тюрьму и, лично выслушавъ отъ заключенныхъ объясненіе ими бойкота инцидѣнта, выразилъ полную свою готовность содѣйствовать принятому ими рѣшенію и тутъ же при нихъ тѣмно отдать приказаніе немедленно убрать всѣ пищевые продукты изъ камеры объявившихъ голодовку арестантовъ и прекратить ихъ доставленіе въ теченіи трехъ дней. Черезъ нѣсколько часовъ смотритель тюрьмы уже телефонировалъ, что политические заключенные подняли

шумъ и крики, жалуясь на муки голода, и требуютъ пищи. Однако, требование ихъ тотчасъ удовлетворено не было, но имъ предложили ждать съѣдующаго дня и получить пищу въ установленные для того тюремными порядками часы.

Особенное вниманіе удѣляли оба администратора еврейскому вопросу. Отлично сознавая, что коренными причинами несчастий России являются евреи-тамадисты, они строго законно относились къ нимъ. При нихъ полиціи на умъ не приходило дѣлать каких-либо поблажекъ, столь обычныхъ въ другихъ мѣстахъ, евреямъ, коимъ запрещено пребываніе въ черты еврейской осѣдлости. Извлѣвшиеся въ уфимскую губернію подъ видомъ музыкантовъ или опереткѣй, часовщиковъ или портныхъ еврей-революціонеры изгонялись безнаказанно, и уфимская губернія была свободной отъ этихъ паразитовъ.

Прекращеніе рабочаго движенія въ мастерскихъ желѣзной дороги, заключеніе въ тюрьму появившихся революціонеровъ, среди коихъ видное мѣсто занимали евреи, и особенно апекдотическое окончаніе политической голодовки, сдѣлавшейся предметомъ общаго смысла, привели уфимскихъ политическихъ интригановъ-кадетовъ въ бѣшенство. Они залпами столичную еврействующую революціонную печать клеветническими телеграммами и корреспонденціями о яко бы произволѣ уфимской администраціи и ея жестокостяхъ по отношенію къ политическимъ заключеннымъ, дошедшими до мученій голодомъ.

Этотъ шумъ въ революціонной печати также напугалъ трусливое въ то время правительство и оно слѣпо рыло себѣ яму, удаляя грозныхъ для революціи администраторовъ въ то время, когда ихъ нужно было усилить.

Лучше всего положеніе вещей отгѣнили сами революціонеры. Какъ только узнали, что новый губернаторъ уже ёдетъ, а вице-губернаторъ собирается уѣзжать, повсюду снова запевелились рабочіе, начали сыпаться прокламаціи, учащаяся молодежь захорохорилась, политическіе интриганы вернулись къ дѣятельности, проѣздомъ черезъ Уфу появились подозрительные евреи, и революціонное движеніе стало готовиться не по-днамъ, а по часамъ.

Вскорѣ предъ уфимцами стала великая загадка: каковы будутъ дѣйствія нового губернатора? Будетъ ли онъ продолжать политику своихъ предшественниковъ, или пойдетъ на компромиссы? Если онъ будетъ слабъ и начнетъ дѣлать уступки не въ пользу престижа власти, то одного мѣсяца довольно, чтобы уфимская губернія загорѣлась страшнымъ бунтомъ. Агитаторы начали работать во всю и ссыпали наверстать время, потерянное при генераль-майорѣ Соколовскомъ и его достойномъ подвижникѣ, жизнью своею вскорѣ послѣ того занесявшемъ любовь свою къ родинѣ.

III.

Вместо генераль-майора Соколовского уфимским губернаторомъ назначенъ былъ смоленскій, бывшій пермскій, вице-губернаторъ Болеславъ П. Цѣхановецкій, а вице-губернаторомъ инспекторъ за московскими типографіями вадворный совѣтникъ А. И. Келеновскій.

При первомъ извѣстіи о назначении Цѣхановецкаго революціонные элементы изъ земскихъ и городскихъ дѣятелей воззрковали: «Онъ нашъ», — говорили они про новаго губернатора. Дальнѣйшія событія показали, что они не ошиблись. Начальникъ жандармскаго управлениія получила изъ Перми письмо, въ которомъ сообщали ему: «Ну, не поздравляемъ васъ съ начальникомъ губерніи».

Пріѣхалъ Цѣхановецкій 16 июля, и уже 18 июня, позвавъ къ себѣ редактора уфимскихъ губернскихъ вѣдомостей, приказалъ ему, чтобы въ газетѣ не помѣщалось болѣе ни строчки изъ патріотическихъ газетъ: «Московскихъ Вѣдомостей», «Дня», «Гражданина» и самое направленіе газеты перемѣнилось на либеральное. Съ того времени перепечатки начались только изъ революціонныхъ газетъ. Руководящія статьи патріотического содержанія исчезли со страницъ губернской правительствующей газеты и, къ общему удивленію, въ послѣдовавшемъ стали помѣщаться свѣдѣнія въ подрывъ правительственныйму авторитету.

Дѣлая визиты по городу, губернаторъ Цѣхановецкій особенно старательно знакомился со всѣми мѣстными революціонными дѣятелями — Жуковскимъ, Денрейсомъ и др., т. е. тѣми самыми лицами, которыя ранѣе всячески отстранялись администрацией отъ влияния на общественно-политическую жизнь. Къ великому смущенію обывателей, онъ не забылъ и мѣстного корреспондента революціонной существующей прессы, у которого незадолго передъ тѣмъ было произведенъ обыскъ по подозрѣнію въ храненіи разрывныхъ снарядовъ.

Въ обществѣ и на приемахъ какъ частныхъ лицъ, такъ и подшрененныхъ, Цѣхановецкій сталъ открыто пропагандировать въ пользу все разраставшагося въ то время политического революціонного движенія, выказывая, что настала уже пора измѣнить политический режимъ въ Российской имперіи. Особенное вниманіе собесѣдниковъ своихъ обращалъ онъ на то, что министръ внутреннихъ дѣлъ Булгакинъ весьма недоволенъ распоряженіями его предшественниковъ и поручилъ ему, Цѣхановецкому, перевернуть все ихъ распоряженія по политическимъ дѣламъ. При этомъ Цѣхановецкій высказывалъ сожалѣніе, что не удалось ему измѣнить въ обратномъ смыслѣ редакцію представленія объ увольненіи отъ должности члена губернской земской управы графа Толстого за участіе въ запре-

щенному съездѣ, находилъ излишнимъ положеніе обѣ усиленной охранѣ, выставляя ее тормазомъ для прогрессивнаго движения; открыто, даже при подчиненныхъ, банилъ своихъ предшественниковъ за то, что они притесняли политическую свободу и исполняли надзоръ за общественными учрежденіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждалъ своихъ слушателей, что пора дать полную автономію земствамъ и городамъ и находилъ лучшимъ образцомъ управлениія организацію американскихъ соединенныхъ штатовъ вслѣдствіе самостоятельности каждого изъ нихъ. Въ виду этого, губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе находилъ Цѣхановецкій учрежденіемъ излишнимъ и, съ цѣлью ослабить въ немъ правительственный элементъ, приказалъ не звать на засѣданія вице-губернатора, чтобы представители общества могли имѣть при разрѣшеніи дѣлъ перевѣсь надъ администраціей. Вообще, Цѣхановецкій дѣятельно пробуждалъ въ обществѣ стремленіе къ захвату политической власти и открыто поддерживалъ всѣхъ тѣхъ, кто шелъ противъ правительства.

23 июля онъ получилъ отъ только что исключенныхъ передъ тѣмъ, за политическую демонстрацію, изъ состава гласныхъ мезелинскай городской думы Дубинина, Якимова и другихъ прощеніе о возстановлѣніи ихъ снова въ званіи гласныхъ и, несмотря на противозаконность ихъ желанія, сдѣлалъ распоряженіе обѣ его удовлетвореніи, а 29 июля по требованію земскихъ революціонныхъ дѣятелей вновь назначилъ на должность секретаря белебеевскаго воинскаго присутствія Рыжикова, уволеннаго генераломъ Соколовскимъ за устройство въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ белебеевскомъ клубѣ революціонной публичной демонстраціи.

Все время, не переставая, во время даже служебныхъ докладовъ, Цѣхановецкій пропагандировалъ, что пора управлять страною самому населенію, и требовалъ направлениія дѣлъ въ этомъ духѣ. Онъ открыто высказывалъ, что Верховную Власть необходимо ограничить, дабы Ова не могла вмѣшиваться въ мѣстную жизнь. Про свое же политическое credo говорилъ, что въ политическомъ смыслѣ онъ не держится вправо и не очень влѣво, преимущественно серединки, но болѣе въ лѣвую сторону. Про Государево Самодержавіе презрительно отзывался, что оно ранѣе имѣло значеніе, но дни его сочтены, такъ какъ съ учрежденіемъ государственной думы Самодержавіе будетъ ограничено. При этомъ утверждалъ, что онъ примирялся бы еще съ Самодержавіемъ, если бы оно находилось въ рукахъ просвѣщенныхъ лицъ, но такъ какъ государи российскіе не умны и не образованы, то въ ихъ рукахъ оно опасно. Особенно злобно относился Цѣхановецкій къ царственнымъ трудамъ Императора Александра III, высказывая, что 13 лѣтъ царствованія Александра III привели Россію къ гибели. При публичныхъ рѣчахъ онъ никогда не называлъ Царя Самодержавнымъ, а только Державнымъ, и обращалъ на это вниманіе общественныхъ дѣятелей.

5 августа вечеромъ происходило засѣданіе исправниковъ по вопросамъ о мобилизациі. Получилась телеграмма. Цѣхановецкій, обращаясь къ присутствовавшимъ, радостно вскричалъ:

— Господа, поздравляю васъ съ конституціей — она уже подпи-сана.

Всѣ удивились и промолчали. Онъ, видимо недовольный недружелюбнымъ приемомъ извѣстія, заявилъ, что отъ радости при такой новости заниматься не можетъ. Оказалось, что то была телеграмма объ учрежденіи государственной думы. Тутъ же, обращаясь къ непремѣнному члену по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, приказалъ черезъ два дня назначить засѣданіе губернского присутствія для скорѣйшаго прекращенія всѣхъ дѣлъ по обвиненію общественныхъ должностныхъ лицъ въ политическихъ преступленіяхъ.

8 августа засѣданіе присутствія состоялось. Прежде всего разсмотрѣно было дѣло объ уфимскомъ городскомъ головѣ Маллѣевѣ, обвинявшемся въ открытии, не смотря на запрещеніе администраціи, экстренаго засѣданія думы для выработки политической программы. Какъ приведено было выше, съ этой цѣлью Маллѣевъ не постыдился даже обмануть управляющаго губерніей, заявивъ о намѣреніи гласныхъ помолиться за убитыхъ въ Цусимскомъ бою матросовъ на панихидахъ. Цѣхановецкій, съ помощью сочувствовавшаго ему Лагоды, предсѣдателя окружнаго суда, и Коропачинскаго, предсѣдателя уфимской губернской земской управы, не спрашивая мнѣній остальныхъ двухъ присутствовавшихъ членовъ — управляющаго казенною палатою и непремѣнного члена, вынесъ рѣшеніе: «такъ какъ обстоятельствами дѣла не установленъ тогъ фактъ, что бѣсѣда гласныхъ думы послѣ панихииды имѣла характеръ засѣданія думы и никакого рѣшенія принято гласными не было, дѣло производствомъ прекратить». Между тѣмъ, и протоколомъ, и свидѣтелями незаконное засѣданіе думы, прекратившееся по личному непосредственному приказанію управляющаго губерніею, вполнѣ подтверждалось и только вслѣдствіе этого засѣданіе не успѣло вынести рѣшенія. Затѣмъ, Коропачинскаго въ засѣданіи присутствія смынилъ оправданный Маллѣевъ, и присутствіе разсмотрѣло дѣло по обвиненію уже Коропачинскаго, прекратившагося изъ суды въ обвиняемаго, въ распространеніи въ казенныхъ безплатныхъ пакетахъ постановленія воспрещеннаго правительствомъ московскаго съѣзда земскихъ дѣятелей ка-детовъ 22-го апрѣля съ призываомъ населенія противиться *Высочайшимъ* распоряженіямъ, по ст. 129 и 130 угол. улож. Управляющій казенною палатою подалъ мнѣніе, что ни одно правительство, даже республиканское, не допустить, чтобы чиновники агитировали противъ правительства, и что Коропачинскій за такое наглое

возбужденіе населенія противъ Верховной Власти, путемъ употребленія во зло довѣрія послѣдней къ губернскому земству, и въ виду огромнаго штата находящихся въ подчиненіи у него земскихъ служащихъ лицъ, подлежитъ строжайшей судебной отвѣтственности. Выслушавъ это, Цѣхановецкій рѣзко повернулся къ нему спиною.

Предсѣдатель же суда, Лагода, не постыдился замѣтить, что дѣло можно было бы легко прекратить, если бы въ докладной части не было указано, какъ надлежитъ поступить по закону. Тогда, по предложению Лагоды и по требованію Цѣхановецкаго, изъ докладной части журнала было вычеркнуто это указаніе, и дѣло о Короначинскомъ прекращено по слѣдующей редакціи Лагоды: «усматривая изъ объясненія Короначинскаго, что разсыпка протокола совѣщенія объясняется изъ нравомъ, предоставленнымъ предсѣдателю управы 102 ст. пол. зем. учр. (о томъ, что предсѣдатель ведеть нерениску); губернское присутствіе находитъ, что предсѣдатель земской управы, разославъ протоколь, поступилъ неправильно, такъ какъ ст. 102 полож. о зем. учреж. такого права ему не даетъ. Что же касается обвиненія Короначинскаго по 130 ст. угол. улож., то сужденія по этому предмету, выходящему изъ предѣловъ вѣдомства губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, не имѣть. По этимъ соображеніямъ разъяснить предсѣдателю губернской управы неправильное толкованіе 102 ст. пол. о зем. учрежд., не входя въ обсужденіе вопроса о возбужденіи противъ Короначинскаго по 130 ст. угол. улож.». Тотчасъ былъ позванъ въ присутствіе Короначинскій. Цѣхановецкій объяснилъ ему, что, благодаря неблагопріятно для него составленной докладной части, трудно было освободить его отъ отвѣтственности за политическое преступление, почему дѣло должно быть разсмотрѣно еще разъ лично имъ, губернаторомъ Цѣхановецкимъ, съ прокуроромъ суда по уголовному уложенію, но что онъ надѣется, что съумѣть дѣло прекратить. Короначинскій подлежалъ устраниенію отъ должности, съ назначеніемъ предварительного слѣдствія, такъ какъ наказаніе за преступление грозило ему тяжкое, съ лишениемъ правъ. Поступокъ Лагоды и Цѣхановецкаго, предававшихъ уничтоженію доказательства, глубоко возмущилъ остальныхъ членовъ присутствія, но большинствомъ трехъ голосовъ противъ двухъ противозаконное дѣло было решено въ пользу крамолы.

Вслѣдъ затѣмъ Цѣхановецкій написалъ министру внутреннихъ дѣлъ Булыгину письмо о томъ, что Короначинскій отличный человѣкъ и что у него съ нимъ установились самые лучшія отношенія, почему просить разрѣшенія министра прекратить дѣло по обвиненію его Короначинскаго по 129 и 130 ст. угол. улож., на что получить отвѣтъ, уже отъ замѣстителя Булыгина, что губернаторъ обязанъ соблюдать законъ, но

коему дѣла о земскихъ должностныхъ лицахъ рѣшается не единолично, но губернскимъ присутствиемъ. Письмо свое и отъѣтъ министра Цѣхановецкій показалъ Корочачинскому въ доказательство своей готовности стоять за революціонныхъ дѣятелей, но вопросъ объ уголовной отвѣтственности въ губернское присутствие такъ и не внесъ.

IV.

Видимо торопясь дать свободу дѣйствій всѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ, поспѣшилъ Цѣхановецкій разрѣшить, но уже единолично, дѣло мензелинского городского головы Захарова. Городъ Мензелинскъ былъ долгое время мѣстомъ ссылки для политическихъ преступниковъ, особенно поляковъ. Нѣкоторые изъ нихъ приобрѣли тамъ недвижимую собственность и занимались въ чисто мѣстныхъ жителей, но прежняя политическая идея не забылъ. Вслѣдствіе этого, не смотря на глубочайшую преданность Престолу Самодержавнаго Государя со стороны корельного населения, въ составъ общественныхъ учрежденій попадали иногда и люди революціоннаго направленія. Среди нихъ особенно отличался городской голова Дубининъ, удаленный отъ должности губернаторомъ Соколовскимъ за грубейшія антипатріотическія выходки. Въ-своего него дума выбрала преданнаго Царю гражданина Захарова, который сплотилъ вокругъ себя копесрваторовъ, составивъ изъ нихъ большинство въ городской думѣ. Тогда Дубининъ и его сторонники—нотаріусъ Якимовъ (изъ ссыльныхъ), предсѣдатель земской управы Товарищевъ и нѣкоторые изъ купечества, оставаясь постоянно въ меньшинствѣ по вопросамъ о направлении политической жизни въ городѣ, рѣшили избавиться отъ Захарова путемъ грубаго насилия. Они согласились между собою не посыпать засѣданій городской думы до тѣхъ поръ, пока на должности городского головы состоится Захаровъ, обвиняя его въ томъ, что онъ поддерживаетъ хорошія отношенія съ губернской и уѣздной администрацией и не допускаетъ на должностяхъ учителей лицъ съ революціонными направлениями, что, по ихъ передовому мнѣнію, позорно для гражданина. По численному своему составу въ думѣ соглашеніемъ своимъ они срывали возможность работы думы въ законномъ составѣ по денежнымъ ассигнованіямъ, парализуя забастовкою общественную дѣятельность. Требованіе ихъ было изложено въ письменной формѣ и предъявлено не только Захарову, но и губернатору въ очень рѣзкихъ и отношенииу къ администраціи выраженіяхъ. Управлявшій въ то время уфимскою губерніей отказалъ имъ отъ посыщенія городской думы принять за отказъ отъ исполненія обязанностей гласныхъ и, озабочиваясь пра-

пильною дѣятельностью думы, поручилъ городской управѣ пригласить на ихъ мѣсто кандидатовъ въ гласные. Городская дума, на точномъ основаніи городового положенія, тотчасъ исключила Дубинина, Якимова и другихъ «товарищей» изъ состава гласныхъ и пригласила на ихъ мѣсто кандидатовъ, чѣмъ возстановилась законная дѣятельность общественнаго управления. Неожиданно для себя устраниеніе отъ влиянія на городскую жизнь, политическіе забастовщики могли лишь излить въ еврейскихъ газетахъ потоки грязи на Захарова и администрацію. Когда же въ управлѣніе губерніей вступилъ Цѣхановецкій, тотчасъ встрѣтили въ немъ готовность содѣйствовать къ возвращенію ихъ въ составъ городской думы.

Не смотря на докладъ о томъ, что отмѣнить распоряженіе губернатора можетъ только правительствующій сенатъ, и что законъ воспрещаетъ новому губернатору отмѣнять распоряженія своего предшественника, Цѣхановецкій 12 августа послалъ мензелинской городской управѣ противозаконное предложеніе о донущеніи Дубинина и Якимова со «товарищи» вновь въ гласные. Предложеніе это, какъ противозаконное, не могло быть исполнено, и потому городской голова Захаровъ хотѣлъ внести его на обсужденіе думы, которая считала крамольниковъ уже исключенными изъ своего состава и единогласно отказывалась принять въ свою среду исключенныхъ. Тогда Цѣхановецкій вызвалъ Захарова къ себѣ и сказалъ ему, что требованіе его, Цѣхановецкаго, о донущеніи Дубинина и др. въ гласные хотя и незаконно, по сдѣлано, чтобы усилить лѣвый элементъ въ мензелинскій городской думѣ, которая, какъ видно изъ ея всеподданнѣйшаго адреса, слишкомъ консервативна. Поэтому онъ предваряетъ Захарова, что министръ внутреннихъ дѣлъ Булыгинъ его хороший знакомый и что онъ напишетъ ему, что Захаровъ со всеми ссорится, и тотъ его уволитъ. Если же Захаровъ хочетъ остаться городскимъ головою, то пусть дастъ ходъ революціонной партіи, такъ какъ теперь пошли пынья времена и пора ограничить Самодержавіе. А такъ какъ Захаровъ не хочетъ допускать лѣвую партію къ участію въ думѣ и опирается на консервативную партію, которая, вслѣдствіе его влиянія, составила слишкомъ вѣрноподданическій адресъ, то онъ, Цѣхановецкій, предлагаетъ ему оставить должность городского головы, и, съ своей стороны, посодѣйствуетъ его переводу на какую-нибудь должность, и даже дадъ ему съ этою цѣлью письмо къ управляющему акцизными сборами.

По возвращеніи своемъ послѣ объясненія съ губернаторомъ въ г. Мензелинскѣ, Захаровъ получить письмо отъ боевой организаціи революціонной партіи съ предупрежденіемъ, что онъ будетъ убитъ, если не исполнить требованія революціонныхъ дѣятелей г. Мензелинска. Мѣстный же жандармъ предупредилъ Захарова быть осторожнымъ отъ убийцъ, замышляющихъ покушеніе на его жизнь.

Такое трогательное единение, въ гонении на преданныхъ Россіи и Царю ея лицъ, губернатора и революціонеровъ-убийцъ произвело въ высшей степени тяжелое впечатлѣніе на консерваторовъ и сильно подняло энергию революціонныхъ вожаковъ.

Въ партии Дубинина состоялъ также предсѣдатель земской управы Товарищевъ, который бытъ привлеченъ къ отвѣтственности за отказъ посыпать по обязанности своей, какъ представителя земства, городскую думу въ видѣ протеста консервативному ея составу. Цѣхановецкій освободилъ его отъ отвѣтственности личнымъ распоряженіемъ. Затѣмъ, не только допустилъ къ участію въ уфимской думѣ, въ качествѣ гласнаго, судебнаго слѣдователя Ахмаметъева, которому, по требованію вице-губернатора, предсѣдатель окружнаго суда воспретилъ участіе въ думѣ за его постоянное открытое возбужденіе гласныхъ къ революціонной дѣятельности, но даже представилъ его къ назначению на должность помощника тюремнаго инспектора, чѣмъ давалъ революціонной партіи возможность имѣть постоянное сношеніе съ заключенными въ тюрьмѣ политическими преступниками. Одновременно Цѣхановецкій возстановилъ дѣйствія белебеевскаго клуба, закрытаго губернаторомъ Соколовскимъ за революціонныи агитациіи.

Положеніе о государственной думѣ Цѣхановецкій называть не иначе, какъ конституціей, и сожалѣть о томъ, что по составу своему государственная дума можетъ имѣть преимущественно крестьянскую среду, что помѣшаетъ ограничить Самодержавіе. Непремѣнному члену губернскаго по земскому и городскому дѣламъ присутствія высказалъ неудовольствіе за то, что онъ преслѣдуется уклоненіемъ отъ закона въ городской и земской жизни, и требовалъ полной для нихъ свободы, находя, что существующіе законы съ введеніемъ конституціи можно и не исполнять, такъ какъ настало время для полной автономіи областей и совершенной независимости ихъ отъ центральной власти. Упрекалъ его въ томъ, что общественные дѣятели, нынѣ кадеты, графъ Толстой, Маллѣевъ, Короччинскій и Товарищевъ привлекались къ отвѣтственности, и что виновность ихъ была слишкомъ очевидно обозначена, почему лишь съ большими трудомъ и ясными настѣжками удалось прекратить дѣла о нихъ. На возраженіе, что распоряженіе о привлечении къ отвѣтственности послѣдовало отъ управлявшаго губерніей и что обязанность непремѣнного члена всесторонне и добросовѣтно выяснить каждое порученное губернаторомъ дѣло, Цѣхановецкій отвѣтилъ, что надлежало бы непремѣнному члену отказаться отъ исполненія приказаний мѣшать революціонному движению и во всякомъ случаѣ дѣлать такъ, чтобы оно имѣло возможность двигаться впередъ.

— Если бы,—сказалъ Цѣхановецкій,—приказалъ мнѣ министръ повѣсить человѣка, я не сталъ бы этого дѣлать. Пренестиовать прогрессивному движению то же самое, что повѣсить человѣка.

Уфимскому городскому головѣ Малльеву, тотчасъ по утвержденіи положенія о государственной думѣ, губернаторъ Цѣхановецкій предложилъ созвать экстренное засѣданіе городской думы для обсужденія манифеста и, когда получилось рѣшеніе городской думы требовать свободы слова, печати и собраній, былъ недоволенъ только тѣмъ, что эти требования не были скрашены лѣстивыми словами благодарности. Но его совсѣмъ, но съ включениемъ лести, также поступили и остальные города и земства, такъ что замѣтно было общее политическое направленіе всѣхъ общественныхъ учрежденій въ губерніи, кроме только уфимского уѣзда земства, находившагося подъ влияніемъ консервативнаго предсѣдателя.

Когда получились извѣстія о постановлѣніи съѣзда въ Москву земскихъ и городскихъ дѣятелей 12 сентября 1905 г. о раздѣлѣ Россіи и выдѣлѣ Польши въ самостоятельное государство, Цѣхановецкій принялъ иъ величайший восторгъ. Объ сожалѣль лишь о томъ, что Врублевский слишкомъ неосторожно поднялъ объ этомъ рѣчь, такъ какъ возбудилъ опасеніе, не отходить ли къ Польшѣ также и иѣкоторая чисто русскія области, и этимъ преждевременнымъ открытиемъ плановъ польскихъ дѣятелей можетъ помѣшать, пожалуй, осуществиться рѣшенію съѣзда объ образованіи самостоятельной польской республики. Но увѣреніемъ Цѣхановецкаго, въ Россіи, въ мѣстностяхъ съ отдѣльными народностями, надо установить такія же самостоятельные области на основѣ личной уни, какъ Швеція съ Норвегіей или Венгрия съ Австріей.

Въ началѣ октября Цѣхановецкій экстренно вызвалъ къ себѣ одного изъ высшихъ чиновниковъ и сказалъ ему, что онъ заставляетъ его, Цѣхановецкаго, держаться политики Соколовскаго своею корреспонденцію объ уфимской крамолѣ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, о чѣмъ онъ получиль извѣстіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, по требованію котораго редакторъ назвалъ корреспондента. Затѣмъ предложилъ, подъ угрозою реинпресіи, на будущій разъ предъ посыпкой корреспондентъ показывать ихъ ему, чтобы совмѣстно ихъ исправлять, такъ какъ, по словамъ его, за Московскими Вѣдомостями, какъ политическимъ органомъ монархической партіи, очень внимательно слѣдить правительство, а для успѣха «дѣла» весьма важно, чтобы не возбуждать заранѣе беспокойства правительства, и что особенно вредно для «дѣла» указаніе въ корреспонденціи на то, что одно только извѣстіе о назначеніи его, Цѣхановецкаго, губернаторомъ уже подняло энергию революціонныхъ элементовъ уфимской губерніи. Говорилъ онъ объ этомъ такъ, какъ будто самъ съ собою, во громко. Цѣхановецкій производитъ странное впечатлѣніе: онъ часто говорить не то, о чѣмъ идетъ рѣчь, но то, о чѣмъ онъ и въ это время думаетъ. Спохватившись, что онъ высказываетъ вещи, которыхъ говорить неудобно, онъ переноеніе разговоръ на другой предметъ.

Вмѣсть съ тѣмъ онъ считалъ болыпинство его окружавшихъ своими единомышленниками.

Въ августѣ мѣсяцѣ, составивъ телеграмму о томъ, какъ онъ отлично управился съ мобилизацией и какъ, благодаря его распоряженіямъ, было все спокойно, Цѣхановецкій приказалъ управляющему своею канцеляриею, состоявшему агентомъ телеграфного агентства, послать эту телеграмму, а когда она, вслѣдствіе бросающагося въ глаза чрезмѣрнаго восхваленія губернатора за обычныя распоряженія, не была напечатана въ газетахъ, приказалъ ему оставить агенттуру подъ угрозою лишенія должности.

По отрапорту къ политическимъ преступникамъ изъ недолжностныхъ лицъ Цѣхановецкій также всячески оказывалъ вниманіе, способствуя прекращенію о нихъ дѣлъ. Политическими заключеннымъ поручилъ Цѣхановецкій дѣлать всевозможныя льготы и разрѣшилъ защенія свиданія даже тѣмъ, которые были арестованы по требованію департамента полиціи. Вслѣдствіе такихъ попустительствъ, получилась возможность революціонеру еврею Лейбѣ Хунову Пеккеру, обвинявшемуся въ очень серьезныхъ государственныхъ преступленияхъ, бѣжать изъ тюрьмы за недѣлю до суда, подиливъ принесеннымъ ему инструментомъ рѣшетку у окна. Вниманіе Цѣхановецкаго къ Пеккеру простидалось до такой степени, что онъ давалъ ему книги изъ своей библиотеки, а когда узналъ объ его бѣгствѣ, былъ очень доволенъ этимъ пзвѣстіемъ. Тюремные надзиратели увѣряли, что пилки были доставлены Пеккеру самимъ Цѣхановецкимъ въ книгахъ, которыхъ онъ приносилъ ему самъ въ тюрьму и лично вручалъ безъ осмотра надзирателями. Цѣхановецкій также лично хлопоталъ передъ прокуроромъ судебнай палаты о выпускѣ изъ тюрьмы подъ надзоръ полиції Третьякова, чѣмъ далъ ему возможность бѣжать, какъ и Пеккеру, наканунѣ суда о немъ.

По всѣмъ отраслямъ управления распоряженія губернатора Цѣхановецкаго клонились къ подрыву авторитета центральнаго русскаго правительства. Такъ, онъ ввушалъ гласнымъ уфимской городской думы, что они будутъ вполнѣ правы, если откажутся исполнить требование министра внутреннихъ дѣлъ о согласованіи съ закономъ правилъ о времени торговли въ праздничные дни, одобрилъ ихъ постановленіе о нежеланіи подчиняться правительству и только по настоянию непремѣннаго члена губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія подписалъ донесеніе о томъ министру.

V.

Особенно вредною для государства оказалась пропаганда губернатора Цѣхановецкаго среди мусульманского населения. Невидя Россію, Цѣхановецкій пользовался губернаторскою властью для того, чтобы возможно шире и глубже разлить ядъ вражды въ мусульманскомъ населеніи къ российской государственности. Указывая на численное преобладаніе въ уфимской губерніи мусульманского населения, Цѣхановецкій съ чисто іезуитскою ловкостью наталкивалъ дремавшій мусульманскій міръ на якобы право его требовать предпочтенія своей религіи, своему языку и своимъ обычаямъ противъ православной религіи, русского языка и русскихъ обычаевъ. Это необходимо было для того, чтобы вызвать сочувствіе къ Польшѣ, къ требованіямъ поляковъ признанія ея автономіи, признанія католической церкви главенствующею, польской народности преобладающею и польского языка первенствующимъ въ предѣлахъ Царства Польскаго, не только въ обиходѣ, но и въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ. И ему действительно удалось разжечь огонь мусульманскаго патріотизма. Чанселлистское движение, идя изъ центра мусульманства — азіатскихъ государствъ и давно уже проявившееся среди крымскихъ мусульманъ, не было чуждо и уфимской губерніи. Передъ ярымъ, однако, фанатикомъ полякомъ уфимской губерніе привѣлъ рядъ русскихъ, хотя подчасъ и очень либеральныхъ, губернаторовъ, но чуждыхъ тому, чтобы симпатизировать расчлененію Россіи. Особенно же строго смотрѣли за дружнымъ единеніемъ съ Россіей мусульманъ такіе дѣятели, какъ Соколовскій и Богдановичъ, знакомые съ мусульманскимъ населеніемъ еще по службѣ въ оренбургской губерніи и рядомъ своихъ распоряженій доказавшие разумное отношеніе свое къ мусульманскому миру. Не выказывая ни малѣйшей тѣни пренебреженія къ нему, напротивъ, дружеское и предупредительное вниманіе, они, въ то же время, тогдѣ пресекали малѣйшее попыткіе фаватиковъ изъ мусульманъ поставить религию свою или народность не только выше, но даже наравнѣ съ российскою. И народъ мусульманский всегда безпрекословно признавалъ это главенство русской вѣры и народности, оставаясь одновременно вполнѣ полноправнымъ съ русскими передъ судомъ и законами российской имперіи.

Политика Цѣхановецкаго клонилась всепѣло къ тому, чтобы раздуть племенные и религіозные инстинкты. Онъ открыто одобрялъ требованія мусульманъ-кущевъ, чтобы, въ виду преобладанія мусульманской народности въ губерніи, соблюдались христіанами мусульманскіе праздники и торговля прекращалась въ эти дни, а не въ православные празд-

ики. Данное въ это время правительствомъ согласие на введеніе въ Польшѣ преподаванія на мѣстныхъ языкахъ дало Цѣхановецкому по-водѣ одобрять выражавшееся нѣкоторыми мусульманами изъ интеллигентіи желаніе ввести преподаваніе на татарскомъ языкѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя въ народной массѣ такихъ намѣреній не возникало и она сть особеннымъ уваженіемъ отвосилась къ изученію русскаго языка, какъ государственнаго. Вслѣдъ за этимъ шло вообращаемое право мусульманъ требовать введенія переписки въ губернскихъ учрежденіяхъ на татарскомъ языкѣ и т. д.

Цѣхановецкимъ же брошена была въ мусульманскую среду коварная мысль о возможности для мусульманъ образовать отдѣльное автономное государство изъ уфимской и частей казанской и оренбургской губерній и населенныхъ киргизами западно-сибирскихъ областей, где бы мусульманамъ явилась возможность осуществить свои панисламистскія идеи. Цѣхановецкій бередить смутно мелькавшія въ умахъ нѣкоторыхъ передовыхъ мусульманъ болѣзневныя племенные и религіозныя идеи съ исключительной цѣлью вызвать сочувствіе къ Польшѣ, ослабить силу Россіи ея расчененіемъ и тѣмъ способствовать возстановленію дорогой ему Рѣчи Посполитой.

Не ограничиваясь словесною пропагандою, Цѣхановецкій сѣшиль и на дѣль разжечь мусульманское движение. Онъ особенно ухаживалъ за мусульманскимъ духовенствомъ, высказывалъ мулламъ свои симпатіи къ народившемуся среди мусульманъ движению и сочувственно относился къ просьбамъ о переходѣ изъ православной религіи въ мусульманскую. По собственному почину, онъ опубликовалъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ о порядкѣ подачи губернатору прошеній для перевченія изъ православнаго вѣдомства въ религію предковъ, съ тою надеждою, что это объявление поселить среди простого народа мнѣніе о яко бы поощреніи правительствомъ перенѣмы православной вѣры въ томъ населеніи, которое перешло въ православіе изъ мусульманской религії. Публикація эта нала на благодатную почву. Разрѣшаемый мусульманскою религіею легкій брачный разводъ и возможность многоженства соблазняли новокрещеновъ особенно среди татарей, мордвы, башкиръ и чувашъ, большую частью лишь наружно числившихся православными, но и родотѣжившихъ соблюдать не только мусульманскія, но и языческія вѣрованія, благодаря тѣснѣмъ родственнымъ связямъ своимъ съ соотечественниками мусульманами и язычниками.

При Соколовскомъ и Богдановичѣ, не смотря на бывший при нихъ сѣѣздъ башкиръ для выясненія нуждъ мусульманъ изъ выборныхъ отъ послѣднихъ, рѣшительно никакой враждебной православію агитации не замѣчалось. Съ цѣлью охраненія сѣѣзда отъ влиянія безиочвенныхъ теоретиковъ изъ мусульманской интеллигентіи, Богдановичъ воспретилъ

доступъ на съездъ даже непремѣнному члену губернскаго присутствія изъ мусульманъ, и благодаря этой заботѣ 150 выборныхъ отъ башкиръ уфимской губерніи безъ всякаго участія администраціи мирно разработали и представили правительству виолѣ разумную программу реформъ, свободную отъ какихъ-либо враждебныхъ выходокъ вродѣ требованія равноправности мусульманской религіи и татарскаго языка съ государственными и т. п. нововведеній злѣйшихъ враговъ Россіи.

При Цѣхановецкомъ же религіозномъ и племенномъ движеніе монголовъ пришло такие размѣры, что губернское правленіе засыпано было требованіями перечисленія изъ православной религіи въ мусульманскую, а интеллигенція мусульманская тою же осенью подняла вопросъ обѣ общемъ мусульманскомъ съездѣ въ Петербургѣ. Своимъ затѣмъ самовольнымъ собраниемъ и предъявленіемъ требованій о равноправіи не только передъ законами, но и въ дѣлахъ религіи и господства народностей доставила много тревогъ правительству и составила теперь одинъ изъ наиболѣе острыхъ вопросовъ.

Къ счастію для Россіи, мусульманская народная масса, никогда не скорблявшая ни самимъ русскимъ народомъ, ни правительствомъ русскихъ царей, остается пока инертною къ разжигаемому въ ней съ легкой руки Цѣхановецкаго стремлению религіозного и племенного фанатизма, и только интеллигентные ея слои—врачи, чиновники, учителя—стоятъ за общемусульманское самоопределѣніе. Въ племенномъ же самоопределѣніи на первыхъ же шагахъ они встрѣтили такой раздоръ, что врядъ ли ему предстоитъ будущность: татары требуютъ признания главенствующимъ племенемъ и, следовательно, признанія господствующимъ языкомъ въ будущемъ мусульманскомъ государствѣ татарское племя и свой языкъ, башкиры—башкирское и башкирскій языкъ, киргизы—киргизское и киргизскій языкъ. А къ этому просыпаются еще претензіи тепттарей, мордовы, чувашъ... и среди мусульманъ уже начались ранѣе совершенно незамѣчавшіяся племенная вражда мелкихъ народностей подобно смертельной враждѣ между собою кавказскихъ племенъ. На этой враждѣ только и можетъ поддержать разумное русское правительство недѣлѣмость Россіи, столь легкомыслію подвергнутое опасности забывшими честь и совѣсть русскими будто бы чиновниками подъ подстрекательствомъ злого врага Россіи—сановника Витте, нанесшаго родинѣ своей, ради благополучія родственниковъ своихъ евреевъ, столько позора, бѣдствій и раззореній.

Свою враждебную Россіи агитацию Цѣхановецкій вслѣ открыто, нисколько не стесняясь присутствіемъ завѣдомо ему искренно преданныхъ Россіи людей и горячихъ патріотовъ, особенно среди подчиненныхъ, стараясь вызвать среди нихъ подражаніе своимъ мыслямъ и содѣйствіе въ его преступныхъ противъ благоденствія и счастія Россіи

замыслахъ. Агитировать онъ безцеремонно, все время ссылаясь на свои связи въ Петербургъ, на личное знакомство съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Бузыгінымъ, товарищемъ его Треповыимъ и самимъ Витте, какъ будто быть непоколебимо увѣренъ въ прочности своего служебнаго положенія, чѣмъ и заставлялъ малодушныхъ подлаживаться подъ новыя, не только не симпатичныя, но даже признававшіяся преступными и враждебными отечеству мысли—ради сохраненія должности!

Всѣ странныости губернатора Цѣхаловецкаго, явно враждебное отношеніе его къ православію и цѣлості Россіи и открытое содѣйствіе революціоннымъ дѣятелямъ побудили одного изъ уфимскихъ жителей написать своему земляку, видному сановнику въ Петербургѣ, о поражающихъ дѣйствіяхъ Цѣхановецкаго. Письмо съ изложеніемъ вышеописанныхъ фактъ было прочитано министру внутреннихъ дѣлъ Бузыгину, и вотъ отвѣтъ: «Читаль министру выдержки вашего письма, но тогдѣ замахалъ руками: «Перестаньте, бросьте. Этого не можетъ быть. Я знаю Цѣхановецкаго давно: мы товарищи со школы. Я знаю его, его взгляды и не повѣрю: не можетъ человѣкъ такъ перемѣниться».

VI.

Въ началѣ октября, какъ только начались безиоридки въ Петербургѣ и Москвѣ, особенно начала волноваться и уфимская революціонная партія, дѣятельно работавшая со дня приѣзда Цѣхановецкаго. Въ это время мѣстныя земства и собранія не переставали, точно по уговору, требовать въ адресахъ свободы слова, собраній и союзовъ, и всѣ они получали на то чрезъ своихъ дѣятелей указанія губернатора Цѣхановецкаго. Уничтоженная при прежней администраціи подпольная типографія вновь заработала, и прокламаціи разбрасывались уже печатанныя, а не гектографированныя. Наблюдения за революціонерами жандармской и общей полиціи сразу прекратились. Цѣхановецкій вообще пренебрежительно относился къ жандармской и общей полиціи и открыто высказывалъ вмѣніе неудовольствіе при каждомъ случаѣ ареста или преслѣдованія пропагандистовъ. По отношенію къ евреямъ онъ не скрывалъ своихъ симпатій, выставляя ихъ полезнымъ народомъ, находилъ ненужнымъ какое-либо стѣсненіе ихъ пребыванія въ Уфѣ и законную дѣятельность въ этомъ отношеніи губернскаго правленія свѣтъ къ нулю. Евреи стали появляться въ губерніи сотнями, а многіе изъ нихъ запросто бывали у губернатора взмѣстѣ съ поляками, которые около Цѣхановецкаго составили кружокъ польскихъ патріотовъ, съ цѣлью добиваться возстановленія Рѣчи Посполитой, и требовавшихъ отъ русскихъ сослуживцевъ и офицеровъ сознанія своимъ стремленіямъ.

Когда узнали въ г. Уфѣ о всеобщей забастовкѣ по желѣзнымъ до-
рогамъ, то 12 октября вечеромъ на станціи Уфа забастовали телегра-
фисты, а 13 октября прекратилось движение поездовъ. Передъ этимъ
появился среди рабочихъ агитаторъ соціалъ-демократической партіи—
еврей подъ именемъ «Николая Ивановича» и подъ фамиліей Тихалов-
скаго, Лебедева, Миронова, Абрамова и Абрама Елькенъ. Онъ прѣхалъ
за мѣсяцъ еще передъ тѣмъ и агитировалъ среди учащихся и рабочихъ.
Это былъ блондинъ, лѣтъ 35, хороший и ловкий ораторъ и мимикъ,
имѣвшій способность быстро такъ измѣнять свой видъ, что его
съ трудомъ узнавали; онъ появлялся въ различныхъ костюмахъ—то
въ джентельменскомъ, то въ костюмѣ рабочаго или мужика. Впервые
уфимцы увидѣли его на студенческомъ вечерѣ въ клубѣ, гдѣ онъ въ
присутствіи губернатора Цѣхановецкаго и вице-губернатора Келенов-
скаго отлично читалъ разсказы Чехова въ лицахъ. Рабочимъ на сход-
кахъ онъ часто говорилъ зажигательныя рѣчи, и тѣ быстро, какъ и уча-
щаяся молодежь, подчинились его влиянию. Мѣстной администраціи и
прокурору чрезъ поліцію и отъ жандармовъ было это отлично известно,
но ими умышленно не принимались никакія мѣры. Губернаторъ Цѣхано-
вецкій поступалъ совершенно обратно противъ прежниго порядка:
вмѣсто энергичнаго подавленія мятежа въ самомъ его зародышѣ, оказы-
валъ совершенное бездѣствие, граничившее съ попустительствомъ, и
со стороны судебной власти находилъ въ этомъ полное сочувствіе.

Агитаторъ еврей «Николай Ивановичъ», послѣ ряда устроенныхъ
имъ при содѣйствіи начальника желѣзодорожныхъ мастерскихъ инже-
нера-иоляка Лопатто собраній рабочихъ, подстрекнулъ ихъ требовать
явки губернатора къ себѣ, въ мастерскія, расположенные вблизи желѣз-
одорожной станціи, въ 3 верстахъ отъ города. 14 октября Цѣхановец-
кій прибылъ къ нимъ и, вмѣсто и прежде раздававшихся властныхъ при-
казаний губернатора, рабочие услышали заискивающія слова, съ видимо
трусливымъ тономъ, чѣмъ вожаки тотчасъ воспользовались и стали гу-
бернатора тутъ же на сходѣ осмѣивать. Къ нему предъявлено было
требование не препятствовать революціонной демонстраціи по городу,
съ угрозою возложенія на него отвѣтственности въ случаѣ противодѣ-
ствія. Цѣхановецкій, ведши переговоры только съ вожаками, унизительно
сталъ упрашивать ихъ не дѣлать демонстраціи. Получивъ отказъ, Цѣхано-
вецкій уѣхалъ; агитаторы же велѣдъ за нимъ, съ иѣніемъ револю-
ціонной пѣсни и красными знаменами впереди, двинулись съ толпою
рабочихъ въ городъ. Они поставили колеблющихся въ середину, боевую
свою дружину съ боковъ и сзади и двинулись отъ желѣзодорожной
станціи въ городъ по Центральной улицѣ. Воздѣ улицы Достоевскаго, уже
въ городѣ, ихъ встрѣтила рота солдатъ Челябинскаго полка подъ коман-
дою капитана Безбородова. Поліція получила отъ губернатора разрѣше-

не не допускать толпы въ городъ, что послѣдовало, съ одной стороны, по лукавому совѣту того же инженера Лопатто, желавшаго вызвать пролитіе крови рабочихъ для большаго ихъ возбужденія, и съ другой стороны по просьbamъ полиціймейстера Бухартовскаго, опасавшагося, чтобы къ толпѣ рабочихъ не присоединились бродяги грабить городъ. Губернаторъ на настоянія ихъ едва согласился.

Къ Цѣхановецкому, между тѣмъ, приѣхали мѣстные адвокаты, еврей Быховскій и Сокуровъ, взяли отъ него слово, что онъ стрѣлять въ демонстрантовъ не позволить, и отправились сказать объ этомъ мятежникамъ. Тѣ двинулись ободренны, а Цѣхановецкій позвалъ помощника полиціймейстера Елсакова и поручилъ ему скорѣѣ хать и застѣтить отъ его имени полиціймейстера стрѣлять въ демонстрантовъ. Елсаковъ, однако, запоздалъ, будучи умышленно задержанъ лицомъ, видѣвшимъ весь ужасъ положенія города во власти разнудзданной революціонной толпы, вооруженной съ ногъ до головы.

Когда толпа мятежниковъ подошла на 200 шаговъ до роты солдатъ, имѣя вожаковъ по бокамъ и сзади, а въ серединѣ безразличную массу, то, послѣ неоднократныхъ предупрежденій, капитанъ Безбородовъ отдалъ приказаніе къ стрѣльбѣ. Послѣ первого рожка толпа простояла, но агитаторы стали подстрекать ее криками, держась сами у домовъ, въ мѣстахъ не столь опасныхъ отъ пуль. Послѣ второго сигнала раздалась команда Безбородова:

— Стрѣльба всѣми патронами!

Стоявшихъ въ серединѣ рабочихъ, еще помнившихъ майскую демонстрацію, разсѣянную полицейскими нагайками, и златоустовской бунтъ, подавленный съ человѣческими жертвами, охватилъ панический страхъ, и они шарахнулись назадъ. Вожаки хотѣли, было, задержать толпу, увѣряя, со словъ еврея Быховскаго, что это солдаты только пугаютъ, но обезумѣвшая толпа смяла ихъ и бѣжала въ ужасѣ, побросавъ красный революціонныя знамена.

Послѣ того среди рабочихъ началась реакція въ пользу прекращенія забастовки, такъ какъ значительное число рабочихъ было противъ политическихъ требованій, а экономическихъ у нихъ не находилось, и въ особенности благодаря вліянію желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ Бусова и Лаптева, изъ старообрядцевъ, съумѣвшихъ организовать среди нихъ кружокъ русскихъ патріотовъ, и доказать послѣднимъ, что революцію руководятъ евреи и поляки, чѣмъ вызвалъ среди русскихъ рабочихъ противодѣйствіе враждебной Россіи агитации. Особенно недовольны были русские рабочіе на инженера Лопатто за то, что онъ старался лучшія должности въ мастерскихъ замѣщать пришлыми изъ поляковъ, сплошь распространявшими евреями еще на своей родинѣ.

15 октября забастовали сперва служащіе въ губернской земской

управъ, состоящие подъ непосредственнымъ распоряженіемъ предсѣдателя Корочинскаго, а затѣмъ городской управы, состоявшіе въ вѣдѣніи городского головы Малльева. Они кинулись по мастерскимъ и магазинамъ и насилиственно прекращали работы. Затѣмъ забастовали землемѣры, гимназисты и гимназистки, реалисты и семинаристы и только въ одной уѣздной земской управѣ забастовки не было: служащіе подъ вліяніемъ преданнаго монархіи предсѣдателя управы Гиневскаго не сочувствовали мятежникамъ. Изъ боязни мести со стороны агитаторовъ, они наружно показали видъ, что прекратили занятія, но затѣмъ потихоньку вернулись тотчасъ же на службу. Директора пѣкоторыхъ изъ учебныхъ заведеній просили у губернатора охраны отъ насилиственнаго вторженія забастовщиковъ, ручаясь за спокойное продолженіе занятій, но Цѣхановецкій въ охранѣ имъ отказать, хотя имѣть къ этому полную возможность. Всѣ эти дни Цѣхановецкій только и твердилъ: «когда же Царя заставятъ подписать конституцію» и что онъ ежеминутно ждетъ изъ Петербурга извѣстіе о государственномъ переворотѣ.

Капитана же Безбородова, назначавшагося, вслѣдствіе его отваги и рѣшительности, къ командованію отрядомъ для содѣйствія администраціи въ виду все болѣе и болѣе развивавшейся разнозданности молодежи и рабочихъ, находившихъ себѣ поощреніе въ полномъ бездѣйствіи губернатора, Цѣхановецкій позвалъ къ себѣ и упрекивалъ его не стѣлить въ революціонеровъ даже въ томъ случаѣ, если они будутъ убивать солдатъ, но вѣрилъ долгу службы офицеръ отвѣтилъ Цѣхановецкому рѣшительнымъ отказомъ, заявивъ ему, что самое предложеніе губернатора сѧ считается преступнымъ.

16 октября, въ воскресенье, среди рабочихъ желѣзной дороги со звѣю рѣшеніе отстать отъ политического движения. Большую поддержку въ этомъ начали они въ священническѣ Семёновской церкви о. Афанасьевѣ. Почтенный настырь пригласилъ ихъ на публичное молебствіе на площади передъ церковью, недалеко отъ желѣзодорожныхъ мастерскихъ, сказать имъ убѣдительноѣ слово, и рабочіе приступили къ молитвѣ о прощеніи имъ Богомъ спѣль устоять отъ искусственій агитаторовъ, призывающихъ къ нарушенію вѣрности своему Государю. Во время молебна на площади, среди находившихся тутъ же мастеровыхъ, стояли два еврея и трое русскихъ революціонеровъ и стали сидѣть на молившихся рабочими, говоря, что они кланяются идоламъ, которые ихъ все-таки не избавятъ отъ вліяній «сознательныхъ» руководителей. Тогда жены крикнули мужьямъ и схватили агитаторовъ. Рабочіе изувѣчили всѣхъ четырехъ и убили бы, если бы съ величайшимъ самоотверженіемъ не выручила ихъ изъ толпы полиція. Особенно дрожалось съ рукою зубному врачу Хавкіну, котораго замертво отвезли въ тюремную больницу. Это происшествіе революціоннымъ агитаторамъ дало

поворъ кричать, что ихъ избила черная сотня, поговоренная полиціей, и поддерживаемые мѣстными революционными общественными дѣятелями агитаторы отправились жаловаться къ губернатору. Цѣхановецкій извинился передъ ними за полицію, и, назвавъ полиціймейстера Бухартовскаго, въ присутствіи бывшаго студента Нѣмчинова, обругалъ его за то, что онъ не помѣшалъ рабочимъ нанести побои еврею Хавкину.

Вечеромъ того же дня молодежь вела себя на улицахъ весьма вызывающе, задѣвала солдатъ, полицію и горожанъ, высказывавшихъ порицаніе революционерамъ, чѣмъ вызвала побоище на Центральной улицѣ со стороны особенно солдатъ, раздраженныхъ оскорбительными взглазами молодежи по отношенію къ Государю Императору. Въ это время быть ушибленъ прикладомъ ружья подошедшей пѣтъ любопытства къ шумящей толпѣ губернскій казначей Пермесскій, вышедший изъ дома на прогулку. Случай съ Пермесскимъ и дѣйствительная кулачная расправа съ революционною молодежью за ея неуваженіе къ столь чгимому солдатами Царскому имени усилили возбужденіе въ городѣ, но, вместо обузданія молодежи, Цѣхановецкій потребовалъ отъ начальника гарнизона обуздать солдатъ, заперевъ для этого ихъ въ казармахъ, каковой приказъ и былъ дѣйствительно отданъ полковникомъ Малиновскимъ.

Распоряженіе это вызвало неудовольствіе не только горожанъ, но и офицеровъ и солдатъ, уже тогда начавшихъ требовать разрѣшенія расправы съ революционерами.

17 октября молодежь не училась, а расхаживала по улицамъ города. Въ часъ дня собралась кучка гимназистовъ въ саду, на углу противъ губернаторскаго дома, и что-то выжидала. Подошелъ къ губернаторскимъ дверямъ отъ зданія окружнаго суда адвокатъ Полидоровъ, махнулъ шапкой гимназистамъ въ саду и вошелъ къ губернатору. Черезъ нѣкоторое время онъ вышелъ оттуда, махнулъ снова гимназистамъ, тѣ закричали въ саду другимъ и кучка учащихся: гимназистовъ, реалистовъ, семинаристовъ, землемѣровъ и дѣвшукъ, совсѣмъ еще зеленої молодежи, бросилась съ Полидоровымъ къ зданію окружнаго суда и силою ворвалась въ тѣ двери, гдѣ помѣщается камера прокурора. Затѣмъ она вошла въ залъ судебныхъ засѣданій и заняла его подъ сберище. Находившемуся тамъ суду оставалось только прекратить засѣданіе и уйти. Къ Цѣхановецкому тотчасъ отправился прокуроръ суда Зубовскій съ протестомъ противъ его распоряженія занять зданіе окружнаго суда для уличного сберища.

Тѣмъ временемъ къ зданію суда, видимо по данному сигналу, отовсюду устремились рабочіе, земскіе и городскіе служащіе и всѣ, кто только желалъ, съ улицы. Въ залѣ суда организовалось первое революціонное сберище съ разрѣшеніемъ губернатора. Сберище это шумѣло, стараясь перекричать другъ друга, пѣло революціонныя пѣсни и нагово-

рилось вдоволь зажигательныхъ мятежныхъ рѣчей подъ руководствомъ адвокатовъ Полидорова, Свидерского, Спасскаго и другихъ. Въ 4 часа собрание разошлось, не прия къ опредѣленнымъ какимъ-либо рѣшеніямъ, въ виду чего назначено было занять зданіе суда подъ сборище на другой день.

VII.

18 октября, въ 11 часовъ, опять къ углу сада напротивъ губернаторскаго дома стали собираясь гимназисты, реалисты, семинаристы, землемѣры и женщины, а среди нихъ то и дѣло появлялись адвокаты Свидерский и Полидоровь. Кучка напряженно глядѣла на домъ губернатора. Въ 12 часовъ появились среди нихъ городской голова Малльевъ со Свидерскимъ, сказали имъ что-то и вошли затѣмъ въ губернаторскій домъ. У дверей окружнаго суда, вслѣдствіе требованія прокурора, стоялъ уже воинскій караулъ для охраны зданія отъ самовольного завладѣнія уличною толпою. Нѣкоторое время спустя Свидерский и Малльевъ вышли отъ губернатора и позвали гимназистовъ. Нѣсколько гимназистовъ быстро подбѣжали къ нимъ и вмѣстѣ съ ними вошли въ губернаторскій домъ. Минутъ черезъ 20 они выскочили оттуда съ криками: «Ура, конституція, свобода», и стали, крича, собирать въ саду толпу. Цѣхановецкій, какъ оказалось, еще наканунѣ разрѣшилъ мастеровымъ собраться въ паркъ, и онъ былъ полонъ ими.

У желѣзодорожныхъ же мастерскихъ быль въ то время поставленъ воинскій караулъ и расклеено объявление, воспрещавшее входить для сборищъ въ мастерскія подъ страхомъ наказанія военнымъ судомъ въ виду состоянія волосы отчужденія желѣзной дороги на военномъ положеніи. Это было сдѣлано по распоряженію начальника желѣзодорожной жандармской полиціи въ виду принятаго мятежниками рѣшенія овладѣть мастерскими для революціонныхъ цѣлей: пускать поѣзда за агитаторами и оружиемъ. Цѣхановецкій быль противъ прекращенія рабочимъ возможності собраний и требовалъ, чтобы въ объявлениіи жандармской полиції значилась угроза наказаніемъ только за нападеніе на часовыхъ, съ тою цѣлью, чтобы не подвергать ответственности по военному суду тѣхъ, кто силою ворвется въ мастерскія. Передъ тѣмъ онъ запрещалъ полиціи мѣшать рабочимъ собираться въ мастерскихъ, почему всѣ эти дни толпы рабочихъ революционизировались агитаторами на площадяхъ. Начальнику желѣзодорожнаго жандармскаго управления удалось, однако, настоять на закрытии для бастовавшихъ рабочихъ мастерскихъ, почему, въ виду невозможности занять ихъ подъ сборища толпы, Цѣхановецкій разрѣшилъ рабочимъ собраться въ городскомъ саду.

Тъмь временемъ въ губернскій земской управѣ собрались земскіе и городскіе служащіе, и среди нихъ шель разговоръ о томъ, что получено объявление о конституціи въ манифестѣ, который печатается въ губернскій типографіи. Пріѣхалъ Полидоровъ и пригласилъ устроить шествіе къ губернатору, для празднованія конституції, такъ какъ Цѣхановецкій, по словамъ его, радостно встрѣтилъ это событіе и разрѣшилъ праздновать.

Затѣмъ явилась въ губернскую земскую управу толпа въ 300—400 человѣкъ и прямо прошла въ залъ, какъ будто бы вошедши были хозяевами помѣщенія. Толпа вошла, но видимо произошло какое-то замѣшательство: толпа искала кого-то. Минутъ черезъ 10 искомый явился. Это былъ человѣкъ не интеллигентнаго вида, невысокаго роста, съ бородой, въ пиджакѣ горохового цвѣта. При появлѣніи его толпа зарукоилескала, раздались одобрительные крики. Человѣкъ этотъ откланивался на всѣ стороны, шель самоувѣренno и, войдя въ залъ, прочелъ манифестъ о свободѣ слова и собраній. Затѣмъ онъ объявилъ, что въ городѣ Уфѣ есть площадь смерти, гдѣ вчера его избила черная сотня, посль чего полиція его доставила въ тюремную больницу; онъ только что сегодня былъ узникомъ, и ни въ чемъ неповиннымъ, и хотя его освободили, но все-таки былъ узникомъ, и что жена его и сейчасть скрывается отъ черной сотни, ее преслѣдующей. Онъ указывалъ собраніямъ на то, что много потрудился на общественную пользу и что благодаря его только энергіи послѣдовалъ манифестъ о свободѣ и что этого онъ добился только съ большими трудами, такъ какъ приходилось постоянно скрываться отъ жандармовъ и полиціи.

Въ это время появилась какая-то вертлявая горбатая женщина и крикнула, что толпа людей идетъ къ губернатору праздновать конституцію.

— Присоединимся къ ней! — пригласила она.

Собравшіеся выскочили тогда на улицу и пошли отъ губернской земской управы къ губернаторскому дому съ криками: «ура!» «конституція!» «долой Царя!» «долой Самодержавіе!» сперва по Ильинской улицѣ, а затѣмъ, мимо садика, по Садовой. Противъ окружного суда на встрѣчу имъ вдругъ выбѣжали солдаты изъ находящихся здѣсь, въ садикѣ, казармы, съ ружьями наперевѣсь, и бросились на государевыхъ враговъ. Толпа хлынула назадъ, но вожаки начали подстрекать ее криками: «виередъ!» «виередъ!» Тогда находившіеся тутъ люди изъ простого народа крикнули: «бей крамольниковъ!» и начали бить революционеровъ. Солдаты также били ихъ прикладами. Между тѣмъ часть этой толпы пыталась войти въ казарменный садъ у калитки на Ильинской улицѣ, но ихъ не пустили солдаты, которые отломанными огъ изгороди досками принялись отгонять мятеожниковъ отъ сада. Болѣе всего было

избить студента Неслякъ, котораго подъ руки, всего окровавленнаго, подвели его товарищи къ дому Стебеуса. Толпа, не пропущенная солдатами мимо казармъ, пошла тогда къ губернатору по Ильинской улицѣ и у дома, гдѣ живетъ адвокатъ еврей Быховскій, встрѣтила проѣзжавшаго въ пролеткѣ Жуковскаго, который, узнавъ отъ семьи Быховскаго обѣ избѣженіи манифестантовъ, съ гимназистомъ свидѣтелемъ побѣхалъ къ губернатору. Всльдѣ за нимъ гимназисты силою ворвались въ губернаторское помѣщеніе, и вскорѣ Цѣхаловецкій быстро вышелъ изъ дома въ сопровожденіи гимназистовъ, грозившихъ ему кулаками, и пошелъ къ мѣсту, гдѣ встрѣтили мятежниковъ солдаты. Навстрѣчу имъ скакалъ извозчикъ, котораго догоняла толпа молодежи, размахивая палками. Оказалось, что извозчикъ кричалъ «бѣгъ измѣнниковъ» и за это манифестанты хотѣли его избить. Въ это же время проходилъ мимо солдатъ, котораго начала молодежь задѣвать, но онъ поспѣшилъ отойти. Губернаторъ подошелъ ко входному мѣсту въ садикъ, остановился среди толпы и здѣсь начались публичныя зажигательныя революціонныя рѣчи въ его присутствіи.

Губернатора Цѣхаловецкаго окружили евреи, адвокаты рабочіе, учащаяся молодежь, чиновники, много привлеченныхъ любо шытвомъ, и полиціймейстеръ съ чивами полиціи. Тутъ же вертѣлся, обращаясь то къ губернатору, то къ толпѣ, городской голова Маллѣевъ. Солдатъ, стоявшихъ напротивъ, за рѣшеткою, въ садикѣ и на казарменномъ балконѣ, толпа эта, не стѣсняясь присутствіемъ губернатора, браница, дразни ихъ:

— Съ японцами не съумѣли сладить, такъ на насъ накинулись!

На солдатъ замахивались палками, стучали иссѣдними по рѣшеткѣ садика и грозили всѣхъ солдатъ перестрѣлять и перерѣзать. Особенно нагло лѣзли впередъ евреи.

Среди общаго гама говорили и рѣчи. Чрезвычайно рѣзко, обращаясь все время къ губернатору, бывшему въ форменномъ пальто, говорилъ противъ полиціи и солдатъ Маллѣевъ.

На слова его возразилъ Цурюпа, служащий губернскаго земства, состоявший подъ надзоромъ полиціи.

— Не вѣрьте этому лжецу! — громко, влѣзши на выступъ садовой рѣшетки, обратился къ толпѣ Цурюпа. Съ нами Маллѣевъ говорить одно, а съ полиціей другое. Онъ настѣнко земскихъ служащихъ, въ прошломъ году въ насмѣшку назвалъ робеспѣрами, — въ послѣднемъ словѣ Цурюпа звукъ е произнесъ, какъ ё.

Голосъ его дрожалъ. Онъ, видимо, фанатично срывалъ свою злобу. Маллѣевъ послѣ словъ его тутъ же попятился въ толпу.

Затѣмъ выступили другие ораторы. Говорили о свободѣ, о конституціи, и громко радовались тому, что, наконецъ, власть Царя ограничена,

Вдругъ подскочилъ къ полиціймейстеру Бухартовскому секретарь окружного суда Ладыгинъ и, замахиваясь на него палкою, сталъ кричать:

— Это ты, каналья, ты, скотина, виноватъ, что не оградилъ насъ отъ простого народа и солдатъ!

Полиціймейстеръ, едва сдерживая волненіе свое, сталъ уговаривать его успокоиться, а Цѣхановецкій, въ отвѣтъ на требованіе толпы наказать полицію и солдатъ и разоружить послѣднихъ, торопливо изъявилъ на это согласіе, послѣ чего толпа закричала:

— Отнять ружья! Отнять!..

Полиція стояла въ ведоумѣніи, какъ оплеванная. Солдаты, которыхъ Цѣхановецкій еще раньше распорядился убрать съ наружныхъ постовъ и запереть въ казармы, слушали оскорбителей съ явно выражавшимися на лицахъ озлобленіемъ и, замѣтно было, что только воинская дисциплина сдерживала ихъ отъ жестокой расправы не только съ ними, но и губернаторомъ.

Выслушавъ еще нѣсколько требованій, Цѣхановецкій уже самъ обратился съ рѣчью къ толпѣ.

— Послѣ долгихъ усилий,— съ радостнымъ лицомъ заговорилъ онъ,— вы, наконецъ, добились свободы. Возьмите свои флаги, идите по городу, пойте повсюду свои пѣсни о побѣдѣ надъ деспотизмомъ, о свободѣ!— и, къ величайшему изумленію полиціи и буквально осталбенению чиновниковъ, первый затянулъ революціонный мотивъ, дирижируя рукою.

Вставай, подымайся, рабочий народъ...

Толпа, въ энтузіазмѣ отъ рѣчи губернатора, подхватила революціонную пѣснь, выкинула красные флаги и двинулась къ губернаторскому дому съ Цѣхановецкимъ впереди.

Надъ губернаторомъ и передъ нимъ несли красные флаги, и Цѣхановецкій шелъ подъ ними вплоть до подъѣзда, а толпа пѣла революціонные пѣсни, гдѣ особенно рѣзко выдавались крики: «смерть Царю». Среди собравшихся изъ любопытства предавныхъ Государю гражданъ, чиновниковъ и полиціи раздался первый ропотъ негодованія на губернатора измѣнника.

Цѣхановецкій подошелъ къ крыльцу губернаторскаго дома и сталъ подъ навѣсомъ, гдѣ его уже поджидала огромная толпа съ массою красныхъ флаговъ и пѣла революціонныя пѣсни.

Изъ толпы выдѣлился ораторъ, сказавшій, что свобода получена потому, что въ борьбѣ съ русскимъ Царемъ пожертвовали жизнью многіе революціонеры и предложилъ помянуть ихъ «вѣчною памятью». Когда запѣли вѣчную память, губернаторъ Цѣхановецкій обнажилъ голову, а за нимъ вся полиція, кромѣ полиціймейстера Бухартовскаго.

Оратору отвѣтилъ самъ Цѣхановецкій. Отъ сказалъ, что Царь под-
писалъ конституцію, что власть Его теперь ограничена, что Самодерж-
жавізъ теперь нечезло, какъ дымъ, что ни одинъ законъ теперь не можетъ
выдти безъ воли народа, которая стала выше Царской воли, что нако-
нецъ-таки получена полная свобода и поздравилъ съ иею «свободныхъ»
гражданъ. При каждой отдельной фразѣ публика кричала «ура», махая
шашками. При словахъ «власть Царя ограничена» толпа закричала: «до-
лой Царя!» — и Цѣхановецкій, снявъ фуражку, махалъ ею, привѣтствуя
эти крики, и по движению губъ его было видно, что онъ также кричитъ
«долой Царя!» При этомъ присутствовали всѣ революціонные вожаки —
Свидерскій, Малтѣвъ, Спасскій, Попидоровъ, Быховскій.

Затѣмъ, Цѣхановецкій вошелъ въ канцелярію свою, потребовалъ отъ
правителя канцеляріи только что отпечатанный манифестъ 17 октября,
вышелъ снова на крыльцо и, раздавая манифестъ, сталъ онять поздра-
влять революціонеровъ со «свободою».

На крики «долой Царя» Цѣхановецкій снова махалъ фуражкою
и кричалъ вмѣстѣ съ толпою. Цѣхановецкій былъ сіяющій, весь въ
восторгѣ.

Послѣ того толпа потребовала отъ него освобожденія политическихъ
преступниковъ изъ тюрьмы. Цѣхановецкій сперва сказалъ, что по закону
не имѣеть на то права, хотя и желалъ бы вмѣстѣ съ ними ихъ осво-
божденія. На это вожаки пригрозили ему, что освободятъ преступниковъ
сами и сейчасъ же, сплою. Тогда Цѣхановецкій обвязался передъ ними
тотчасъ освободить преступниковъ. На требованіе толпы, пообѣщающей ей
наказать виновныхъ въ нападеніи на революціонеровъ солдатъ и чиновъ
полиціи и предложилъ снова толпе идти по городу со своими флагами
и пѣснями.

Изъ толпы въ это время огнѣльные лица злорадствовали надъ тутъ
же стоявшими чинами полиції, плевали на нихъ и грозили имъ. Полиція,
пораженная преданіемъ ся губернаторомъ въ падѣтельство толпы, его
привѣтствіемъ революціоннымъ выкрикамъ, оскорбляющимъ священное
царское имя, блѣдная, угнетенная, молча слушала оскорбленія.

Пеполни приглашеніе губернатора, толпа запѣла революціонную
пѣснь и двинулась по городу.

На улицахъ началась паника. Въ ужасѣ, съ искаженными лицами,
кинулись обыватели бѣжать по улицамъ, торговцы стали занирать лавки,
народъ съ проклятиями встрѣчалъ революціонеровъ, негодуя на отсут-
ствіе имъ препятствія со стороны власти.

По городу при видѣ революціонной толпы съ красными флагами раз-
дались крики:

— Перерѣжутъ теперь они насы!

А революционеры начали врываться въ дома, въ школы, лавки, мастерския и выгоняли всѣхъ силою на улицу—праздновать «свободу»!

Часть учащейся молодежи бросилась къ женскому спархіальному училищу, находящемуся какъ разъ напротивъ губернаторскаго дома, и начала ломиться въ запертыя двери, чтобы вытащить на улицу ученицъ. Воспитанницы открыли окно, и молодежь стала бросать пять манифестъ, громко крича: «долой Царя!» Услышав эти крики, работавшіе возлѣ спархіального училища каменщики стали отгонять бунтовщиковъ. Послѣдне пригрозили имъ побоями, а каменщики въ отзѣтъ на это схватили кирпичи и, бросая ихъ въ толпу, отогнали тѣмъ ее отъ дверей училища.

Шествіе революционеровъ, съ развернутыми красными знаменами, все увеличиваясь по дорогѣ, съ дикими изстушенными криками: «Долой Царя! Смерть Царю!» отъ губернаторскаго дома двинулось по главныи улицамъ города.

Такъ начались въ Уфѣ революціонные дни, о которыхъ, при вѣрныхъ царскихъ слугахъ — губернаторѣ Соколовскомъ и его достойномъ помощникѣ—революционеры не смѣли бы даже и мечтать.

VIII.

Отъ губернатора революціонная толпа прошла черезъ весь городъ къ желѣзодорожнымъ мастерскимъ, охрана коихъ военимы карауломъ, но настойчивымъ требованіемъ Цѣхановецкаго, жандармскимъ управлѣніемъ къ тому времени была снята. Мятежная толпа заняла мастерскія, и здѣсь къ ней явились прибывши изъ Самары на особомъ поѣздѣ руководители желѣзодорожной забастовки. Начальникъ жандармовъ станціи Уфа арестовать, было, ихъ и отобрать отъ нихъ революціонныи прокламаціи, приглашавши рабочихъ къ вооруженному восстанію, и огнестрѣльное оружіе, но по требованію губернатора привужденъ быть всѣхъ ихъ выпустить и возвратить даже отобранныя вещи. Насдутившись здѣсь, подъ руководствомъ еврея агитатора Елькенъ (Николая Ивановича) и городскаго головы Маллѣева, зажигательныхъ революціонныхъ рѣчей, толпа, значительно увеличившись въ составѣ, съ тѣмъ же евреемъ Елькеномъ впереди, двинулась обратно въ городъ, къ губернаторскому дому, все время съ нелѣными и дикими выходками и вскрикиваниями учащейся молодежи, пришедшей въ сильнѣйшій революціонный экстазъ. Маллѣевъ, свою видно для города должностю придававшій революціонной демонстраціи особенное, импонировавшее въ глазахъ уфимскихъ сбывателей, значение, совмѣстно съ революціонными вожаками безобразно и шумно ворвался въ губернаторскій домъ и вытащилъ губернатора Цѣхановецкаго снять на подъѣздѣ, къ густо занятой улицѣ толпѣ народа.

Губернаторъ, въ форменной одеждѣ, снялъ передъ евреемъ Елькеномъ свою губернаторскую фуражку, низко поклонился ему и, схвативъ его руку обѣими своими руками, долго пожималъ ее, умилъно глядя ему въ глаза и привѣтствуя его рядомъ льстивыхъ словъ.

Поздоровавшись съ губернаторомъ, еврей Елькенъ вскочилъ на одинъ изъ принесенныхъ въ это время на подъѣздѣ табуретовъ и пригласилъ Цѣхановецкаго сѣдѣть то же самое. Цѣхановецкій вскочилъ тоже на табуретъ, и оба — измѣнникъ-губернаторъ и мошенникъ-еврей — стали видны всей толпѣ, еврей въ котелкѣ, а губернаторъ въ форменной красной фуражкѣ съ государственнымъ гербомъ и пальто съ красными отворотами и блестѣвшими золотыми погонами.

Еврей Елькенъ, обратясь къ толпѣ, сказалъ, что въ лицѣ Цѣхановецкаго народъ имѣть «умнаго губернатора и истиннаго друга народа, который стоять за народныя права и въ борбѣ народа съ деспотомъ Царемъ помогъ народу одолѣть Царя», — и пригласилъ толпу одобрить дѣйствія губернатора.

Толпа начала аплодировать Цѣхановецкому и закричала «браво»!

Цѣхановецкій тотчасъ выразилъ толпѣ «душевное» свое привѣтствіе по случаю давно, но словамъ его, жданнаго праздника по уничтоженію Самодержавія въ Россіи. Крики при этихъ словахъ толпы: «Долой Царя! Смерть Царю!» Цѣхановецкій привѣтствовалъ, снявъ съ головы и махая фуражкой. Стоявшая на возвышении высокая фигура его была видна всей огромной толпѣ, густо занявшей все свободное мѣсто на улицѣ, численностью не менѣе 5—6 тысячъ человѣкъ.

Еврей-агитаторъ Елькенъ обратился, между тѣмъ, снова къ толпѣ, поздравляль ее съ пробудившеюся «сознательностью», заставившею администрацію покорно склониться передъ волею народа и всячески старался передъ толпой третировать губернатора. Онь брать Цѣхановецкаго за рукавъ, дружески пренебрежительно похлопывалъ его по плечу рукою, одобряя его слова и громко хвали Цѣхановецкаго за послушаніе революціонерамъ. Толпа, преимущественно изъ рабочихъ, гогота, слушала еврея и насыщливо одобряла губернатора. Наонецъ, еврей отъ имени толпы потребовалъ отъ Цѣхановецкаго наказать полиціймейстера Бухартовскаго, пристава Андреева и одного околоточного за противодѣйствіе революціи. Цѣхановецкій тутъ же громко обязался исполнить «волю народа» и обѣщалъ, что завтра же онъ «долежитъ» народу о своихъ распоряженіяхъ по наказанію непріятныхъ народу полицейскихъ чиновъ.

По приглашенію еврея, толпа привѣтствовала за это губернатора бурными кликами. Среди криковъ Цѣхановецкій первый сошелъ съ табурета. Еврей Елькенъ сказалъ толпѣ еще нѣсколько словъ по поводу пріемнаго послушанія губернатора, и стать также сходить съ табурета. Въ этотъ моментъ губернаторъ Цѣхановецкій предупредительно подалъ

еврею-агитатору руку и помогь ему сойти съ табурета. Одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ членовъ прибывшаго въ Уфу желѣзнодорожнаго забастовочнаго комитета такъ закончилъ описание этого событія въ Самарской Газетѣ: «Помни, уфимская молодежь, этотъ день, когда представитель Самодержавнаго деспота подалъ руку смертельному врагу Его—революції!».

Опьяненная захваченою сю властью надъ губернаторомъ, подчинившимся ея волѣ, народная толпа пришла въ восторженійшее настроение. Бурными криками одобрила она еще разъ губернатора, съ неопрѣдѣленною головою кланявшагося ей, и затѣмъ начала качать сперва главнаго виновника своей побѣды—еврея Елькена, крича ему «ура», затѣмъ Цѣхановецкаго п., наконецъ, городскаго голову Маллѣева, послѣ чего вернулась уже поздно вечеромъ въ мастерскія.

Вечеромъ того же дня, съ разрѣшеніемъ Цѣхановецкаго, состоялось экстренное засѣданіе городской думы для противозаконнаго обсужденія вопросовъ о дѣйствіяхъ полиціи и войска. Послѣ препирательства подполковника Полянскаго съ евреемъ-агитаторомъ Елькеномъ, имѣвшимъ наглость послѣ побѣды, по словамъ его, надъ Самодержавiemъ въ лицѣ губернатора, публично называть себя еще «Николаемъ III», дума постановила потребовать отъ губернатора увольненія полиціймейстера Бухартовскаго, пристава Андреева и окологоточнаго Ташкинова, а также разоруженія солдатъ и распуска тѣхъ изъ нихъ, которые подлежали увольненію въ запасъ, но задержаны были вслѣдствіе наступившихъ революціонныхъ событій. Требовалось это съ тою цѣлью, чтобы ослабить войско и имѣть среди солдатъ поменьше озлобленныхъ за это замедленіе противъ революціонеровъ.

Послѣ засѣданія думы, въ 12 часовъ ночи, къ губернатору прибыли евреи Елькенъ «Николай Ивановичъ», Маллѣевъ и другіе вожаки революціонеровъ и узнавъ, что Цѣхановецкій чиновъ полиціи еще не уволилъ, потребовали немедленнаго исполненія приказаний народа и городской думы. Цѣхановецкій тотчасъ при нихъ же телефонировалъ полиціймейстеру, что онъ увольняетъ его отъ должности. Тогда же именно было удостовѣрено, что еврей-агитаторъ Елькенъ посыпалъ Цѣхановецкаго еще въ Смоленскѣ, но подъ другою фамиліею. Цѣхановецкій съ уважениемъ отзывался о «Николаѣ Иванычѣ», говорилъ, что онъ замѣчательно даровитый человѣкъ, членъ революціоннаго комитета, и для полиціи совершенно неуловимъ, каковая способность позволяетъ ему поднимать мятежъ уже въ «восьмой» губерніи.

Тогда же, получивъ отъ губернатора приказъ передать по телефону объ освобожденіи изъ тюрьмы всѣхъ политическихъ преступниковъ, заявилъ объ отпускѣ управляющей канцеляріей губернатора, Лабунченко, который не могъ уже болѣе выносить содѣйствіе Цѣхановецкаго явному

бунту противъ Царя, и прямо сказалъ ему, что «красному флагу служить онъ не можетъ», на каковое заявление получилъ отвѣтъ отъ Цѣхановецкаго:

— Какъ хотите...

На другой день, съ согласія Цѣхановецкаго, назначенъ быть въ городскомъ паркѣ, находящемся противъ губернаторскаго дома, митингъ революціонеровъ.

По городу, между тѣмъ, распространялись всевозможные слухи, одинъ другого ужаснѣе, разносишися главарями мятежниковъ.

Адвокатъ Свидерскій привезъ въ губернскую земскую управу пачку телеграммъ о начавшихся повсюду революціонныхъ дѣйствіяхъ, адресованныхъ: «Уфа. Губернатору», и, показывая ихъ членамъ управы, сказалъ: «Николай Ивановичъ» (еврей Ельканъ) приказалъ губернатору телеграммы эти немедленно напечатать», и дѣйствительно вечеромъ же онъ продавались на улицѣ, будучи напечатаны въ губернской типографіи.

IX.

19 октября съ утра стали проходить по улицамъ города толпы учащейся молодежи, общественныхъ земскихъ и городскихъ чиновниковъ, рабочихъ, дѣвушекъ, съ красными знаменами и надписями на нихъ: «Долой Цари», «Свобода», и пѣли революціонныя пѣсни, направляясь все въ общественный паркъ противъ губернаторскаго дома. Улицы города, дома жителей, сочувствовавшихъ революціи, домъ губернатора, окружной судъ, городская дума и губернская земская управа были расцѣплены флагами. Въ 10 часовъ утра мимо губернаторскаго дома прошли съ красными флагами ученики 4 и 5-го городскихъ училищъ и дискантами пѣли «Вставай, подымайся...», выкрикивая съ ударениемъ окончанія строфъ.

Всѣдѣть за ними прошли съ краснымъ знаменемъ и надписью на немъ «Долой Самодержавіе» семинаристы, гимназисты и землемѣры и все время смотрѣли на стоявшаго возлѣ окна губернатора, который привѣтливо раскланивался съ ними. Эти пѣли революціонныя пѣсни уже басомъ.

Послѣ сдѣланной наканунѣ молодежью попытки ворваться въ епархиальное женское училище начальница его просила губернатора дать охрану. Цѣхановецкій ей отказалъ. Утромъ молодежь, сломавъ двери въ епархиальномъ училище, вывела оттуда ученицъ и силою отвела ихъ въ садъ на революціонное собрание.

Другая кучка молодежи ворвалась въ это время въ первую женскую гимназію, но начальница ея, свѣтлѣйшая княгиня Багратіонъ-Мухрани-ская, выступила передъ нею и спросила:

— Что вамъ нужно?

— Мы явились требовать освобождения гимназистокъ: праздновать ограничение Самодержавія.

Тогда княгиня гордо отвѣтила:

— Дѣтей мопъ не отдамъ вамъ. Черезъ трупъ мой сперва перепа-гните, а потомъ дѣтей возьмете. Воинъ, негодяи! — и грозно топнула ногой.

Молодежь оторопѣла, отступила и, сгорбившись, ушла отъ благородной женщины, исполнившей свой долгъ. Но съ того участковавшіе въ толпѣ объявили свою трусость тѣмъ, что въ рукахъ княгини они видѣли бомбу и потому они ушли, боясь какъ бы она въ нихъ ее не бро-сила.

Въ 12 часовъ собралась у находящагося въ городскомъ паркѣ пивного павильона многочисленная толпа народа. На крышиахъ павильона развѣвались красные флаги съ надписями: «Первое учредительное со-брание!» «Пролетарій всѣхъ странъ соединяйтесь!» «Долой Царя!» «До-лой самодержавію!» На крыше съ флагомъ «Долой Царя» стоялъ судебнъй слѣдователь Ахмаметьевъ.

Появился агитаторъ-еврей «Николай Ивановичъ», котораго собирающе привѣтствовало бурными рукоплесканіями. Онъ стоялъ на крыше павильона, такъ что былъ виденъ далеко кругомъ и руководилъ сборищемъ. Толпа была очень разношерстная: интеллигентные люди, и простые, уча-щаяся молодежь, женщины, рабочіе, чиновники, офицеры, солдаты, чи-сленностью не менѣе 8—10 тысячъ человѣкъ.

Еврей-агитаторъ нагло извращалъ толпѣ событіе 9 января, узбѣря се, что, когда рабочіе шли къ Царю просить защиты отъ капиталистовъ, то Царь встрѣтилъ ихъ пулами и пролилъ кровь.

Тогда часть толпы закричала «Долой Царя», но значительная часть молчала. Крики раздавались, главнымъ образомъ, у павильона, гдѣ со-брались тѣсною толпой наиболѣе возбужденныи агита-щіе рабочіе и молодежь. Кроме еврея Елькена, съ крыши кричали толпѣ разныи грубости противъ Государя слѣдователь Ахмаметьевъ.

Но съ того еврей Елькенъ долго и властно говорилъ съ толпой, ко-торая слушала его съ восторгомъ.

— Товарищи, сейчасъ на напіемъ мигришъ я выслушать заявленіе одніи гражданки — Селецкой. Возмутительный случай василія позиціи и солдатъ надѣя ея несчастнымъ мужемъ. Эта разсказъ невозможно слу-шать безъ содроганія. Это такое звѣрство, такое истязаніе... Оть убить (еврей быть только пораненъ), ея мужъ, безчеловѣчно. Несчастная стра-далица обливается слезами. Товарищи, этого такъ оставить нельзя. Мы должны разслѣдовывать этотъ возмутительный случай насилія надъ безза-щитными гражданами. Мы должны наказать.. Мы должны отомстить...

Мы и пойдемъ громадной протестующей толпой съ черными флагами. Насъ будетъ много, я увѣренъ...

Толпа все время кричать еврею-агитатору одобрение и соглашается съ нимъ.

Затѣмъ Елькенъ предложилъ толпѣ обсудить вопросъ о ненужности церкви и обѣ отстрайеніи отъ должности священника Афанасьева, убѣждавшаго рабочихъ соблюсти вѣрность присягѣ. Толпа постановила отрѣшить священника отъ сана.

Одобренный послушаниемъ экзальтированной толпы, къ крикамъ которой присоединились и тѣ, кто раньше былъ болѣе сдержанъ, наглый еврей сталъ говорить, что манифестъ 17-го октября о свободѣ данъ Царемъ не добровольно, но подъ вліяніемъ насилия со стороны революціонеровъ.

— Мы уперлись въ Него колѣномъ въ грудь, схватили за горло и, когда душили, Онъ прохрипѣлъ, что согласенъ...

При этихъ словахъ среди присутствовавшихъ въ толпѣ изъ любопытства, но не принадлежавшихъ къ мятещикамъ, послышался глухой ропотъ негодования, а одинъ чиновникъ акцизного вѣдомства вынулъ револьверъ изъ кармана съ намѣреніемъ стрѣлять въ еврея-агитатора. Его удержали сослуживцы.

— Что ты, что ты? — сказали они. Тебя убьютъ безъ пользы, и насъ съ тобою тоже.

Агитаторъ, замѣтя негодование толпы, спохватился и тотчасъ застучалъ по водосточной трубѣ:

— Тише,тише! — закричалъ онъ. Нашъ товарищъ погибъ въ борьбѣ за свободу, пролилъ кровь свою, сионъ ему вѣчную память.

Стоявшіе на крышѣ тотчасъ запѣли вѣчную память, а «Николай Ивановичъ» крикнулъ: «шашки долой». Всѣ сняли шашки.

По окончаніи пѣнія какой-то молодой еврей сталъ доказывать необходимость отдѣленія церкви отъ государства. Его смѣнилъ Свидерскій, говорившій о Царѣ и Его притѣсненіяхъ и о добытой революціонерами свободѣ. Онъ предостерегъ народъ, что Царь будетъ всячески стараться отнять данную свободу, почему необходимо вооружиться, чтобы дать Ему отпоръ.

Затѣмъ снова выступилъ еврей Елькенъ. Онъ опять старался вызвать жалость толпы рассказами о побояхъ, нанесенныхъ революціонерами солдатами и полиціей. Уговаривая соединиться и дружно дать отпоръ угнетателямъ свободы. Закончилъ онъ громкимъ призыва:

— О всѣхъ такихъ случаяхъ насилия солдатъ и полиціи прошу заявлять нашему комитету, который состоить изъ Ляуданскаго (гласный думы), Свидерскаго, Полидорова (адвокаты), Боголюбова и Чашкина (нотариусы и гласные думы).

Объяснивъ затѣмъ толпѣ, что настало время дѣйствовать по отношенію къ администраціи рѣшительнѣе, агитаторъ Елькенъ предложилъ потребовать губернатора къ отвѣту за неисполненіе приказанія революціоннаго комитета удалить чиновъ полиціи и разоружить и уволить солдатъ.

Въ отвѣтъ толпа закричала:

— Потребовать губернатора!

Тогда Елькенъ совѣтуетъ послать за губернаторомъ его, еврея, самого, чтобы скорѣе привести губернатора на судъ толпы.

— Согласны, товарищи? — спросилъ онъ.

— Согласны! — отвѣчаетъ толпа.

— Нѣть, — отказался вдругъ еврей. Я снимаю свою кандидатуру. Я лучше останусь руководить здѣсь, а къ губернатору мы поплемъ другихъ.

Онъ выкрикнулъ имена Маллѣева, Свидерскаго и Спасскаго, и, съ одобреніемъ толпы, громко поручилъ имъ отправиться за губернаторомъ. Тѣ безпрекословно повиновались проходящему еврею.

Въ толпѣ пошли разговоры:

— Губернатора приказалъ привести сюда!

— Ну, пойдетъ тебѣ губернаторъ къ мятежникамъ! — возражаетъ человѣкъ въ чайкѣ.

— А пойдетъ! Вотъ увидишь, пойдетъ! Онъ уже былъ у нихъ, — подхватываетъ другой.

— Ахъ, шуты балаганные! — восклицаетъ третій. Неужто и выравду губернатора приведутъ?

А на крыши вновь началось пѣніе подъ руководствомъ слѣдователя Ахмаметьева:

Отречемся отъ старого міра...
..... Царя кровопийцы...
Кровью народной Онъ создалъ....

Слова съ оскорблениемъ царскаго имени напѣвались съ особыніемъ удареніемъ, чтобы рѣзче были слышны.

Среди любопытствовавшей простой толпы шли, между тѣмъ, разговоры о томъ: не пришель ли антихристъ?

— Батюшку Семеновскаго (Семёновской церкви) очень ужъ жалко. Отрышили его разбойники. И поповъ не надо, и церквей чтобы не было. Ишь, чего затѣяли окаянные!

По приглашенію еврея «Николая Ивановича», среди толпы стали собирать деньги въ пользу семей лицъ, «убитыхъ правительствомъ въ борьбѣ за свободу». Набрали около 600 р., которые и вручены были тому же еврею Елькену.

Затѣмъ, по предложенію «Николая Ивановича», собирающе постановило: 1) добиваться выборовъ въ государственную думу на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайного голосованія; 2) полной отмены цензуры; 3) уничтоженія охраны, жандармовъ и полиції; 4) свободы союзовъ, стачекъ и собраній для усиленной борьбы съ правительствомъ и капиталомъ; 5) замѣны полиціи собственою милиціей и ассигнованія городской думой средствъ на вооруженіе милиціи; 6) выбрать пять лицъ изъ комиссіи по изслѣдованію событий 17 и 18 октября по избѣженію евреевъ и молодежи, учрежденную городской думою; 7) погребовать объясненій отъ губернатора по поводу неисполнения имъ требованій о выпускѣ изъ тюрьмы лицъ, посаженныхъ за политическія дѣла, кроме одного, котораго, по словамъ еврея, «оставить въ подвѣркѣ правительству»; 8) потребовать отъ правительства возвраченія и отпуска всѣхъ политическихъ преступниковъ, несмотря на рожь преслѣдованія; 9) отложенія созыва государственной думы на 2—3 мѣсяца, чтобы всѣ слои населенія могли въ нее почасть.

Еврѣй «Николай Ивановичъ» предложилъ резолюцію митинга напечатать и стать спрашивать, кто и гдѣ будетъ набирать?

Въ толпѣ закричали:

— Наберемъ, наберемъ!

— А гдѣ?—вачаль было онъ совсѣмъ.

— Да, что обѣ этомъ разговаривать,—нагло вскричалъ онъ,—въ губернскій типографіѣ, прикажемъ губернатору.

Толпа сѣ хохотомъ одобрила его рѣшеніе.

Адвокатъ Спасскій предложилъ выпустить побѣздъ съ солдатами, подлежащими увольненію по распоряженію губернатора въ запасъ, для того, чтобы солдаты, по словамъ его, не были такъ злы. При этомъ онъ убѣждалъ быть здравомыслящими и не вѣрить слухамъ о томъ, что съ побѣздомъ могутъ приѣхать казаки, такъ какъ губернаторъ принялъ мѣры, чтобы этого не могло случиться; между тѣмъ, отправка побѣзда необходима еще для революціонныхъ цѣлей. На это изъ толпы пѣсколько голосовъ отвѣтили:

— Непускать побѣзды, непускать: казаки приѣдутъ!

Затѣмъ еврей Ельченъ сталъ объяснять, что соціал-демократическая партія манифестомъ 17 октября не удовлетворена и въ требованіяхъ своихъ найдетъ дальнѣе.

— Намъ нужна полная свобода: свобода слова, печати, собраній, стачекъ, а не ограниченная. Намъ нужна та свобода, которая существуетъ въ другихъ странахъ,—и предложилъ требовать уравненія въ правахъ всѣхъ національностей.

Когда толпа согласилась на уравненіе всѣхъ національностей, Ельченъ объявилъ, что въ случаѣ смерти изувѣченнаго черносотенцами

сврея Хавкина будетъ особо объявлено объ устройствѣ надлежащихъ похоронъ, къ каковымъ нужно приготовиться.

Вдругъ толпа заволновалась.

— Идетъ! Идетъ Цѣхановецкій! Губернаторъ! Самъ идетъ! Ведутъ его!

Услыша эти слова, стоявшая въ толпѣ дѣвушка-патріотка Бочкарева, служившая въ одномъ изъ правительственныхъ учрежденій, громко заговорила:

— Не онъ это. Не вѣрите. Не можетъ быть! Не можетъ онъ сюда прийти! Это неправда!

Группа молодежи захотела надѣть ею, одинъ приказчикъ нагло въ лицо закричалъ ей:

— Заткни свою глотку!

— Вотъ губернаторъ пришелъ. Вотъ на крыльцо входить! — и родоложали кричать въ толпѣ.

Дѣйствительно, посланные за губернаторомъ требовать явки его къ народу для объясненій Малыбезъ, Счастій и Свідерскій привели Цѣхановецкаго.

— На крышу его! На крышу! — закричали въ толпѣ.

Еврей «Николай Псановичъ», къ приходу губернатора слѣзиной уже съ крыши и стоявшій въ это время на периллахъ балкона, сошелъ съ нихъ и началъ здороваться съ Цѣхановецкимъ, который обнажилъ передъ нимъ голову и, визко кланяясь, на предложеніе его подняться на крышу для того, чтобы говорить съ народомъ, сталъ увѣрять его, что ему это трудно. Еврей тогда вскочилъ на перила балкона и закричалъ, отчеканивая каждое слово и съ замѣтнымъ юморомъ въ голосѣ:

— Господинъ губернаторъ Цѣхановецкій извѣняется передъ народомъ въ томъ, что онъ съ удовольствіемъ поднялся бы наверхъ, но по слабости здоровья для него это трудно и проситъ позвolenія передавать вамъ, товарищи, здѣсь черезъ меня свои отвѣты. Разрѣшаете?

— Разрѣшаемъ, — загудѣла толпа.

Тогда свреи, наклоняясь къ губернатору, спрашивали:

— А какія вы намъ объясненія дадите по поводу избѣженія незинныхъ гражданъ полиціей и солдатами?

Губернаторъ подаетъ ему свой приказъ. Еврей съ пафосомъ, обращаясь къ сборищу, произноситъ:

— Господинъ губернаторъ Цѣхановецкій по поводу избѣженія полиціей нашихъ товарищей издалъ слѣдующій приказъ.

Читастъ его:

— За избѣженіе полиціей мирныхъ гражданъ отстраниить отъ должностій: полиціймейстера Бухартовскаго...

— Браво! Ура! — гулко раздалось въ толпѣ, и послышались рукоплесканія.

Губернаторъ въ отвѣтъ на одобрение толпы снялъ фуражку и началъ кланяться.

— Пристава Андреева...

— Браво! ура!

— И околоточнаго... (не разбирастъ фамиліи)... ну, да все равно, какого.

— Ура! Браво!

— Товарищи, одобряете дѣйствія губернатора? — крикнулъ еврей.

— Одобляемъ.

— Товарищи, наше требование объ увольненіи полиціи губернаторъ исполнилъ. Другое наше требование не допускать солдатъ до насилия также исполнено,— и читаетъ приказъ во гарнизону о томъ, чтобы солдатъ не выпускать изъ казармъ, и о назначеніи надъ виновными изъ нихъ разслѣдованія для наказанія.

Крики: «браво! браво!» и рукоплесканія сборища заглушили голосъ еврея.

Губернаторъ, снявъ фуражку, сталъ кланяться толпѣ еще ниже.

— Товарищи,— продолжалъ между тѣмъ еврей,— докажемъ всѣмъ, что мы умѣемъ пользоваться свободой. Постановимъ резолюцію пустить поѣздъ съ запасными солдатами. Губернаторъ заявилъ мнѣ, что они распушены изъ казармъ и могутъ принести намъ только вредъ. А намъ, кромѣ того, нужно будетъ послать кое-кого съ поѣздомъ.

Нѣсколько гимназистовъ закричали: «не пускать», но другіе: «пустить, согласны», — и еврей-агитаторъ объявилъ, что пустить поѣздъ.

— Вотъ такъ «Николай Ивановичъ»! — заговорили въ толпѣ. Ни же лѣзンドорожные начальники, ни губернаторъ не могли пустить поѣздъ, а какой-то еврей распоряжается поѣздами!

Робкая покорность губернатора вызвала въ толпѣ хохотъ надъ нимъ. Агитаторъ своею ироніею при передачѣ губернаторскихъ словъ уронилъ передъ толпой престижъ власти еще больше.

— Товарищи, намъ нужно отпечатать резолюцію митинга. Отпечатаемъ въ губернской типографіи — кричать опять еврей. Вы согласны? — обращается онъ къ Цѣхановецкому, и, не выжидая отъ него отвѣта, кричитъ, презрительно махнувъ на него рукою:

— Губернаторъ согласенъ.

Толпа хохочетъ.

Дѣвушка Бочкирева снова не выдержала глумленія надъ властью и крикнула:

— Подло, подло все это. Спокойно смотрѣть и слушать тоже подло!

Въ толпѣ зашумѣли:

— Долой ее, долой ноганую бабу! — и начали толкать ее кулаками. Еврей продолжалъ,

— Товарищи, граждане! Вино туманить головы. Простой народъ напьется и пойдетъ насъ бить. Закроемъ винные лавки и портерныя.

— Закрыть, закрыть! — отвѣтала толпа.

Еврѣй обратился къ губернатору.

— Согласны? — громко спросилъ онъ.

Губернаторъ снялъ фуражку и покорно склонилъ голову.

— Товарищи! — обратился къ толпѣ Елькенъ, губернаторъ исполняетъ волю народа. Винные лавки закроются. Товарищи, въ селѣ Киржацкомъ (въ 4 верстахъ отъ города, съ паромомъ черезъ р. Бѣлую) тоже закрыть надо, чтобы не достали оттуда.

— Закрыть въ Киржацкомъ!

— Товарищи, вотъ что: для безопасности закрыть лучше винные лавки на 30 верстъ кругомъ.

— Закрыть! — отвѣтила толпа.

— Товарищи, а трактиры и гостиницы закрывать не надо: мы будемъ въ нихъ собираться и толковать. А черный народъ туда не пустятъ, напиться онъ не можетъ, — и, обращаясь къ губернатору, уже грубымъ тономъ спросилъ:

— Исполняете волю нашу?

Цѣхановецкій снялъ фуражку и низко поклонился ему въ поясъ. Цѣхановецкій стоялъ передъ толпой на возвышеніи, на балконѣ пивного павильона. Красная подкладка его шинели и красная фуражка съ блестящимъ государственнымъ гербомъ, среди темной одежды окружавшихъ его вожаковъ революціонеровъ, были рѣзко замѣтны при поклонахъ и позорнымъ своимъ склоненіемъ передъ всякимъ сбродомъ производили угнетающее впечатленіе.

— Товарищи! Намъ нужно вооружиться, — продолжалъ еврѣй-агитаторъ и, наклонясь къ губернатору, спросилъ его тономъ, не допускавшимъ возраженій:

— Согласны?

Губернаторъ опять заклялся.

— Господа, губернаторъ Цѣхановецкій разрѣшаетъ пріобрѣсти оружіе и вооружить нашу боевую дружину.

— Браво! браво! — съ хохотомъ одобрила толпа.

Потомъ еврѣй потребовалъ отъ губернатора увольненія священника Афанасьевъ и громко, съ видимою радостью, прокричалъ:

— Губернаторъ увольняетъ священника Афанасьевъ.

Наскоро пошептавшись съ мѣстными вожаками революціонеровъ, еврѣй снова обратился къ толпѣ.

— Товарищи, всѣ дѣла наши исполнены. Нашъ митингъ оконченъ, Споемъ на прощаніе цѣсню!

Первымъ заилья какую-то революционную пѣснь о кровавой расправѣ съ «кровоизѣйцей Царемъ» слѣдователь Ахмаметьевъ, державшій флагъ съ надписью «долой Царя» на крыши павильона. Въ пѣснѣ этой были припѣвы, подхватывавшіеся толной. При первомъ припѣвѣ со словами «смерть Царю», Цѣхановецкій, снявъ фуражку, сталъ махать ею, открывая ротъ, такъ что замѣтно было, что онъ кричать вмѣстѣ съ ними.

Здѣсь не выдержалъ себя стоявшій въ особой кучкѣ съ другими чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ, поодаль отъ толпы, одинъ земской начальникъ и, вынувъ изъ кармана пальто револьверъ, направилъ его въ измѣнника-губернатора, но тотчасъ былъ силою остановленъ присутствовавшими товарищами.

Въ серединѣ пѣсни Цѣхановецкій, визко раскланившись съ евреемъ Елькеномъ и другими революционерами, въ сопровожденіи Спасскаго и Свидерскаго пошелъ къ себѣ въ домъ...

Въ то время когда Свидерскій и Спасскій были у губернатора, при нихъ послѣдній получилъ телеграмму за подписью генерала Трепова; тутъ же находился прокуроръ окружнаго суда Зубовскій. Цѣхановецкій, прочитавъ телеграмму, сказалъ имъ:

— Ну, теперь прошло мое губернаторство: Треповъ остался.

Зубовскій сталъ тогда утѣшать его, говоря:

— Послѣ манифеста ты теперь черезъ нѣсколько дней должны убрать Трепова.

X.

По уходѣ съ революционнаго митинга губернатора Цѣхановецкаго, по приглашенію еврея «Николая Извавовича», толпа съ развернутыми революционными знаменами и пѣснѣю революціонныхъ пѣснъ двинулась по улицамъ города къ тюрьмѣ освобождать преступниковъ.

Рѣшенное городскою думою, съ согласія губернатора, вооруженіе революционеровъ навело панику въ городѣ. Еще накалуяще забастовщики ворвались въ государственный банкъ и силою прекратили его операциі, не смотря на присутствіе въ банкѣ военнаго караула. Невозможное явленіе это объясняли сочувствіемъ революционерамъ со стороны управляемаго уфимскимъ отдѣленіемъ банка поляка Квицинскаго. Распространился слухъ, что революционеры согласились между собою ворваться на сѣдующій день въ казначейство и ограбить его, такъ какъ казначейство не охраняется войсками, а 20 числа чиновники и чиновницы получаютъ жалованье. Управляющій казенною палатою, получивъ такое тревожное извѣстіе, отправилъ къ губернатору секретаря палаты требовать охраны казначейства. Губернаторъ, подъ давленіемъ революционеровъ, отказалъ въ охранѣ не только солдатами, но и городовыми.

По поручению управляющего палатою, секретарь предупредил Цхановецкаго, что въ случаѣ насилия забастовщиковъ и ограбленія казначейства онъ вынужденъ будетъ донести на бездѣлствіе губернатора въ министерство, и получилъ равнодушный отвѣтъ: «пустъ доносить».

Всѣдѣ за управляющимъ казенною палатою такой же отвѣтъ полу-
чилъ и тюремный инспекторъ Рябининъ, требовавшій усиленной охраны
тюрьмы въ виду ставшаго извѣстнымъ намѣренія революціонеровъ силою
освободить арестантовъ. Узнавъ, что толпа двинулась къ тюрьмѣ осво-
бождать арестантовъ, въ тюрьму поспѣшилъ тюремный инспекторъ Ря-
бининъ и телефонировалъ о грозящей опасности Цхановецкому. Но
губернаторъ всѣдѣ чиновнику отвѣтилъ по телефону, чтобы Рябининъ
не препятствовалъ насильственному освобожденію политическихъ аре-
стантовъ. Тюремный инспекторъ нашелъ, однако, требованіе губерна-
тора незаконнымъ. Когда толпа подошла къ дверямъ тюрьмы съ требо-
ваніемъ освобожденія политическихъ преступниковъ согласно распоря-
женію губернатора, Рябининъ отказалъ. На угрозу же толпы освободить
ихъ силою Рябининъ, стоявший у входа въ тюрьму въ полномъ вооружен-
іи, вынулъ изъ кобуры револьверъ, отдалъ приказаніе караулу готов-
иться къ бою и заявилъ революціонерамъ вожакамъ, среди которыхъ
были и городской голова Маллѣевъ, и гласные думы, и земскіе гласные,
что убѣсть каждого, кто осмѣлится силою пропихнуть въ тюрьму. Бое-
вая дружина революціонерами организована еще не была, они видѣли
себя не въ силахъ сладить съ вооруженною тюремною стражею, тѣмъ
болѣе, что народная масса особенного намѣренія къ василію не выказы-
вала, и революціонеры, пригрозивъ вернуться, когда организуется на-
родная милиція, отошли отъ тюрьмы, направившись въ желѣзодорож-
ную мастерскію.

Вечеромъ городскимъ головою Маллѣевымъ былъ собранъ въ клубъ
дѣтской вечеръ, на который пригласилъ онъ учениковъ и ученицъ сред-
нихъ учебныхъ заведений. На вечеръ присутствовали нѣсколько агитатор-
ровъ изъ рабочихъ и интеллигентіи. По приглашенію ихъ и Маллѣева,
дѣти объявили резолюцію: «долой родителей и наставниковъ» и пѣли
возмутительныя пѣсни о Государѣ, требуя Ему смерти.

Въ 11^{1/2} часовъ почти былъ позванъ къ губернатору смотритель гу-
бернской типографіи Масловъ. Въ кабинетѣ сидѣли въ это время Цхано-
вецкій, еврей агитаторъ Елькенъ, Рябининъ—членъ городской управы
и гласный думы Чижовъ. Цхановецкій, вручивъ Маслову руконы, при-
казалъ ему напечатать въ губернской типографіи резолюцію митинга.
Масловъ, увидя, что разрѣшительной надписи губернатора пѣть на ру-
коны, попросилъ губернатора сдѣлать на руконы свою надпись. Цхано-
вецкій отвѣтилъ:

— Предлагаю вамъ напечатать безъ разрѣшительной надписи...
Масловъ отказался.

Тогда Чижовъ крикнулъ на него:

— Какъ вы смѣете не исполнять приказаний губернатора?

Масловъ возразилъ ему:

— Мнеъ нуженъ оправдательный документъ. Пусть его превосходительство, господинъ губернаторъ, сдѣлаетъ надпись, и тогда я напечатаю.

Тогда Цѣхановецкій тутъ же при Масловѣ сталъ упрекивать «Николая Ивановича» согласиться напечатать въ другой какой-либо типографіи, такъ какъ онъ боится ответственности, но евреи «Николай Ивановичъ» сурово настаивали на своемъ требование и указывали Цѣхановецкому, что ему приказать напечатать резолюцію митинга самъ народъ, что онъ согласился и потому теперь не имѣть права отказываться исполнить приказаніе народа подъ страхомъ тоже ответственности.

Губернаторъ началъ тогда снова настаивать передъ Масловымъ, чтобы онъ напечаталъ революционную резолюцію митинга безъ разрѣшительной надписи губернатора, но Масловъ изъ-за мужество рѣшительно отказался напечатать противозаконную рукопись и былъ отпущенъ.

Сойдя внизъ, Масловъ вызвалъ изъ кабинета губернатора и заявилъ ему, что не можетъ набрать рукопись даже по телефонному его приказанию, почему просить сдѣлать разрѣшительную надпись на самомъ документѣ.

Въ это же время Цѣхановецкій сообщилъ еврею Елькену «Николаю Ивановичу», что получилъ приказаніе отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей, генералъ-майора Тренова арестовать его и всѣхъ революціонныхъ агитаторовъ и подать ему для прочтенія переведенный шифръ телеграммы генерала Тренова.

Въ тотъ же день расклеена была на улицахъ печатная провозглашенія, приглашавшая къ кровавой мести кровопийцамъ народа — чиновникамъ, полиціи и солдатамъ. Резолюція митинга была напечатана въ ту же ночь въ той же подпольной типографіи, где напечатана была означенная провозглашенія, такъ какъ на одна официальная типографія даже по телефонному разрѣшению губернатора не согласилась ее напечатать. Всегдѣствие спѣшиности и многочисленнаго революціоннаго материала, набравшагося въ революціонной типографіи, она была напечатана только вкратцѣ.

Вотъ ея содержаніе:

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетарії всіхъ странъ, соединяйтесь!

Резолюція 1-го свободнаго народнаго митинга гражданъ г. Уфы.

Граждане г. Уфы, собравшись въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ на первый свободный митингъ и выслушавъ ораторовъ, разъяснившихъ смыслъ манифеста 17-го октября, постановили:

Объявленныя свободы должны быть пополнены: свободой стачекъ, необходиомой для успѣшной борьбы труда съ капиталомъ, и свободой печати—полною отмѣну цензуры. Неприкосновенность личности должна быть дополнена неприкосновенностью жилища.

Всѣ національности теперь же должны быть уравнены въ правахъ.

Должна быть опубликована полнѣйшая амністія всѣмъ такъ называемымъ политическимъ преступникамъ.

Какъ гарантія всѣхъ свободъ должны быть уничтожены всѣ охраны, отдѣлени, жандармскія управлѣнія; полиція должна быть замѣнена народной милиціей.

Выборы въ Государственную Думу должны быть произведены всеобщими, равными, прямыми и тайными голосованіемъ, хотя бы для этого понадобилось отложить на нѣкоторое время срокъ созыва Государственной Думы.

Уфим. Комитетъ Рос. Соц.-Демокр. Рабоч. Партии.

20 октября, получивъ отъ губернатора отказъ въ охранѣ казначейства и желая въ то же время помочь чиновникамъ и ченсюнерамъ получить жалованье, управляющій казенною палатою прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ лично явился въ казначейство и открылъ операцию по выдачѣ денегъ, вместо обычныхъ 10 часовъ, въ 8 часовъ утра и тотчасъ сообщилъ во всѣ учрежденія по телефону, чтобы присыпали скорѣе казначеевъ за жалованьемъ. Къ 10 часамъ утра все жалованье было уже выплачено. Когда революціонеры сунулись въ казначейство, денежные операции были уже прикрыты и, такимъ образомъ, благодаря находчивости начальника, разгромъ казначейства не удался.

XI.

Тѣмъ временемъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ города Уфы шли оживленные разговоры о событияхъ дня. Ировесийся слухъ о намѣреніи революціонеровъ разграбить казначейство привелъ многихъ въ большое волненіе изъ опасенія не получить жалованья. Содѣяніе губернатора революціонерамъ сперва ошеломило чиновниковъ, привыкшихъ, благодаря достойнымъ ранѣе представителямъ администраціи, относиться къ

нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Они ходили, какъ потерянные, чувствуя себя униженными и оскорблевными преступными дѣйствіями губернатора. Особенно тяжело было для нихъ сознавать, что даже судь въ лицѣ предсѣдателя окружного суда Лагоды и прокурора Зубовскаго, а за ними подчиненная имъ мелкота, особенно изъ поляковъ, не только сочувственно отнеслись къ поведенію губернатора Цѣхановецкаго, но даже открыто одобрили его. Среди многихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ еврейского или польского происхожденія запечелилось не замѣчавшееся ранѣе проявленіе радикальнѣйшихъ воззрѣй. А общественные чиновники — городской голова, предсѣдатель губернской земской управы, члены городской и земской управъ, городские и земскіе гласные и соны ихъ служащихъ превозносили губернатора Цѣхановецкаго до небесъ.

— Мы говорили, вѣдь, что онъ нашъ! — смыкались они лицамъ, преданнымъ Государю. Вотъ, наша правда и сказалась.

Шествіе же подъ красными флагами, съ шѣніемъ революціонныхъ юбсентъ, и публичное привѣтствіе губернаторомъ оскорбительныхъ по отношенію къ Государю воягасовъ перенесло чашу. Присутственныя жѣста находятся противъ того нарка, гдѣ происходилъ матиагъ. Естественно, что многие изъ чиновниковъ побывали на немъ, иные услышали о происходившемъ отъ очевидцевъ и потому всѣмъ стало известнымъ публичное ватругательство надъ Царскимъ Именемъ и основными законами Имперіи со стороны не только шайки евреевъ и фанатиковъ изъ молодежи, во и представителя Верховной Власти, губернатора Цѣхановецкаго, открыто, на глазахъ подчиненныхъ ему лицъ и народа, передавшагося на сторону революціонеровъ.

Особенно смущало всѣхъ содержаніе манифеста 17 октября. По общему, однако, обсужденію манифеста чиновники пришли къ заключению, что онъ во всее не устанавливаетъ конституціоннаго управления страною. Царь ввелъ лишь особый порядокъ поднесенія проектовъ законовъ къ Нему на утвержденіе, именно, чтобы они предварительно одобрились государственной думою. Устанавливалось это съ тою очевидною цѣлью, чтобы избѣгнуть злоупотребленія Царскимъ довѣріемъ со стороны министровъ и не впасть въ ошибку. Если бы это правило было примѣнено къ закону 17 октября, то коварный измѣнникъ родины нашей Вятте не могъ бы подсунуть на иодинъ Царю безсмысленный практическіи законъ, который доставилъ столько горя и раззоренія странѣ. Но единодушному общему мнѣнію предавшихъ Государю лицъ, по основнымъ законамъ имперіи и ученію православной церкви даже Самъ Государь, какъ Помазанникъ Божій, если бы даже пожелалъ, не могъ бы освободить Себя отъ добровольно принятаго Божія благословенія и поставить волю народа выше Своей, Богомъ Ему врученной.

Дѣятельно обсуждая поступки и распоряженія губернатора Цѣхановецкаго, чины министерства внутреннихъ дѣлъ пришли къ слѣдующему заключенію: Цѣхановецкій, какъ истый полякъ, изъ любви къ своей родинѣ желаетъ распаденія Россіи затѣмъ, чтобы на развалинахъ ея въстановить Польшу. Средствомъ къ распаденію Россіи служить уничтоженіе ея крѣпости — Самодержавія. Поэтому онъ давно уже находится въ тѣсной связи съ революціонными элементами, ведетъ лично дѣятельную революціонную агитацию и содѣйствуетъ ей своимъ служебнымъ положеніемъ, почему и данъ былъ о немъ изъ Перми такой дурной отзывъ. Знакомство его съ агитаторомъ евреемъ «Николаемъ Ивановичемъ» еще въ Смоленскѣ и притомъ подъ другимъ тамъ именемъ это подтверждаетъ. Въ Уфѣ, вслѣдствіе никольской связи своей по училищу правовѣдѣнія съ Булыгинымъ и другими саповскими, Цѣхановецкій на губернаторскомъ посту почувствовалъ себя свободнымъ. Не будучи человѣкомъ большого ума, подъ влияніемъ затаенной мысли видѣть Польшу свободною, онъ преувеличенно оцѣнивалъ происходившія события. Такъ, онъ счѣлъ конституціей учрежденіе государственной думы и особенно былъ введенъ въ заблужденіе манифестомъ 17 октября. Добровольное, дабы не власть въ ошибку при утвержденіи законовъ, предоставление Монархомъ государственной думѣ непремѣнного одобренія всѣхъ проектовъ законовъ онъ счѣлъ ограниченіемъ Государевой власти и начавшееся затѣмъ, вслѣдствіе намѣренія бездѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ, революціонное движеніе проявленіемъ народныхъ желаній. Выходки Спиасского, Сандерского и еврея «Николая Ивановича», совмѣстно съ городскимъ головою Малльевымъ, и попытательство главныхъ представителей судебнаго вѣдомства въ губерніи предсѣдателя окружнаго суда Лягода и прокурора Зубовскаго онъ припалъ за дѣятельную революцію и признаніе властию господства черни, какъ Верховной Власти, и потому открыто примкнулъ къ возстанію и сталъ ему содѣйствовать.

Если бы не было иррѣгной агитациіи Цѣхановецкаго по ограниченію Самодержавія и поддержки, даже съ нарушеніемъ законовъ, революціонныхъ элементовъ, то можно было бы еще признать его дѣятствія боязнью революціонеровъ, растерянностью предъ манифестомъ о свободѣ, имѣющими съ виѣшней стороны въ значительной степени характеръ ограничительного закона.

Содѣйствіе, однако, губернатора побѣгу политическихъ преступниковъ, пріемъ у себя революціонныхъ вожаковъ и притомъ завѣдомо скрывающихся подъ вымышленными именами, выдача имъ тайного распоряженія правительства объ ихъ арестованіи, содѣйствіе организаціи боевой революціонной дружины, снабженіе ея оружиемъ и парализованіе всякой противодѣйствія со стороны общей и жандармской полиціи,

наконецъ, публичное надругательство надъ Святынией и имѣніемъ Царскимъ Именемъ, преклоненіе передъ революціоннымъ знаменемъ и провозглашеніе низверженія Верховной Власти составляли уже каждое въ отдѣльности государственное преступленіе. Выѣтъ же взятыя, они съ несомнѣнною ясностью характеризовали открытую измѣну со стороны губернатора Цѣхановецкаго въ вѣрности Государю Императору и Российской Имперіи съ цѣлью низвергнуть Верховную Власть Государя, расчленить Россію и возстановить царство Польское.

Изъ тѣхъ выражений, которыми обмѣнивались между собою чиновники, было видно, какъ глубоко преданныы были они своему Государю и какъ любили родину. Но особенно выдѣлялся среди нихъ молодой чиновникъ изъ татаръ Терегуловъ. Когда Цѣхановецкій, получивъ отъ него переведенный шифръ депеши генерала Трепова обѣ арестованіи революціонныхъ вожаковъ и въ томъ числѣ еврея Тихановскаго (Елькенъ «Николая Ивановича»), передалъ ее для прочтѣнія сидѣвшему тутъ же у губернатора въ кабинетѣ еврею, отчаянно молодого татарина не было границъ. Слезы вспыхнули у него на глазахъ и, рыдая, онъ говорилъ сослуживцамъ:

— Съ малыхъ лѣтъ въ николаихъ учать насть муллы любить Государя. Въ мечетяхъ постѣ священнаго имени Магомета упоминается тотчасъ также священное имя Царя. Мы, татары, всѣ любимъ Царя и готовы умереть за него во всякое время. Онъ Отецъ нашъ. Какъ же могу я теперь предавать Его, способствовать Его врагамъ!

Такимъ же отчаяніемъ были охвачены и болѣе старые чиновники. Всѣхъ занимала одна мысль: что теперь дѣлать?

Въ первый моментъ вѣкоторые предлагали собраться вмѣстѣ, въ мундирахъ, и публично заявить Цѣхановецкому, что они ему, какъ измѣнику Государя, въ дальнѣйшемъ повиновеніи отказываются. Другие советывали арестовать измѣника-губернатора и заключить подъ стражу. И были моменты, когда оба эти предложения близки были къ осуществлению.

По соображеній же съ законами, чиновники пришли къ иному решению.

Долгъ присяги запрещаетъ каждому вѣрнонадданному вообще, а состоящимъ на государственной службѣ въ особенности, не только существовать измѣнѣ, но даже не донести о ней. Поэтому чиновники призвали себя обязанными донести Государю Императору обѣ измѣническихъ дѣйствіяхъ губернатора Цѣхановецкаго и повергнуть къ столицамъ Его Императорскаго Величества свою вѣрнонаддиническую преданность. Рѣшеніе это было исполнено 20 октября посыпано телеграммы на имя министра Императорскаго двора барона Фредерика. При составленіи телеграммы многое было убавлено и добавлено ея составителями

въ удовлетвореніе требованій отдельныхъ лицъ, почему и получилась нѣкоторая не особенная выдержанность ея, а именно: въ концѣ телеграммы была просьба къ Государю защитить жизнь и имущество, о чёмъ, казалось бы, не могло быть и рѣчи при заявлении объ измѣнѣ начальника. Слова о военныхъ добавлены по желанію офицеровъ. Подлинный текст телеграммы стѣдующій:

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ. Министру Императорскаго Двора барону Фредериксу.

Потитильнѣише просимъ доложить Его Императорскому Величеству Уфимскій губернаторъ Цѣхановецкій со дnia прїѣзда въ іюнь мѣсяцѣ тотъ-часъ вступивъ въ тѣсную связь съ мѣстными революціонными дѣятелями; рядомъ нарушеній закона поддерживалъ революціонеровъ: подстрекать ихъ къ революціоннымъ дѣйствіямъ; пытался склонить насы, подчиненныхъ ему, содѣствовать конституціонистамъ стремлениемъ, открыто объявилъ, что онъ не сторонникъ самодержавія; пропагандировалъ скорѣйшее ограничение власти Государя конституціей. Результатомъ подстрекательства Цѣхановецкаго городскихъ земскихъ дѣятелей подчиниться требованиею конституціи явилось открытое появленіе на улицахъ города Уфы революціонныхъ дѣйствій. 18 октября губернаторъ Цѣхановецкій вышелъ къ кучкѣ учащейся молодежи, предводимой евреями и адвокатами, объявилъ ей, что власть Государя ограничена, что Его Величествомъ подписана конституція, поздравилъ со свободой, шествовать подъ революціонными красными флагами, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень. При крикахъ молодежи «долой Царя», кричала вмѣстѣ съ ними, снимала шапку передъ революціонными знаменами и при крикахъ о низверженіи Государя. Объщалъ манифестантамъ разоружить войско, возмущенное открытыми оскорблѣніями Царскаго Именія, разрѣшилъ свободныя революціонныя манифестаціи по всему городу и собраніе городской думы для выработки революціонной программы и покупки оружія для вооруженія революціонеровъ. 19 октябряничтожная рангомъ по численности кучка евреевъ, учащейся молодежи, обратилась въ огромную толпу, собравшуюся подъ красными флагами и съ революціонною пѣснью передъ губернаторскимъ домомъ. Губернаторъ Цѣхановецкій вышелъ къ толпѣ, снялъ шапку передъ знаменами о низверженіи Государя, кланялся предводителямъ революціонеровъ, кричала совмѣстно «долой Царя», объявилъ объ удаленіи отъ должности чиновъ полиціи, препятствовавшихъ революціонерамъ, о своемъ приказаніи войскамъ не препятствовать революціи, выразилъ одобрение рѣшенію революціонеровъ прогнать священника Афанасьевса, приглашавшаго быть вѣрнымъ присягѣ Царю, разрѣшилъ пользоваться губернскай типографіей печатать прокламаціи и революціонные требованія. Разрѣшилъ революціонерамъ вооружиться на городскія деньги для нападенія на войска и полицію. Митежъ разростается. Прибыли члены центральнаго революціонного комитета, соѣджаются совмѣстно съ губернаторомъ въ его домѣ. Губернаторъ показалъ имъ телеграмму Трепова обѣ арестѣ революціонеровъ. Разосланы прокламаціи, приглашающія къ кровавой мести служащимъ Царя. Опасность велика. Гарнизонъ на готовкѣ. На основаніи закона, воспрещающаго повиноватся измѣннику Императора, глубоко возмущенные открытою измѣной губернатора Цѣхановецкаго, вѣрные присягѣ на вѣрность Государю, мы поставлены въ ужасное положеніе созерцать откры-

тую измѣну начальника губерніи. Вице-губернаторъ Келевовскій отсутствуетъ. Просимъ повергнуть къ столамъ Его Императорскаго Величества нашу вѣрноподданическую вѣроность Царскому Самодержавію и готовность умереть за жизнь Его и царствованіе и мольбы наши защитить жизнь и имущество наше отъ вооружившихся революціонеровъ. Глубоко увѣрены, что въ критическую минуту вѣрноподданическія войска нась поддержатъ.

Слѣдуютъ подписи почти полныхъ составовъ губернскаго правленія, губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, канцеляріи губернатора и иныхъ земскихъ начальниковъ.

Вмѣсть съ тѣмъ послана была телеграмма генералу Тренову однороднаго содержанія относительно фактовъ позмѣны и министру внутреннихъ дѣлъ, какъ начальнику, вкратцѣ, въ виду хорошихъ отношений Булагина къ Цѣхановецкому.

Одновременно телеграмму о положеніи дѣла весьма тревожнаго содержанія послала командующему войсками и начальникомъ гарнизона, кому въ то время былъ командиръ Челябинскаго полка.

Въ этотъ же день, въ часъ дня, состоялось экстренное засѣданіе городской думы, на которомъ решено было образовать городскую милицию и вручить командование надъ нею еврею «Николаю Ивановичу». Противъ образования милиціи былъ только одинъ изъ членовъ комитета общественнаго спасенія гласной думы Нашкевичъ. Въ засѣданіи былъ большій споръ между соціалъ-демократами и соціалъ-революціонерами, кому изъ нихъ командовать милиціей. Думою отдаво предпочтеніе первымъ. На вооруженіе ассигновали городскія деньги и еврею «Николаю Ивановичу», какъ командиру милиціи, было тотчасъ авансомъ вручено 200 рублей.

Оружейные магазины стали немедленно раскупаться. На всякий случай, сидеркательщика оружейного магазина Остроумова явилась къ губернатору за разрешеніемъ, можно ли продать оружіе Свидерскому и пр. начальникамъ милиціи. Цѣхановецкій увѣрилъ ее, что можно.

Вооружившись браунингами и охотничими ружьями, революціонеры рѣшили захватить солдатскій винтовки, для чего сговорились напасть на арсеналъ и пороховые погреба. Когда стало это известнымъ, караулы были усилены, а тѣ запасные солдаты, которые подлежали увольненію въ запасъ, были задержаны и въ полной боевой готовности ждали въ казармахъ призыва къ дѣйствіямъ. Солдаты были обозлены на революціонеровъ до крайности и сдерживать ихъ приходилось строгими мѣрами. Поліція повсюду отсутствовала, а окологочинные надзиратели, оскорблѣявые революціонерами при каждой встречѣ съ ними, заявляли просьбы обѣ, отставкѣ.

ХII.

Прежде чѣмъ отослать телеграммы обѣ измѣнѣ губернатора, чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ сочли неудобнымъ избѣжать предводителей дворянства и были прежде всего у уфимского уѣзднаго предводителя дворянства Аполлона Новикова. Тотъ вскорѣ согласенъ былъ съ содержаніемъ телеграммъ, кромѣ названія Цѣхановецкаго словомъ «измѣнникъ». По его маѣнію, онъ не измѣнникъ, но человѣкъ, скопѣе, безхарактерный, подчинившійся всецѣло вліянію революціонеровъ и, кромѣ того, умственію, видимо, болѣй. При этомъ Новиковъ сознался, что ему жаль Цѣхановецкаго, и добавилъ, что онъ сбѣтъ съ толку сего-дняшины приглашеніемъ городскаго головы Малѣтева о необходимости устроить правительственную манифестацію. Поэтому онъ не захотѣлъ присоединиться къ телеграммѣ, заявившѣ, что у нихъ собираются яѣсколько лицъ послать телеграмму о дѣйствіяхъ Цѣхановецкаго, но въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ. Послѣ него направились къ губернскому предводителю дворянства князю Кутулову, который не отрицалъ тѣхъ явленій, которые приведены были въ телеграммѣ, но высказалъ, что по новоду дѣйствій Цѣхановецкаго онъ собралъ нѣсколькихъ предводителей и оговорилъ о томъ, какое принять положеніе въ виду начавшагося вооруженія революціонеровъ, которые могутъ начать грабить городъ, для того, чтобы послать отъ себя телеграмму отдельно Государю, и что отвѣтъ чиновниковъ получать черезъ день въ 10 часовъ утра.

Поздно уже ночью предводители уфимского дворянства, вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ, княземъ Кутуловымъ, явились къ Цѣхановецкому и настойчиво потребовали отъ него охраны города войсками. Губернаторъ, вслѣдствіе этого настоянія, согласился сдѣлать распоряженіе о прогулкѣ на другой день солдатъ съ музыкой по городу и о патруляхъ въ теченіе ночи. Появленіе солдатъ на улицахъ въ полной боевой амуниціи сразу успокоило городъ. Всѣ увидѣли, что солдатъ достаточно, и что революціонная шайка, хотя и вооруженная и организованная въ милицію, но не такъ уже страшна при готовности войскъ къ отпору.

День 21 октября былъ все-таки тревожный. Всѣ граждане спѣли по дому, со страхомъ ежеминутно ожидая грабежа города революціонерами. Постоянныя собранія городской думы, учрежденіе юю комитета общественной безопасноти, содѣствіе губернатора дальнѣйшему революціонному броженію, утвержденіе имъ всѣхъ незаконныхъ постановлений города, наконецъ, сходки боевой партии и зажигательные призывы ея воожаковъ въ печатной прокламаціи къ кровавой расправѣ съ чиновниками поселили страшно угнетенное состояніе у всѣхъ безъ различія гражданъ. Простой народъ глухо роптали на упражненіе церкви и наспіле

надъ Царемъ, у Котораго, по словамъ революціонеровъ, «подъ угрозой удушенія, вырвали свободу»; обѣявленныя правительствомъ свободы громко находили никому ненужными, кромъ революціонеровъ. Все это страшно волновало и угнетало населеніе, которое чувствовало, что настало царство полной анархіи и что власти въ городѣ не только не существуютъ, но она измѣнила Государю. Въ эти тяжелыя минуты ободряюще дѣйствовало поведеніе командира Челябинскаго полка Стѣрова, къ общей радости жителей вступившаго, за болѣзнь уѣзднаго воинскаго начальника Малинина, въ командование гарнизономъ и заявившаго о томъ, что при первомъ нападеніи революціонеровъ на солдата или перерывѣ телеграфнаго сообщенія съ Казанью онъ немедленно объявить городѣ на военномъ положеніи, и арестуетъ губернатора, какъ измѣника. Тревогу усилило еще извѣстіе, что революціонеры имѣли вооруженное столкновеніе съ военно-санитарнымъ поѣздомъ, вступили съ нимъ въ перестрѣлку и заставили отступить. Волненію особенно способствовали расклещенныя 19 октября объявленія губернатора о томъ, что, въ виду закона о «полней дѣйствительности неприкосновенности личности», имъ воспрещено полиціи препятствовать уличнымъ сборищамъ.

Полиція исчезла: полиціймайстеръ Бухартовскій и приставъ Андреевъ были отстранены отъ должностей, околосоточные забастовали. Въ домѣ губернатора властно распоряжался еврей-агитаторъ «Николай Ивановичъ», нагло объявлявшій себя новымъ Царемъ. У Цѣхановецкаго происходилъ постоянный сборища главарей революціонной шайки, и это страшно возмущало народъ. Тогда уже повсюду раздавались слова:

— Губернаторъ измѣникъ.

На улицахъ города всѣ эти дни было страшное удручающе безподле, но зато въ клубахъ, особенно въ приказничемъ, и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ происходили бурные заѣданія съ все разrostавшимися выраженіями недовольства тѣмъ «малымъ», но ихъ мнѣнію, что дано было манифестомъ 17 октября.

На одномъ изъ сборищъ въ мастерскихъ присутствовалъ офицерь въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, съ десяткомъ солдатъ. Въ мастерской развивался красный флагъ съ революціонной надписью. Къ офицеру подошелъ городской голова Малѣевъ и потребовалъ, чтобы онъ и солдаты сняли шапки въ уваженіе къ ихъ знамени революціонеровъ. Офицерь и солдаты отказались снять фуражки, и были вынуждены уйти изъ мастерской. Тогда же часть желѣзнодорожныхъ рабочихъ изъ патріотовъ устроили тайный заговоръ убить губернатора за измѣну. Они послали просить Цѣхановецкаго приѣхать къ нимъ и говорить по поводу революціоннаго движения, но въ то время, когда онъ собрался ужеѣхать къ нимъ, изъ 4-го полицеїскаго участка послѣдовало предупрежденіе о дѣйствительномъ намѣреніи рабочихъ. Цѣхановецкій не поѣхать.

Въ назначенный часъ князь Кутузевъ имѣлъ слѣдующій разговоръ съ однимъ изъ чиновниковъ.

— Ну, теперь опасность миновала,—радостно сказалъ князь. Войска подняли духъ жителей. Теперь имущество наше въ безопасности. Без-покойтесь больше нечего.

— Совершенно вѣрно. Благодаря войскамъ, стало бодрѣе, но, кромѣ заботы объ имуществѣ, не долягъ ли вѣрно-подданнаго установить передъ правительствомъ тѣ измѣническія дѣйствія Цѣхановецкаго, которыхъ чуть было не отдали города во власть мятежниковъ.

— Знаете,— отвѣтилъ на это князь Кутузевъ—я провѣрялъ иѣко-тория обстоятельства, и оказалось, что ничего подобнаго не было.

— Чего именно?

— А того, чтобы губернаторъ былъ на митингѣ, ходить подъ краснымъ флагомъ и содѣйствовать революціонерамъ, исполненія требованіе ихъ обѣ, увольненіи полиції.

— Какъ же вы провѣрили ихъ? Вы знаете, кто подписалъ телеграмму. Это все начальники отдѣльныхъ частей, занимающіе должности 5 и 6 классовъ со всѣми своими штатами. Мы не наставляли предъ вами о томъ, чтобы вы подписали телеграммы, но предупреждали, что сочли неудобнымъ избѣжать часъ, какъ предводителя дворянства, и вы за это уже благодарили. Позвольте же узнать, откуда вы почерпнули доказательства невѣрности того, почему мы лично были свидѣтелями.

— Я съ Новиковымъ побѣхалъ къ губернатору и приперли Цѣхановецкаго къ стѣнѣ. Мы спросили его: «правда ли, что онъ содѣйствуетъ революціонерамъ, что шествовалъ подъ краснымъ флагомъ, кричалъ совмѣстно «долой Царя», разрывалъ революціонерамъ вооружиться, приказывалъ печатать въ губернскій типографіи прокламаціи и резолюціи митинга...»

— И что же Цѣхановецкій?

— Онь сказалъ, что вичего подобнаго не было, что онъ не былъ на митингѣ, что еврея-агитатора «Николая Ивановича» въ домѣ у себя онъ не принималъ и не знаетъ его вовсе и что обѣ арестъ его не было телеграммы.

— И такъ, кто-нибудь да врѣть же: или Цѣхановецкій, или мы? Повторю, часъ теперь не интересуетъ вания подпись подъ телеграммой, потому что она уже послана, но желательно было бы звать, почему вы довѣряете Цѣхановецкому, а не намъ? Для этого нужны доказательства. Какія же у васъ доказательства?

— А у насъ была вчера нашъ дворянинъ Малышевъ, городской голова. Онь понять, куда ушло политическое движение, и что съ нерѣходомъ власти въ руки соціаль-демократовъ, и онь, какъ богатый человѣкъ будетъ также ограбленъ. Онь плачалъ передъ нами, распаковался,

что увлекся революцией; клялся, что не будетъ больше крамольничать, и на наши вопросы, былъ ли Цѣхановецкій на митингѣ и шелъ ли подъ красными флагами, сказалъ, что ничего подобнаго не было.

— А вамъ известно, что за личность Маллѣевъ? Вамъ известно, что въ тотъ же самый дѣнь, когда губернаторъ шелъ подъ революціонными знаменами, Маллѣева публично, въ присутствіи губернатора и толпы людей, называли «лжецомъ» и предупреждали, что онъ перебѣжчикъ изъ одной партии въ другую?

— Этого я не знаю. Маллѣевъ, однако, и у насъ не пользуется хорошимъ репутацией. Мы ему не довѣряемъ, но онъ промилю слезу, онъ нашъ дворянинъ, и мы ему не можемъ не вѣрить.

— Но, вы забываете, что среди подписавшихъ телеграммы есть также потомственные дворяне и помѣщики и что тоже вашей же губерніи. Какая же вы имѣете основанія вѣрить Маллѣеву и не вѣрить имъ?

— Да, но....— замялся Кугушевъ. Цѣхановецкій такъ настъ увѣрялъ, такъ просилъ...

Оказалось, Цѣхановецкій уговорилъ дворянъ изъ революціонеровъ и мусульманъ поддержать его въ виду послания на него донесенія объ измѣнѣ и, навлиявъ на князя Кугушева, заставить его, какъ человека очень слабовольнаго и подверженаго алкоголизму, послать на имя министра внутреннихъ дѣлъ телеграмму о томъ, чтобы не довѣрять посланнымъ чиновникамъ телеграммамъ обѣй измѣнѣ Цѣхановецкаго. Дворяне революціонеры и мусульмане уговорили князя Кугушева, и тотъ, предварительно подписаній ими, подписать телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ о томъ, что донесеніе обѣй измѣнѣ Цѣхановецкаго не вѣрио и послѣдовало подъ влияніемъ одного консерватора-агитатора. Телеграмма была послана изъ дома губернатора съ его курьеромъ, по личному приказанію Цѣхановецкаго и за его же деньги, какъ частная.

XIII.

Въ дѣнь восшествія Государя на престолъ, въ часъ дня, по улицамъ города вдругъ раздались звуки военной музыки. Отъ желѣзодорожныхъ мастерскихъ шла толпа патріотовъ рабочихъ, приглашенныхъ на коятроманифестацію противъ революціонеровъ старообрядцами, подрядчиками Лантѣвымъ, Бусовымъ и Рыбнымъ.

Впереди несли икону и портретъ Государя Императора, подъ сѣнью большихъ и малыхъ трехпятнадцати национальныхъ флаговъ.

Не выдержала русская душа! Три дня угнали ее революціонные крики и красивые мятежные флаги. Душа рвалась на просторъ, на громкое всенародное исповѣданіе своей вѣры.

Всачалѣ тозиа была небольшая, но, засыпавъ звуки народнаго гимна, обыватели выскакивали изъ домовъ и присоединялись къ ей— радостные, восторженные, со слезами на глазахъ. Въ толпѣ были солдаты, женщины, офицеры, чиновники, купцы и немногого простого народа, всего около 300—400 человѣкъ. А впереди толпы, къ удивленію своему, сбыватели увидѣли: городского голову Маллѣева и богатаго кутица изъ краснаго лагеря Чижова. Господство оборванцевъ не предвѣщало для ихъ богатстваничего надежнаго; въ прокламаціяхъ чернь призывалась къ захвату имущества «кровопийцъ изъ кутицовъ», и они сочли благороднымъ заручиться на всякий случай расположениемъ и черной сотни.

Русскихъ истинно людей ждали уже въ соборѣ, съ колокольни которого встрѣтили ихъ церковнымъ звономъ. Какъ только пришли къ собору, тотчасъ Бусовъ, Рыбинъ и Чижовъ отправились за губернаторомъ. Онъ долго отказывался, но уступилъ настояніемъ Чижова. Прибыли они съ нимъ уже къ концу молебна. Цѣхановецкій былъ въ форменной одеждѣ губернатора.

По окончаніи молебна, бывшаго на соборной площади, подошла къ Цѣхановецкому дѣвушка Бочкарева и тихо спросила его:

— Почему вы, ваше превосходительство, ходили подъ красными флагами? Скажите, кто вы? Почему вы такъ дѣйствовали?

Цѣхановецкій также тихо отвѣтилъ:

— Я былъ одинъ, я боялся, не выдавайте.

Затѣмъ къ Цѣхановецкому обратились Бусовъ и Рыбинъ съ просьбою объяснить народу, почему онъ позволилъ въ присутствіи своеимъ оскорблять церковь и Государя. Цѣхановецкій всталъ на поданый изъ церкви стуль и началъ, путаясь и замкаясь, забывая начатыя фразы, говорить:

— Я былъ одинъ, оставилъ всѣми, но помните, что только благодаря мнѣ здѣсь не было пролито ни капли крови. И вижу, что вы сплотились, васъ много, теперь и я съ вами. Прошу васъ, не грабьте! (при этихъ словахъ среди кутизовъ послышалось негодование). Не бунтуйте. Ура Императору!

Онъ былъ поддержанъ криками, но слабо. Среди кутизовъ и солдатъ начался ропотъ:

— Развѣ мы грабить пришли?

Губернаторъ между тѣмъ опустился съ возвышенія и тихо, но умоляюще стала просить Чижова и Маллѣева:

— Спасите меня. Не выдавайте.

Тогда Бочкарева, стоявшая все время возлѣ губернатора, вновь спросила его:

— У васъ, ваше превосходительство, есть телеграммы центральной власти обѣ арестованій главарей этой пайки?

— Нѣть, — отвѣчалъ губернаторъ.

Затѣмъ Цѣхановецкій вновь сталъ просить всѣхъ окружающихъ «не выдавать его». На это Бусовъ, Лантевъ и Рыбинъ добродушно ему отвѣтили:

— Полноте, ваше превосходительство, не выдадимъ, только сдѣлайте распоряженіе удалить ихъ. Богъ съ вами, не бойтесь.

Послѣ того поднялся на стулъ офицеръ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, тотъ самый, который отказалъ Маллѣеву обнажить голову передъ революціоннымъ знаменемъ, и громко обратился къ толпѣ:

— Слушайте. Передъ вами стоить измѣнникъ. Это волкъ въ овечьей шкурѣ. Надо выворотить ему шубу.

При этихъ словахъ Цѣхановецкій поблѣднѣлъ, какъ полотно, и присѣлъ, такъ что его красной фуражки въ толпѣ не стало видно.

Офицеръ между тѣмъ продолжалъ:

— Онъ бываетъ у революціонеровъ; пришелъ и сюда. Вотъ онъ — городской голова Маллѣевъ! — и указать на послѣдняго измѣнника.

Толпа закричала:

— Вѣрно, вѣрно! Измѣнникъ! Измѣнникъ! Продолжать, продолжать! Офицеръ, продолжай!

Въ толпѣ думали, что офицеръ укажетъ еще на кого-нибудь, но онъ сказалъ:

— Солдаты были озлоблены на мятежниковъ за поруганіе Царскаго имени и готовы были растерзать измѣнниковъ. Если пролитіе крови ихъ не произошло, то только потому, что ножалъши сѣдые волосы губернатора. Губернаторъ помѣшалъ кровопролитію. Будемъ благодарить губернатора!

Въ толпѣ отвѣтили сдержаннѣемъ одобрѣніемъ. Офицеръ же и Чижовъ стали благодарить Цѣхановецкаго рукопожатіями и направились съ нимъ къ его дому. Музыка залграла, и толпа двинулась за ними. Подойдя къ крыльцу губернаторскаго дома, толпа, окруживъ губернатора, громкими криками потребовала отъ него послать Государю Императору телеграмму о томъ, что уфимскій народъ остался вѣренъ Ему, какъ Самодержцу. Губернаторъ, занесивающе кланяясь, обѣщалъ.

Народъ восторженно крикаулъ «ура», и вверхъ полетѣли шапки. Люди прыгали отъ радости, хлопали въ ладоши и на улицѣ долго не умолкали крики:

— Да здравствуетъ Царь! Ура Самодержцу!

Потомъ толпа, не отпуская все время отъ себя губернатора, хотя онъ и пытался къ дверямъ, потребовала отъ него возстановленія въ должности полиціймейстера Бухартовскаго. Губернаторъ, исхотя, согласился.

Снова раздались крики:

— Ура!

Затѣмъ потребовали отъ него возстановленія въ должности пристава Андреева, славившагося своимъ умѣльмъ преслѣдованіемъ политическихъ преступниковъ, и околоточнаго Ташкинова.

Губернаторъ торопливо соглашался на всѣ требованія, а народъ громкими криками привѣтствовалъ торжество правды.

Получивъ удовлетвореніе въ наиболѣе возмущавшихъ душу явленіяхъ, народная толпа направилась къ городскому полицейскому управлению. Въ то время какъ ова проходила мимо землемѣрного училища, изъ оконъ его выглядывали ученики и стали съ кричаніемъ и вызывающими смѣхомъ задирать патріотическія чувства народа. Толпа отвѣтила имъ, грозя кулаками:

— Наша взяла! Долой «Николая Ивановича!» Будеть, поцарствовалъ! Надрожались мы изъ-за нихъ, подлецовъ! Ночей не спят! Ура Государю, Царю Самодержавному!

Подойдя къ дому полиціймейстера, толпа вызвала Бухартовскаго на улицу и сообщила о возстановленіи его губернаторомъ въ должности. Ему кричали «ура» и сдѣлали такую восторженную овацию, что онъ плакалъ навзрыдъ отъ справедливой оценки народомъ его дѣятельности.

Полиціймейстеръ Бухартовскій получилъ свое служебное воспитаніе еще у генерала Соколовскаго, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ въ Оренбургѣ и семипалатинской области. Полякъ родомъ и католикъ но вѣрѣ, онъ рѣзко отличался отъ другихъ чиновниковъ поляковъ своею честностью и преданностью Государю и Российской Имперіи. Онъ бездѣтный. Однажды въ гостяхъ у зайдыхъ польскихъ дѣятелей, по поводу шедшаго разговора о необходимости бездѣтныхъ семьямъ брать себѣ на воспитаніе чужихъ дѣтей, къ нему и женѣ его обратились съ ядовитымъ замѣчаніемъ по поводу ихъ русофильства.

— Вы, конечно, возьмете себѣ на воспитаніе русскаго ребенка.

— Нѣть,—горячо возразилъ они,—мы возьмемъ себѣ польского ребенка, но затѣмъ только, чтобы воспитать изъ него друга русскимъ, а не врага, какимъ являетесь вы, хотя въ то же время это не мешаетъ намъ получать отъ русскихъ хорошия деньги за неувѣреную службу.

По приѣздѣ Цѣхановецкаго поляки не замедлили посвятить его въ иерархіи къ польскому дѣлу Бухартовскаго, и онъ открыто высказывалъ ему норицаніе за то, что онъ, будучи полякомъ, не любить Польши больше Россіи.

Возвращаясь отъ полицейскаго управления въ слободу около станціи желѣзной дороги, толпа проходила мимо зданія городской управы. Передъ нею она остановилась и, грозя кулаками въ окна, кричала:

— Малльевъ! Малльевъ! Малльева сюда!

Малльевъ, послѣ брошенаго ему въ лицо публичнаго оскорбления, прошелъ съ толпою къ губернаторскому дому и тамъ уже юркнулъ въ номъщеніе губернатора.

По ходу толпы губернаторъ по телефону сообщилъ полиціймейстеру, что онъ и остальные чины полиціи возстановляются въ должности. Собравшимся вскорѣ же у губернатора революціонныи вожаки изъ земскихъ и городскихъ дѣятелей Цѣхановецкай, уже ободрившися, высказали, что толпа была подстроена однимъ изъ чиновниковъ, состояла только изъ неистовыхъ бабъ и силою пригнанныхъ солдатъ, что это была лишь маленькая кучка, но вовсе не народъ.

— Напрасно этотъ человѣкъ думаетъ, что кучка бабъ и солдатъ есть народъ. Народъ вовсе не такъ думаетъ! Никогда я не чувствовалъ себя въ такой опасности, какъ у собора. Я презираю эту «самодержавную» толпу,—говорилъ Цѣхановецкій.

Появленіе на улицахъ города ликующей толпы съ дорогимъ для сердца народа иѣніемъ «Спаси, Господи, люди твоя», съ иконами, царскими портретами и разѣвавшимися русскими флагами внесло сразу облегченіе. Попрятавшиеся горожане стали выходить изъ домовъ своихъ на улицу.

Среди революціонеровъ неожиданное проявленіе патріотической манифестаціи произвело огромную тревогу. Вожаки ихъ собрались вечеромъ въ клубѣ, номъщающемся въ дворянскомъ собраніи, и открыли совѣщеніе. Поведеніе губернатора привело ихъ въ раздраженіе, и они послали прѣзжаго революціонера, еврея Степанова, за Цѣхановецкимъ, желая потребовать отъ него объясненій по поводу назначенія вновь Бухартовскаго на должность полиціймейстера и присутствія его на патріотическомъ молебнѣ. Цѣхановскій не поѣхалъ, объяснивъ Степанову, что онъ боится, какъ бы «самодержавцы» по дорогѣ на него не напали, и просилъ передать революціонерамъ, что русскіе патріоты грозили его убить, и онъ потому только уступилъ ихъ требованіямъ. Тогда же овѣ потребовалъ къ себѣ военный караулъ для охраны отъ простого народа и чиновниковъ и приказалъ объявить, что защищаетъ патріотическую манифестацію. Въ исправленіе обязанностей начальника гарнизона вступилъ въ это время выездорвѣшій полковникъ Малининъ, ставившійся подладиться къ губернатору.

Въ другомъ же клубѣ, а именно—соединенномъ собраніи, группой чиновниковъ и преданныхъ Государю лицъ рѣшено было послать вѣрно-помѣщническую телеграмму Государю и образовать патріотическое общество для защиты Царской власти отъ революціи и устроить общенародную патріотическую манифестацію. Это еще болѣе успило боязнь Цѣхановецкаго и онъ приказалъ солдатамъ за каждымъ, приходящимъ въ его канцелярію, чиновникомъ слѣдить неотступно; полицейскимъ же

чинамъ и курьерамъ онъ пересталъ довѣрять, замѣчая своимъ единомышленникамъ, что у нихъ слапикомъ «преданныя» Царю физиономіи.

Получилось странное явленіе. Когда въ канцелярію губернатора, вмѣшующую сообщеніе съ внутренними покоями губернатора, являлись по дѣламъ службы даже высшіе чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ—земскіе начальники, непремѣнныя члены, совѣтники губернскаго правленія, за ними, какъ за арестантами, съ ружьемъ въ рукахъ, по стѣдамъ слѣдовали часовой солдатъ до самаго выхода изъ дверей на улицу.

День праздника Казанской Божіей Матери прошелъ въ оживленныхъ совѣщеніяхъ. Патріоты готовились къ празднству торжества вѣры и самодержавія, а революціонеры приготавляли боевую дружину къ нападенію на преданныхъ Государю людей.

XIV.

23 октября, на всѣхъ витринахъ и столбахъ города было вывѣшено слѣдующее обѣявлѣніе отъ учрежденной революціонерами, по примѣру французскаго комитета общественной безопасности въ революцію 1789 года, организаціи, взявшей на себя управлѣніе городомъ.

ОБѢЯВЛЕНІЕ.

Въ видахъ наивозможнаго скорѣйшаго прекращенія забастовки рабочихъ въ ремесленныхъ и другихъ заведеніяхъ города Уфы, Комиссія о мѣрахъ къ поддерканию общественнаго спокойствія въ городѣ просить г. г. властѣльцевъ всѣхъ ремесленныхъ заведеній и заводовъ, а равно и г. г. представителей отъ рабочихъ, по одному отъ каждой группы ихъ, пожаловать «24 сего октября, въ 6 часовъ вечера, въ залъ городской думы для обсужденія вопроса о скорѣйшемъ возобновленіи работы.

Октября 23 дня 1906 года.

Съ утра по городу стали собираться патріоты съ портретами Государя и флагами, а революціонеры открыли сборище въ губернской управѣ.

Въ 11 часовъ утра, отъ дома дворянскаго собранія отошла группа людей съ желтымъ флагомъ, на которомъ червѣнія двуглавый орелъ. При ней находился князь Кутушевъ, губернскій предводитель дворянства, который обрадовался, что патріоты показали силу, могущую защитить его отъ соціалистовъ, не скрывавшихъ намѣренія пограбить богатыхъ. Группа эта остановилась у соединенного собранія. Послѣ долгаго ожиданія, къ ней, во главѣ съ кутицами Бусовыми и Рыбиными, подошла огромная толпа народа изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, неся портреты Государя и Государыни, съ трехцѣпными и бѣлыми флагами, на которыхъ крупными синими и красными буквами по бѣлому фону было написано: «Боже Царя храни», «Да здравствуетъ Царь сво-

боднаго народа». Толпа пошла затѣмъ по Александровской улицѣ, широкою волною направляясь къ собору. Въ это время впервые замѣтили, что рабочий изъ столярной мастерской, Какаулинъ, несшій флагъ, подплясывалъ и держалъ себя безобразно. Его сдерживали, предполагая, что онъ пьянь, и уговаривали вести себя прилично, но онъ не унимался.

Шествіе приблизилось къ собору, откуда вышло духовенство на соборную площадь, и начался молебенъ о здравіи Государя, пріѣхать на который губернаторъ категорически отказался. Послѣ того какъ молебенъ окончился и народъ подхватилъ за пѣвчими «многая лѣта», Какаулинъ началъ играть флагомъ, стараясь какъ бы сбить другіе флаги. Его все уговаривали, но онъ, перешептываясь со стоявшимъ рядомъ съ нимъ, продолжалъ безобразничать.

Наконецъ кто-то крикнулъ:

— Отнимите у него флагъ!

Но онъ отвѣтилъ:

— Не отдамъ,—и сталъ держать себя дерзко-вызывающе.

Все это было не такъ громко, чтобы огромная толпа народа, силою заполнившая соборную площадь, тысячу въ тридцать человѣкъ, могла слышать, тѣмъ болѣе, что «многая лѣта» подхватилъ буквально весь народъ и заглушалъ всякий шумъ. Часть народа съ княземъ Кугушевымъ, съ желтымъ штандартомъ впереди, двинулась съ площади по Ильинской улицѣ, ведущей къ губернаторскому дому. Тутъ же находилась и полиція.

Мѣсто же площади, гдѣ скандалилъ Какаулинъ, было возлѣ Александровской улицы. Какаулинъ не унимался. Вдругъ въ тотъ моментъ, когда «многая лѣта» стихло, Какаулинъ ткнулъ флагомъ въ портретъ — раздался звукъ удара. Стоявшая около него народная масса въ паническомъ ужасѣ дрогнула. Въ толпѣ уже посыпались слухи, что затѣвается на преданныхъ Государю людемъ покушеніе со стороны революціонеровъ.

Всѣ стали спрашивать другъ друга:

— Что это, что такое? Выстрѣль?

Шума, между тѣмъ, не было, криковъ тоже.

— Успокойтесь, успокойтесь... начали разумѣять тогда однѣ другого. Это какой-то пьяный буйникъ,—и шествіе со штандартомъ продолжалось, увлекая за собою густую массу.

Вдругъ кто-то замѣтилъ, что портретъ Государя въ двухъ мѣстахъ протекутъ.

— Держи злодѣя! Держи! Бей! — послышались крики.

Какаулинъ, между тѣмъ, ударилъ купца Пантелеѣва, желавшаго отнять у него флагъ, и бросился бѣжать, расталкивая толпу, по какой-то солдатъ схватилъ его.

— Царя ударили! Бей злодѣя! Бей! — раздался грозный ревъ толпы.

Въ одно мгновеніе Кakaулинъ былъ сбитъ на землю, и толпа начала топтать его и рвать. Полетѣли вверхъ ключья его одежды, галоши. Изъ рта его хлынула кровь. Часть народа въ испугѣ откинулась въ сторону, а ядро стало проникаться къ трупу. Раздались неистовые народные воини.

— Бей измѣнниковъ! Бей поляковъ! Идемъ къ губернатору!

На распросы народъ радостно отвѣчали:

— «Николая Ивановича» убили!

Слыша это имя, кидались въ толпу спрашивавшіе, проникавшіе сквозь нее затѣмъ, чтобы ударить также и имя ненавистнаго человѣка. Были мужчины и женщины, православные и мусульмане. Татары кричали:

— Стадо безънастука не бываетъ, и мы безъ Царя не можемъ. Да здравствуетъ Царь! Смерть его врагамъ! Смерть полякамъ измѣнникамъ!

Огромная толпа въ серединѣ колыхалась точно волны въ морѣ: то поднималась она, когда люди вскакивали на безжизненное уже тѣло, то опускалась. Ревъ толпы былъ подобенъ реву бури.

Манифестація со штандартомъ подопала тѣмъ временемъ къ губернаторскому дому. По приглашенію воинѣшаго въ домъ князя Кугушева, Цѣхановецкій вышелъ. Его встрѣтили криками:

— Самодержавному Государю ура!

Онъ отвѣчалъ также:

— Ура!

Священникъ Райской вручилъ губернатору текстъ телеграммы отъ населенія цѣ потребовалъ, чтобы онъ послалъ ее въ точныхъ выраженіяхъ, какъ изложено, на Высочайшее Имя. Губернаторъ пообѣщалъ послать ее, не измѣняя текста. Присутствовавшіе въ тоїже мусульмане пригласили идти къ оренбургскому муфтію. Шествіе направилось къ дому муфтія Султапова. Губернатора также принудили идти съ толпою. Его подхватила подъ руку однадама — Баумгартеvъ и повела насильно. Отъ дома муфтія, оставивъ тамъ Цѣхановецкаго, толпа, съ изнемѣвъ вароднаго гимна и «Коль славенъ», прошла къ женскому монастырю, где встрѣтили ее колокольнымъ звономъ.

Другая толпа, между тѣмъ, все била била Кakaулина. Одни смѣяли другихъ. Выскакивая изъ ревущей толпы, бывшіе Кakaулина показывали окровавленныя ноги.

— И я его, мерзавца, билъ — хвасталась одна старуха, показывая окровавленныя ватсеки.

— Бейте «Николая Ивановича»! Бейте! — приглашалъ стоявшихъ на илоцади старикъ въ полушибкѣ.

— Смерть полякамъ! — отвѣтала ревомъ толпа. Смерть измѣнникамъ! — и бросалась снова топтать и рвать тѣло Какаулина, представлявшее уже безформенную окровавленную массу.

Болѣе часа продолжался страшный народный судъ. Протеста противъ него не было. Тысячи людей, согласно, признавали право за народомъ смертной казни, когда власти бездѣйствуютъ.

— Къ губернатору течерь! — вдругъ раздалось въ толпѣ.

— Къ губернатору! — разомъ подхватили народъ.

— На ура его. На ура! — раздались крики.

Окровавленные и испачканные грязью останки Какаулина подняли и понесли по Александровской улицѣ, неся флаги и разорванный портретъ.

— Смерть полякамъ! Смерть измѣнникамъ! — раздался по улицѣ страшный одноголосый ревъ.

У дома Макаева навстрѣчу толпѣ цепался еврей Руккеръ, братъ одного портного, принимавшій все время дѣятельное участіе въ революціонныхъ сборищахъ и по нимъ знакомый рабочимъ. Онъ состоялъ въ боевой дружинѣ и былъ посланъ революціонерами, собравшимися въ земской управѣ, слѣдить за патріотической манифестаціей, чтобы съ разныхъ концовъ напасть на нее.

— Вотъ полякъ. Измѣнникъ! Ихней шайки! — закричали въ толпѣ.

Руккеръ вынуль, было, револьверъ, но это еще болѣе возбудило толпу.

— Бей его, бей!

Руккеръ моментально былъ смятъ и толпа начала его также терзать, какъ Какаулина. Изъ разорванной одежды его посыпалась прокламація.

— Вотъ онъ! Вотъ «Николай Ивановичъ»! — закричала толпа. Смерть ему. Смерть! — и долго терзала тѣло убитаго.

Затѣмъ толпа схватила прокламаціи, револьверъ Руккера и сорванныя съ него ботинки и двинулась къ губернаторскому дому съ криками:

— Смерть полякамъ, смерть измѣнникамъ! Къ губернатору! По домамъ! Разыщемъ всѣхъ измѣнниковъ! Къ Ляуданскому! Къ Гутопу! Къ Малаяеву! Къ Коропачинскому! Къ Пашкину! Къ губернатору!

Изъ толпы, одинъ другого перебивая, звали къ казни надъ тѣми изъ городскихъ и земскихъ дѣятелей, чьи имена наиболѣе сдѣлались известными народу. Большею частью это были адвокаты; они же и главные городской думы. Революціонная ихъ дѣятельность была хорошо известна народной массѣ.

Въ этотъ именно моментъ вышелъ изъ своего дома гласный думы Пашкинъ, бывшійnotation, избранный революціонерами членомъ Комитета общественного спокойствия. Онъ былъ республиканецъ, но не соціалистъ, и стоялъ противъ вручения командованія милиціей соціаль-демократамъ, опасаясь съ ихъ стороны грабежа города. Выбранъ онъ

быть въ революционный комитетъ республиканцами, раздѣлявшими его взгляды, и въеть сильную борьбу съ соціаль-демократами по вопросу о соціализациіи имущества.

Узнавъ, что бываютъ Руккера, онъ сталъ бранить толпу.

— Вотъ измѣнники! Вотъ! — заревѣла толпа и кинулась на Пашкина.

Изъ разорванной одежды его также посыпалась прокламація. Видѣй прокламації остервенѣлъ толпу. Съ бѣшенымъ крикомъ она схватила его за ноги и разорвала, а одинъ рабочий поднялъ лежавшій возлѣ дома Пашкина огромный камень и разбилъ ему голову.

Казнивъ Пашкина, народъ снова крикнулъ.

— Къ губернатору теперь! Къ губернатору! Смерть измѣннику! Смерть губернатору! Смерть поляку!

Ревъ толпы былъ ужасенъ Громовыми раскатами проносился отъ по улицамъ города. Отъ нея бѣжала наблюдавшая за нею революционная молодежь съ исказившимися отъ страха лицами. Засѣвшая въ губернской земской управѣ боевая дружина, позабывъ про револьверы и ружья, бросилась бѣжать въ разныя стороны. Революционные вожаки, въ томъ числѣ городской голова Малѣевъ, адвокаты Гутопъ, Ляуданскій, Половидоровъ и прочие, услышавъ, что народный судъ выкликаетъ ихъ имена, уже скакали кто верхомъ, кто въ экипажахъ, вонь изъ города, въ деревню.

Толпа, между тѣмъ, грозною стѣною подвигалась къ губернаторскому дому. Впереди показывали окровавленныя ботинки Руккера, револьверъ и прокламаціи. Возлѣ поворота къ дому одного изъ революционныхъ вожаковъ стали звать толпу къ разгрому дома. Но толпа закричала:

— Губернатора сперва! Губернатора!

Вдругъ навстрѣчу толпѣ показался агентъ земскаго страхованія Федотовъ, известный народу своею революционною дѣятельностью. Толпа крикнула.

— Бей измѣнника! — и смяла его.

Къ счастью Федотова, въ это время уже подошелъ капитанъ Безбородовъ. Когда убили Какоуліна, одинъ изъ чиновниковъ телефонировалъ командиру Челябинскаго полка о народномъ возмущеніи. По сношеніи съ начальникомъ гарнизона, была послана рота солдатъ для охраны города. Эта рота и спасла Федотова. Капитанъ Безбородовъ мужественно бросился къ Федотову и прикрылъ его собою. Любившіе капитана солдаты отсѣгнали отъ него освирѣгвавшихъ людей, уже не сознававшихъ себя отъ опьяненія кровью, и этимъ спасли тежавшаго подъ Безбородовымъ революционера, который отдѣлся переломанными только ребрами и помятыми ногами животомъ.

Пока солдаты укладывали Федотова на пзвозчика, чтобы везти въ больницу, толпа двинулась дальше и окружила губернаторскій домъ.

Здѣсь она долго кричала, показывая въ окна револьверъ, прокламаціи и ботинки убитыхъ Пашкина и Руккера.

— Смерть политкамъ! Смерть измѣницкамъ! — какъ буря раздавалось по воздуху.

Цѣхановецкій, получившій уже извѣстіе объ убийствахъ и объ угрозахъ ему, скрывался все это время въ домѣ мuftія.

Узнавъ отъ служителей, что губернатора нѣтъ въ домѣ, толпа крикнула:

— Къ Маллѣеву тенеръ! Къ Маллѣеву! — и двинулась по улицамъ.

Въ это время подошла къ ней вернувшаяся отъ монастыря процессія со штандартомъ.

Объ процессіи стились вмѣстѣ и пошли по улицамъ, съ криками:

— Пойдемъ по домамъ разыскивать ихъ. Гутопа! Ляуданскаго! Полидорова! Маллѣева! Смерть имъ, смерть!

Маллѣева народный судъ уже не засталъ дома: лихой конь жгаль его въ стени.

Убѣдившись въ отсутствіи Маллѣева, толпа двинулась искать другихъ. Когда подошли къ дому Гутопа, то на дверяхъ его красовалась надпись: «Гутопъ уѣхалъ». Ляуданскаго и Полидорова также не оказалось. Настала ночь, и все утихло.

Народный гнѣвъ понемногу началъ стихать. Смертная казнь на врагами родины удовлетворила оскорблѣнныя народныя чувства. Но кричавъ еще некоторое время, толпа двинулась назадъ, къ слободѣ возлѣ желѣзодорожной станціи. Настала ночь, и все утихло.

Губернаторъ тотчасъ по уходѣ толпы вызвалъ для охраны себя усиленный караулъ, который поставилъ также и снаружи дома. Предпосѣственниковъ его, Соколовскаго и Богдановича, охраняли солдаты отъ мести враговъ Государя — революціонеровъ, а губернатора Цѣхановецкаго стали охранять отъ мести народной за содѣйствіе революціонерамъ, врагамъ Государя. Къ великому раздраженію войска, одновременно по просьbamъ Полидорова, Снисскаго и Маллѣева, Цѣхановецкій приказалъ поставить военные караулы также и возлѣ ихъ домовъ.

Получилось удивительное противорѣчіе: раны революціонные воіаки требовали удаленія солдатъ, а теперь сами бросились подъ ихъ охрану. Таково ничтожное политическое мышеніе этихъ жалкихъ людей, впослѣдствіи цѣлкомъ вошедшихъ со всѣми прочими земскими и городскими дѣятелями въ шайку подстрекателей къ убийствамъ и кражамъ, именуемую ка-детами.

XV.

На утро всѣ—и желѣзнодорожные рабочіе, и ремесленники, стали на работы, и жизнь города потекла мирно, обычнымъ порядкомъ: народный судъ надъ революціоннымъ движеньемъ совершился и участвовавшіе въ движении городскіе и земскіе дѣятели стали отъ страха тише воды, ниже травы. Семинаристы и землемѣры притихли, а за ними и гимназисты, и гимназистки. Всѣ кичившіеся своимъ либерализмомъ смирно сидѣли по домамъ. А либеральные чиновники боялись носъ даже показать на улицѣ. Угрозы толпы смертью даже губернатору за измѣну заставили ихъ трепетать за свою жизнь.

Революціонеры же, пришли бѣжали, въ томъ числѣ и «Николай Ивановичъ», прихвативъ съ собою одну тысячу рублей, собранныхъ на митингахъ рабочихъ, 600 р., собранныхъ на «губернаторскомъ» митингѣ, и 200 р., полученныхъ отъ городской думы. Потомъ онъ очутился въ Читѣ, и Цѣхановецкій съ истинною гордостью къ славѣ его можетъ теперь добавить еще и девятую губернію, въ которой поднялъ онъ мятецъ. Вотъ что напечатано о немъ въ «Зарѣ».

Завелась въ городѣ (Читѣ) народная милиція, во главѣ которой стала неизвѣдомо откуда появившіяся *Николай Ивановичъ* (евреи). Раньше, чѣмъ подѣбѣхали съ одной стороны ген. Ренненкампфъ, а съ другой, т. е. съ запада, ген. Меллеръ-Закомельскій—«великая» Читинская республика стала распадаться... Финаль заключался въ томъ, что «боевая» дружина, заѣвшая въ депо, выдала по первому требованію генерала всѣхъ бывшихъ между ними главарей. Нужно замѣтить, что «знатенитаго» Николая Ивановича въ числѣ главарей не оказалось (*sic*); было обыскано весь городъ, но онъ точно сквозь землю провалился..., не забывъ прихватить съ собою собранныхъ на революцію денегъ.

Главные же уфимскіе революціонеры, однако, не успокоились. Въ воскресенье же, 23 октября, вечеромъ они, сперва у губернатора, а затѣмъ въ клубъ устроили совѣщаніе, какъ теперь быть. Въ 12 часовъ ночи они послали изъ клуба за губернаторомъ и прокуроромъ, но ни Цѣхановецкій, ни Зубовский къ нимъ, боясь нападенія со стороны возмущеннаго населения, не поѣхали. Сборище, по настойчивымъ убѣжденіямъ Ценрейса, вынесло рѣшеніе продолжать открытую революціонную дѣятельность, для чего не останавливаться передъ активной борьбой съ простонародіемъ, вооружиться и устроить торжественные похороны убитыхъ. По требованію же ихъ, губернаторъ расклейлъ объявленія съ воспрещеніемъ всякихъ патріотическихъ манифестацій и молебствій.

Приглашавшіеся комиссіей общественнаго спокойствія 24 октября на засѣданіе въ городскую думу мастеровые прибыли, какъ назначено было, въ 6 часовъ, но позѣщеніе думы оказалось запертымъ, а члены комис-

сій частью бѣжали изъ города отъ народной мести,—частью скрывались въ другихъ домахъ, вывѣшивъ на дверяхъ квартиръ объявленія объ отъѣздѣ. Мастеровые со злобою разошлись, крича:

— Маллѣевъ удралъ, а губернаторъ еще не удралъ. Доберемся до него. Онъ, подлецъ, не такъ разъяснилъ манифестъ народу. У насъ и безъ того свобода была.

Похороны убитыхъ, однако, произошли безъ манифестацій: противъ послѣднихъ былъ особенно Цѣхановецкій, боявшійся новаго взрыва противъ него народнаго негодованія.

Страшный народный судъ такъ испугалъ революціонеровъ, что среди нихъ отъ страха стали циркулировать всевозможные слухи, между прочимъ, о намѣреніи народа истребить ихъ совершенно. Переутомленные они стали собираться у губернатора, и напугали его еще болѣе. Боясь народной мести, Цѣхановецкій потребовалъ къ себѣ на день и ночь военный караулъ еще болѣе усиленного состава. Подъ защитою военного караула въ губернаторскомъ домѣ начались постоянныя сборища революціонныхъ дѣятелей, въ числѣ коихъ Депреіесь, Сиасскій и другие играли видную роль. У губернатора же собирался комитетъ общественной безопасности, учрежденный думою и революціонерами. Но слухи одинъ другого тревожнѣе продолжалиноситься по городу. Говорили, что среди крестьянъ идетъ разговоръ о томъ, что губернаторъ-полякъ объявилъ не настоящій манифестъ, потому что народъ и безъ того свободенъ, а манифестъ былъ другой, а именно—о дозволеніи народу беззноскино рубить казенный лѣсъ и забирать помѣщиць земли, и что еврей «Николай Ивановичъ» приказалъ поляку-губернатору скрыть настоящій манифестъ. Народъ будто-бы собирается на четверговый базарь, 27 октября, съ топорами и вилами бить евреевъ и губернатора, а изъ селенія Абдулина идеть огромная толпа татаръ на защиту Государя отъ измѣнниковъ чиновниковъ.

Вечеромъ 26 октября начальникъ уфимскаго губернскаго жандармскаго управлѣнія пригласилъ къ себѣ въ 7 часовъ вечера «по особо важному дѣлу», какъ гласило приглашеніе, офицера Кривоногова, чиновниковъ Введенскаго, Ареопагитскаго, Петропавловска и Жеденова, подрядчиковъ Бусова и Лаптева.

Явившійся прокуроръ Зубовскій обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «отъ имени губернатора и отъ своего прошу васъ повліять своимъ извѣстнымъ авторитетомъ на населеніе города въ успокительномъ смыслѣ. Предполагается патріотами бить евреевъ 27 октября. Во избѣженіе нападенія, въ свою очередь, на патріотовъ со стороны революціонеровъ надлежитъ воздержаться отъ какихъ-либо угрозъ по отношенію къ нимъ и не собираться даже въ соединенномъ собраніи, извѣстномъ своею монархичностью. Губернаторъ старается примирить

обѣ партій: монархическую и революціонную и держится ни той, ни другой стороны, а середины, почему монархистовъ собрали здѣсь въ 7 часовъ, а революціонеровъ у себя въ 8 часовъ».

На это онъ получилъ должный отвѣтъ, что если онъ обращается отъ имени губернатора Цѣхановецкаго, то отъ общенія съ такой личностью, какъ измѣнникъ Государю, приглашенные безусловно отказываются. Что касается погрома, то мирные граждане такими дѣлами не занимаются. Если же бываютъ революціонеровъ, то только потому, что выведены изъ терпѣнія ихъ наглостью и содѣствіемъ имъ судебной и административной власти. Очень странно слышать, что губернаторъ держится вдали отъ монархической партіи, такъ какъ губернаторъ, если только онъ слуга Царю, долженъ быть во главѣ этой партіи, а не врагомъ ея. Слухи о завтрашнемъ погромѣ есть наглая выдумка революціонеровъ, потому что они боятся народного суда, а у страха глаза велики. Лучшее же средство прекратить народный самосудъ—перестать дразнить народъ постоянными сборищами у губернатора главарей революціонеровъ.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ прокуроръ Зубовскій подтвердилъ, что у губернатора образованъ особый комитетъ общественной безопасности изъ сторонниковъ одной только революціонной партіи; что Депреісъ главный коноводъ послѣдней и предсѣдательствовалъ 23 октября на засѣданіи, когда обсуждался вопросъ о вооруженной борьбѣ съ монархическою партіею. При этомъ Зубовскій сообщилъ, что онъ уговаривалъ Депреіса оставить революціонныя демонстраціи, но не могъ убѣдить его въ большей опасности для интеллигентіи со стороны народа, почему онъ, Зубовскій, особенно просилъ представителей монархизма не раздражать революціонеровъ.

Эта угроза возмутила патріотовъ и они предупредили тогда прокурора, что при малѣйшей демонстраціи со стороны революціонеровъ, не смотря на ихъ оружіе, они встрѣтять такой отпоръ отъ народа, что лучше бы имъ въ интересахъ своихъ сидѣть смирно и не шумѣть, такъ какъ никто ихъ не боится, а народъ противъ нихъ возбужденъ чрезвычайно, все время наготовѣ и, снова поднятый, смететь съ лица земли не только революціонеровъ, но и губернатора, и представителей суда, такъ открыто поддерживающихъ государственныхъ измѣнниковъ.

Вслѣдъ затѣмъ у губернатора состоялось большое собраніе, на которое, кроме революціонныхъ дѣятелей, были приглашены управляющіе казенными палатою, контрольною и т. и. чиновныя лица въ присутствіи предсѣдателя окружнаго суда и прокурора. Собрание толковало какъ-то странно, безъ опредѣленного направленія, такъ что одни изъ приглашенныхъ возбужденъ были даже вопросъ, для чего они были собраны, и разошлись, не прияя ни къ какимъ рѣшеніямъ. Черезъ день послѣ этого засѣданія

утромъ по городу было расклеено печатное объявление, въ которомъ всѣ монархисты, приглашенные прокуроромъ Зубовскимъ въ жандармское управление на совѣщаніе, и поліціймейстеръ Бухартовскій были объявлены черносотенцами, съ угрозою отвѣтственности отъ революціонной организаціи. Это было сдѣлано комитетомъ, засѣдавшимъ 26 октября вечеромъ у губернатора Цѣхановецкаго, но не тѣмъ, въ которомъ участвовали губернские сановники, а тайнымъ комитетомъ изъ вожаковъ революціонеровъ, которые для большей безопасности, за спину сановниковъ, тутъ же въ домѣ губернатора вырабатывали мѣры къ борьбѣ съ монархистами. Имена же дѣятелей монархистовъ переданы были имъ прокуроромъ Зубовскимъ, изъ словъ котораго можно было понять, что революціонную партію онъ считаетъ законною, а монархическую не столь законною и, главное, обязанною подчиняться революціонной.

Вотъ подлинныя выраженія прокламація:

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Черная сотня.

Главарями черной сотни въ Уфѣ, по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, являются:

Введенскій, бывшій завѣдующій телефонной сѣтью.

Ареопагитскій, секретарь губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія.

Петроцавловскій, бывшій старшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, кандидатъ на должность земскаго начальника.

Кривоноговъ, офицеръ, завѣдующій лазаретомъ.

Жеденевъ, исправленный членъ губернского присутствія.

Бусовъ, подрядчикъ на жал. дорогѣ.

Сверхъ того, многіе чины полиціи съ Бухартовскимъ во главѣ.

Мы объявляемъ, что виновниками всякихъ могущихъ произойти беспорядковъ мы будемъ считать не темную разжигаемую ложными слухами толпу, а этихъ ея «чиновничихъ» предводителей.

Уфимскій комитетъ россійск. соц.-демокр. рабоч. партіи.

Она набрана и оттиснута въ той же подпольной типографіи, въ которой была отпечатана резолюція митинга.

Тогдашнее состояніе города и отношеніе властей отлично характеризуетъ появившаяся вскорѣ затѣмъ въ революціонной Самарской Газетѣ корреспонденція изъ Уфы.

Тревожное настроеніе охватило Уфу послѣ знаменитой патріотической манифестаціи, гдѣ затоптали трехъ человѣкъ... Всѣ ждали погрома. Не знали только—будутъ ли бить «живьемъ» или земцами, учащихся или вообще лицъ прилично одѣтыхъ... Сегодня утромъ на Центральной улицѣ прохожіе съ любопытствомъ прочитали бумажку за подписью уфимскаго комитета соціал-демократической партіи. (Слѣдуетъ изложеніе при-

веденной прокламации). Еще наканунѣ гг. чиновникамъ-черносотенцамъ пришлось побесѣдоватъ съ прокуроромъ (?) и жандармскимъ полковникою (?), послѣ чего ихъ энергія какъ будто уменьшилась...

Какъ, однако, живо перемѣнился взглядъ революціонеровъ на жандармовъ и прокурора? Давно-ли на «губернаторскомъ» митингѣ они постановили уничтожить жандармерію, а теперь кинулись уже подъ ся защищать. Таково ничтожна и жалка русская революція. Она не революція, а бунтъ и, притомъ, бунтъ «съ разрѣшеніемъ подлежащей власти». Жестоко, однако, описалъ корреспондентъ въ предположеніи своемъ: энергія любящихъ Россію и преданныхъ Самодержавному Государю людей не уменьшилась отъ давленія прокурорской власти, но усилилась. Послѣ трехдневного господства въ городѣ революціонеровъ любящіе родину русскіе люди поняли, что взять верхъ поляки и евреи могли только потому, что русскіе патріоты не были сплотены. Тогда же, по почину подрядчиковъ Ланцева и Бусова, съ помощью чиновниковъ выработаны были начала, въ защиту которыхъ решено было сплотиться и образовать общество. Этими началами стали: Самодержавный Государь, Православная вѣра и Русская народность.

XVI.

Образованіе общества изъ любящихъ Россію и преданныхъ святымъ завѣтамъ ся людей было, однако, не по сердцу ни Цѣхановецкому, ни общественнымъ политисанамъ. Они начали всячески преслѣдоватъ членовъ этого общества. За послѣдними учреждено было наблюденіе: со стороны Цѣхановецкаго透过 полицію, со стороны революціонеровъ чрезъ боевую дружину. По почамъ полицейскіе и революціонные агенты совмѣстно подглядывали въ окна патріотовъ и подслушивали ихъ разговоры, слѣдили за ними и такъ неумѣло, что ихъ шпионство вскорѣ стало притчей во языцѣхъ.

Цѣхановецкому посыпка телеграммы на имя Государя по обвиненію его въ измѣнѣ стала известной. Онь вначалѣ очень испугался и телеграфировалъ своимъ друзьямъ въ Петербургъ. До получения отвѣта онъ ходилъ растерянный, прощаился съ революціонными вожаками, но, затѣмъ, вдругъ ожилъ и съ каждымъ днемъ становился смѣлѣе.

— Я знать,— говорилъ онъ окружающимъ,— что Выте меня поддержите. Онь знаетъ, что я послушный его слуга, что я въ точности слѣдовалъ его указаніямъ...

Обстоятельства показывали, что онъ имѣлъ основаніе надѣяться на безнаказанность. Ни распоряженія объ увольненіи Цѣхановецкаго, ни отвѣта на телеграммы чиновниковъ не получалось; о назначеніи разслѣдованія не было и слуха. Между тѣмъ, послѣ этихъ телеграммъ,

когда чиновники предъявили прямое обвинение губернатору въ измѣнѣ, совмѣстная служба оказалась невозможна. Начальники отдельныхъ частей не ходили къ Цѣхановецкому съ докладами, и онъ чрезъ своихъ единомышленниковъ робко сталъ вызывать къ себѣ, по текущимъ дѣламъ, секретарей. Въ бесѣдѣ съ ними Цѣхановецкий старался ихъ задобрить и привлечь на свою сторону. Въ то же время косвенно пугалъ своею местью, грозя уволить всѣхъ тѣхъ, кто подписалъ телеграммы. Нашлись среди не подававшихъ телеграммы чиновниковъ такія недостойныя лица, которыхъ, по наученію Цѣхановецкаго, стали подговаривать чиновниковъ, подававшихъ телеграммы, телеграфировать о томъ, что они отказываются отъ своего донесенія.

Положеніе вещей ухудшилось съ возвращенiemъ вице-губернатора Келеповскаго. Этотъ человѣкъ, обласканый когда-то покойнымъ Великимъ Княземъ Сергеемъ Александровичемъ, круто измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ и сталъ открыто выставлять себя конституціоналистомъ. Ранѣе высказываясь противъ земскихъ интригановъ, онъ сошелся теперь съ ними и повелъ политику въ ихъ руку, ставясь все ярче и ярче ка-датомъ. Это рѣзко сказалось на содержаніи редактировавшихся имъ Уфимскихъ губернскихъ вѣдомостей. На страницахъ этой когда-то строгого монархической газеты обыватели прочли редакціонное, слѣдовательно правительственное сообщеніе, о томъ, что Царь уже ограничилъ въ своихъ правахъ и не Самодержавенъ и что, въ виду этого, изъ молитвы за Царя слово Самодержавный исключается. Взрывъ негодованія вызвало это сообщеніе въ простотѣ населенія, которое снова заволновалось. Всѣдѣ за этимъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ появился написанный адвокатомъ евреемъ Итинымъ панегирскъ убитому народомъ члену комитета общественного спокойствія Пашкину, съ рядомъ инициацій по адресу образовавшагося кружка патріотовъ. Когда послѣдніе принесли возраженіе и программу образовавшагося патріотическаго общества, то Келеповский отказалъ ее напечатать.

Одновременно, присяжный повѣренный Сокуровъ проводилъ на страницахъ губернскихъ вѣдомостей заявленіе ложную мысль, что манифестомъ 17-го октября разрѣшено каждому исповѣдывать свободно религию, «избранную по своему разумѣнію».

Губернскія вѣдомости обязательно получаются въ каждомъ не только волостномъ, но и сельскомъ управлениі, всеми священниками и чиновниками. Уфимскія же губернскія вѣдомости, только что передъ тѣмъ значительно оживленныя губернаторомъ Соколовскимъ и его достойнымъ помощникомъ, получили, благодаря живымъ и горячимъ патріотическимъ статьямъ, значительное распространеніе и среди частныхъ лицъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе получалось отъ чтенія подобныхъ статей въ столь пестромъ населеніи, какъ въ уфимской

губерніи. Муллы и языческие жрецы, когда дошла до нихъ переданная изъ усть въ уста вѣсть объ объявляемомъ администрациєю правъ какъ-даго выбирать по своему желанію религію, стали усиленно вербовать себѣ новыхъ послѣдователей. Соблазниаемая дешевизною религіозныхъ обрядовъ и нѣкоторыми заманчивыми сторонами языческаго культа въ поло-вомъ отношеніи, темная народная масса всколыхнулась и по глухимъ угламъ цѣлыми деревнями, въ полномъ составѣ, оставляла христіанскую религію. Твердые же въ вѣрѣ своей православные и старообрядцы смущались сперва отъ неожиданности и зароптали на «предателей» читро-политовъ, покусившихся на священныя для русскихъ начала Самодержавия и первенства православной вѣры; затѣмъ, при видѣ грозящей опас-ности для распространенія православія и самой цѣлости Родины начали сплачиваться, нылая ненавистью къ отступникамъ. По деревнямъ нача-лись междуусобицы, доходившія до побоевъ со смертельнымъ исходомъ. Слухи, одинъ другого зловѣщее, проносились съ ужасающей быстри-тою. Область буквально революціонизировалась. Неимущіе начали грабить богатыхъ, крестьянство, хотя и обеспеченное въ уфимской губер-ніи землею, поднималось на владѣльцевъ — начиналась пугачевщина, о которой преданія въ пародї еще и до сего времени живы.

Отсутствіе Келеповскаго изъ Уфы во время революціонныхъ дней было счастіемъ для вѣрныхъ Царскихъ слугъ, которые въ его присут-ствіи не смогли бы исполнить своего вѣрноподданническаго долга, такъ какъ со стороны вице-губернатора сочувствія въ любви и вѣрности Гу-сударю не встрѣтили бы. Однажды, онъ такъ обратился къ приглашен-нымъ имъ къ себѣ по одному дѣлу представителямъ мѣстнаго общества.

— Я вполнѣ согласенъ съ Цѣхановецкимъ. Губернаторъ не долженъ быть ни на сторонѣ Царской партии (?), ни на сторонѣ республикан-ской, а между ними. Онъ долженъ стоять между закономъ и народомъ. Онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты. Поэтому я не желаю ни поддерживать преданныхъ Государю лю-дей, ни мѣшать Его врагамъ.

Слова эти слишкомъ и циничны, и понятны, чтобы можно было сомнѣваться въ томъ, что на Келеповскаго ни Государь, ни Россія въ минуту смертельной опасности положиться не могутъ.

Содѣйствіе измѣннику поляку губернатору со стороны русскаго вице-губернатора заставило патріотовъ усилить борьбу за цѣлость Россіи. Въ виду странного бездѣйствія Верховной Власти, объяснявшагося со-крытиемъ отъ нея донесенія присутственныхъ мѣстъ объ измѣнѣ губер-натора, необходимо было путемъ публикаціи довести до Ея свѣдѣнія о положеніи дѣла въ уфимской губерніи, и въ Новомъ Времени помѣщена была слѣдующая телеграмма:

УФА. 24 октября. (РА). Три дня въ Уфѣ фактически хозяевами положенія была антиправительственная партия, 23 октября пародъ поднялся и убиль 4 участниковъ движенія. Прокламаціи отнесены губернатору при враждебныхъ движенію крикахъ.

Примѣчаніе. Телеграмма эта не была подлинная, но видоизмѣнена агентствомъ.

На эту телеграмму возразилъ исполнявший обязанность городского головы Малаѣева,ѣжавшаго изъ города, членъ городской управы Рябининъ.

УФА. 1 ноября. Въ телеграммѣ изъ Уфы, помѣщенной въ «Новомъ Времени» отъ 26 октября, событий совершиено въ ложномъ видѣ. Первые три дня послѣ обнародованія Высочайшаго манифеста и бывшія мирныя шествія манифестантовъ съ красными флагами и митингъ 21 октября прошли совершенно спокойно; 23 октября во время патріотической манифестаціи чернь убила трехъ ни въ чёмъ неповинныхъ людей, но волненія были въ самому началѣ прекращеными мирными мѣрами губернатора, которому никакихъ прокламацій не передавалось.

Прошу другія газеты, помѣстившія телеграмму «Нового Времени», перепечатать и настоящую телеграмму.

Заступающій мѣсто городского головы Рябининъ.

Тогда одинъ изъ участниковъ помѣстилъ въ «Новое Время» же Времени слѣдующую телеграмму.

УФА, 7 ноября. Въ «Новое Время» отъ 2 ноября помѣщена телеграмма Рябинина, заѣдомъ скрывающая истину. Три дня революціонеры свободно безчинствовали въ Уфѣ, врывались въ николы, магазины и мастерскія и прекращали занятія, силою вынѣсли дѣвушекъ изъ спархіальниаго училища на митингъ 19 октября, на которомъ въ присутствіи губернатора Шѣхановецкаго, городскаго головы Малаѣева, оскорбили церковь, Государя. Возмущенный содѣйствіемъ губернатора, народъ 22 октября потребовалъ отъ губернатора публичного объясненія, приказалъ возстановить полицію. 23-го пародъ, возмущенный оскорблениемъ портрета Государя, убилъ вожака революціонеровъ гласнаго думы Пашкина, сврса Руккера, земскаго агента Федотова, рабочаго Какоуліна, проткнувшаго портретъ. Найденные у Пашкина прокламаціи, револьверъ Руккера понесъ губернатору съ криками «смерти полікамъ, измѣнникамъ». Губернаторъ скрылся въ домъ мутфѣ, потому народъ разыскивалъ голову Малаѣева, адвокатъ, гласныхъ думы вожаковъ мятежа. Прошу опровергнуть заѣдомъложенія Рябинина за мою подписью.

Въ томъ же номерѣ читатели газеты могли ознакомиться еще со слѣдующею телеграммою.

УФА, 1 ноября. Телеграмма Россійскаго агентства изъ Уфы, помѣщенная въ № 10642 «Нового Времени» относительно событий въ Уфѣ въ первые дни послѣ оповѣщенія манифеста 17 октября тенденціозна въ отношении мѣстной администраціи. Для возстановленія истины, считаемъ дол-

гомъ заявить, что 21 октября совѣщаніе дворянъ, созванное для обсужденія текущихъ событий, нашло отношеніе къ нимъ мѣстного губернатора вполнѣ разумнымъ, свидѣтельствующимъ о правильномъ пониманіи тогдашняго положенія и могущимъ наиболѣе рационально обеспечить переходъ къ мирному течению жизни безъ всякаго кровопролитія. Объ этомъ доведено до свѣдѣнія губернатора чрезъ особую депутатію, выразившую ему полное довѣріе. Во время второй грандиозной патріотической манифестаціи 23 октября дѣйствительно были три человѣческія жертвы случайной народной расправы, при условіяхъ, исключавшихъ возможность предупрежденія этихъ случаевъ.

Губернскій предводитель дворянства князь Кутуловъ.

Уѣздные предводители: Бирскій—Будинскій.

Стерлитамакскій—Султановъ.

Белебеевскій—Текелевъ.

Происхожденіе этой телеграммы станетъ понятнымъ, если сообщить, что Султановъ (сынъ муфтія) и Текелевъ — мусульмане татары, одни изъ тѣхъ татаръ, которые первыми откликнулись на измѣнническое предложеніе Цѣхановецкаго образовать мусульманское государство изъ уфимской и смежныхъ съ нею губерній. Будинскій же присоединился къ татарамъ не изъ сочувствія къ идеѣ исламистского движенія, покровителемъ котораго былъ Цѣхановецкій, но изъ благодарности къ нему за то, что тотъ согласился разрѣшить Будинскому снова прігласить на должность секретаря уѣздного воинскаго присутствія лицо незадолго пе-редъ тѣмъ уволенное отъ этой должности губернаторомъ Соколовскимъ за подлоги по приему новобранцевъ. Остальные пять предводителей дворянства уфимской губерніи отказались присоединиться къ телеграммѣ въ защиту измѣнника Царю и Родинѣ.

Вслѣдъ затѣмъ появилась въ «Новомъ Времени» приводимая словно телеграмма Цѣхановецкаго, изъ сопоставленія которой съ прежними и описаніемъ всего события каждый можетъ убѣдиться, въ чёмъ скрыта была истина.

УФА, 14 ноября. Вслѣдствіе помѣщенной въ № 10350 «Новаго Времени» телеграммы за подпись Николая Жеденева, прошу редакцію напечатать нижеслѣдующее: «Четырнадцатого октября въ Уфѣ началась забастовка желѣзодорожныхъ рабочихъ. Въ тотъ же день съ ихъ стороны была попытка устроить шествіе съ красными флагами въ городѣ, она была остановлена безъ кровопролитія. Вслѣдъ затѣмъ забастовали иѣкоторыз фабрики, приказчики, служащіе губернскаго земства. Въ виду броженія среди учащихся, учебныхъ заведеній были закрыты. Уличный порядокъ поддерживался патрулями и не нарушался. Иѣкоторые магазины продолжали торговатъ 17 и 18 октября. Въ день полученія телеграммы о Все-милостивѣшемъ манифестѣ 17 октября были отдѣльные случаи избиеній студентовъ, желѣзодорожныхъ и другихъ служащихъ, вызвавшиѣ среди части населенія сильное раздраженіе. Восемнадцатого октября, въ виду

этого раздражения и для предупреждения кровавых столкновений, а может быть всеобщей резни, мнѣ пришлося неоднократно личнымъ присутствиемъ успокаивать разгоравшіяся страсти. Восемнадцатого и девятнадцатого проходили мирного характера шествія по городу съ красными флагами: не было за все время ни одного случая грабежа, нападенія или погрома, который вызывалъ бы необходимость вооруженного вмѣщательства со стороны администраціи. Полиція все время не переставала исполнять свои обязанности. Факты избѣженія вызвали въ части общества, особенно проявившей себя въ эти дни, раздраженные толки и сужденія по поводу будто бы недостаточной охраны неприкосновенности личности со стороны полиціи. Двадцатого октября собрался въ саду многотысячный народный митингъ, на которомъ обсуждался, между прочимъ, этотъ вопросъ. Въ виду опасности, угрожавшей иѣкоторымъ чинамъ полиціи и невозможности для нихъ въ то время показываться на виду озлобленію настроенныхъ элементовъ, я призвалъ цѣлесообразныи еще наканунѣ временно путь устранити до разслѣдованія, дабы тѣмъ отнять всякий поводъ къ крупныхъ и, быть можетъ, кровавыхъ беспорядкамъ. Въ предупрежденіе таковыхъ, въ виду возразившаго возбужденія среди беспокойныхъ элементовъ многотысячного митинга 20 октября, я счелъ цѣлесообразныи, въ интересахъ мирного течения событий, лично объявить о принятой мною мѣрѣ, что дало успокоятельные результаты, послѣ чего я немедленно удалился. Послѣ моего ухода однимъ изъ агитаторовъ была произнесена возмутительная рѣчь, которая потомъ вызвала реакцію въ народѣ.

Когда настроение улеглось, то временно устраниеніе чины полиціи вновь приступили къ исполненію своихъ обязанностей. 21 октября мной нарижены были по городу большие воинскіе патрули, и день прошелъ спокойно, 22-го было торжественное служеніе въ соборѣ съ церковными паниками, на которомъ я присутствовалъ. 23-го состоялась первая патріотическая манифестація на Соборной площади, на которой народъ, послѣ моего обращенія къ нему, кричалъ «ура» и сдѣлалъ мнѣ овацию. На слѣдующій день состоялась грандиозная десятитысячная патріотическая водная манифестація, съ шествиемъ по городу съ портретомъ Государя и съ національными флагами, народъ остановился передъ губернаторскимъ домомъ, опять сдѣлалъ мнѣ овацию и переданъ быть мнѣ манифестантами вѣрноподданническій адресъ съ просьбою послать его Государю, что мной и было исполнено. Во главѣ шествія я дошелъ до дома мухтія, откуда во время вернулся домой, потому что пріѣхавшій тутъ же священникъ Рубинскій сообщилъ мнѣ, что часть манифестантовъ отѣлилась отъ шествія, и иѣкоторыми изъ нихъ только-что убиты на его глазахъ, не смотря на умѣщанія, гласный думы Пашкинъ и иѣкій Рукерь. Немедленно направлена мной по телефону къ мѣсту происшествія дежурная рота успѣла спасти жизнь земскаго агента Федотова. Тогда же я узналъ о случаѣ кровавой народной расправы съ рабочими Какаулинскими въ началѣ манифестаціи. На другой день, по соглашенію съ представителями духовенства, дворянства, земства, города и купечества, было мною объявлено во всеобщее свѣдѣніе о недопущеніи впередъ никакихъ шествій и манифестацій, которыя съ тѣхъ поръ прекратились. Этимъ и исчерпываются октябрьскія события въ гор. Уфѣ.

Губернаторъ Целиановецкій.

Изъ приведенныхъ телеграммъ наглядно становится борьба въ Уфѣ двухъ частей населенія: русской и татарской, примкнувшей въ составѣ, надо оговоряться, только интеллигентіи къ революціонному движению и нашедшей себѣ поддержку даже въ русскомъ губернскомъ сановнику Келеповскому.

Измѣнью родинѣ Келеповскому не удалось, однако, кушить себѣ безопасность. Во время второй всеобщей революціонной весны, когда населеніе было достаточно наэлектризовано наставшей смутой въ религіи, преданности Престолу и въ племянномъ преимущество, друзья Келеповскаго — кадеты снова воспользовались общественными подсоками для вооруженного возстанія. Опасаясь грабежа со стороны революціонарного сброва, Келеповский стоялъ за вызовъ въ Уфу казаковъ. За это, по подстрекательству тѣхъ же друзей изъ политиковъ земцевъ, онъ былъ тяжело раненъ въ помѣщечки губернскаго правленія,

XVII.

Служебное положеніе, между тѣмъ, Цѣхановецкаго, благодаря помощи ему графа Витте, оправдывавшаго на открытое заступничество дворянъ уфимской губерніи и земскихъ ка-детовъ, упрѣчило. Вслѣдствіе этого, отношения въ административномъ строѣ губерніи стали невозможными. Служить съ измѣнникомъ Родинѣ и Царю было сверхъ силъ для каждого патріота. Тѣ, кому средства дозволяли, заготовили прошенія обѣ отставкѣ. Иные воспользовались своими знакомствами и первыми попавшимися предложениями, и возбудили ходатайства о переводѣ на другую службу. Цѣхановецкій открыто злорадствовалъ и хвастался тѣмъ, что онъ «сослалъ» кого на Кавказъ, другого въ Сибирь... съ большими материальными и служебными потерями; клялся, что избавится отъ всѣхъ «самодержавныхъ русскихъ». Въ Келеповскомъ онъ встрѣчалъ гаденья на это улыбочки. Тогда одинъ изъ оставившихъ административную службу рѣшилъ отправиться въ Петербургъ, чтобы защитить хотя бы оставшихся единомышленниковъ сослуживцевъ отъ мести государственного измѣнника.

Передъ отѣздомъ онъ простился съ товарищами ужиномъ, меню котораго на изящной карточкѣ было заказано имъ одной изъ мѣстныхъ типографій. Управляющей ею послалъ меню, передъ выпускскомъ изъ типографіи, на просмотръ полиціймейстеру, постѣдній Цѣхановецкому, которымъ меню было арестовано, несмотря на незадолго передъ тѣмъ публично провозглашившіюся имъ же свободу слова и печати.

Вотъ это меню.

Слава

Православному Царю Неограниченному

Слава!!!

РОСПИСЬ

блудамъ на ужинъ вѣрныхъ Царскихъ слугъ

10 ноября 1905 года въ г. Уфѣ.

Закуска: Водка Императора Всероссийского
Хлѣбъ ржаной изъ Единой Недѣлимой Россійской Имперіи
Соль Царя Астраханскаго
Сельди всяя сѣверныя страны Повелителя
Колбаса Великаго Князя Литовскаго
Кильки Князя Эстляндскаго
Крендель Великаго Князя Финляндскаго
Чеснокъ вонючій жидовскій

Ужинъ: Стерлядь Самодержавная
Вино Государя Карталинскія земли
Пельмени Царя Сибирскаго
Пиво князя Лифляндскаго

Фрукты: Яблоки Черкасскихъ и иныхъ князей Обладателя
Груши Государя Туркестанскаго
Виноградъ Царя Херсониса Таврическаго
Персики Государя области Арменскія

Сладкое: Пирожное изъ Царства Польскаго съ измѣною.

Люди русскіе, поднимайтесь:
За Вѣру! За Царя! За Русь!

Нечего и говорить, что жители Уфы снабдили посланца своего наилучшими пожеланиями и проводили его съ великою тоскою за будущее. На пути въ Петербургъ онъ остановился въ Москвѣ и здесь 20 ноября на съездѣ монархической партии сдалъ объ измѣническихъ дѣйствіяхъ Цѣхановецкаго публичный докладъ, который на другой день былъ напечатанъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Захвативъ съ собою нѣсколько номеровъ газеты, посланецъ постыль затѣмъ въ Петербургѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ и раздалъ имъ га-

зету, давно уже не получавшуюся ими благодаря забастовкѣ почтовыхъ чиновниковъ. Въ первый же пріемный день онъ представился управлявшему тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ действительному тайному советнику П. Н. Дурново.

— Скажите, — обратился строго къ нему сановникъ, — на какомъ основаниї подчиненные сочли себя въ правѣ доносить о неправильныхъ дѣйствіяхъ начальника?

— Извините, ваше высокопревосходительство: уфимскія присутственные мѣста донесли Его Императорскому Величеству и министру внутреннихъ дѣлъ не о неправильныхъ дѣйствіяхъ губернатора, а объ позѣнѣ губернатора Цѣхановецкаго въ вѣрности Престолу и Отечеству.

— Ахъ да, да! Виноватъ, — поправился сановникъ. Да, вы исполнили свой долгъ. Садитесь, расскажите, какъ это все было?

Вкратцѣ, въ общихъ чертахъ, представлявшійся, въ то время уже не бывшій подчиненнымъ министра внутреннихъ дѣлъ, рассказалъ обѣ измѣническихъ дѣйствіяхъ Цѣхановецкаго. Съ каждымъ словомъ умное лицо внимательно слушавшаго его сановника выражало все большее и большее удивленіе. Очевидно было, что докладъ обѣ уфимскихъ событийъ былъ сдѣланъ ему въ неправильномъ освѣщеніи.

— Вы исполнили свой долгъ вѣрно поданныхъ, — еще разъ подтвердилъ сановникъ по окончаніи доклада. Но, скажите, что означаютъ эти телеграммы предводителей?

Тогда тотъ доложилъ ему о начавшемся, по инициативѣ Цѣхановецкаго, мусульманскомъ движениіи въ уфимской губерніи.

— Этого еще не доставало! — съ негодованіемъ вскричалъ патріотъ-сановникъ. И такъ уже несчастная Россія потрясена до основанія. Вы открыли мнѣ глаза. Благодарю васъ за то, что вы пришли ко мнѣ.

Представлявшійся началъ откланиваться.

— Куда же вы теперь?

— На Кавказъ, ваше высокопревосходительство.

— Это зачѣмъ? Тамъ сейчасъ возстаніе, и какъ разъ въ той Гуріи, куда вы ѿдете. На какую же должность? Какъ? Съ высшей должности на низшую. Что же васъ заставляетъ?

Мелькнуло тутъ, было, желаніе сказать, что невозможно служить съ Цѣхановецкимъ послѣ предъявленнаго къ нему обвиненія въ государственной измѣнѣ. И тутъ же пришла въ голову мысль:

— А что, если министръ подумаетъ, что это личные счеты, и приметъ правдивое объясненіе за желаніе вывѣдать, какъ онъ поступитъ съ губернаторомъ, и оставить, пожалуй, Цѣхановецкаго на службѣ, переведеть только въ другую губернію на гибель Россіи! Нѣть! Благо Родины выше личнаго блага! Какъ ни обидно въ служебномъ отношеніи съ должности пятаго класса съѣхать на восьмую, съ солиднаго оклада на нич-

тожиный, но лучше претерпеть самому, чѣмъ не помочь родной любимой Россіи!

— Обстоятельства, ваше высокопревосходительство, такъ сложились...

— Жаль, очень жаль, разставаться съ вами. Еще разъ благодарю васъ за то, что вы пришли ко мнѣ, благодаря васъ и сотоварищѣ вашихъ за вашъ благородный поступокъ, за вѣрность Царю и Родинѣ,— изволившо говорить сановникъ, горячо пожимая руки представлявшимся и проводивъ его до двери.

Уходя изъ прѣмной комнаты, представлявшейся вручилъ состоявшему при министрѣ, вносильствіи убитому при взрывѣ на дачѣ министра 12-го августа 1906 года, тогда еще полковнику Замятину номеръ «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ помѣщенъ былъ докладъ объ измѣнѣ Цѣхановецкаго, съ просьбою передать управлявшему министерствомъ.

Вечеромъ черезъ день состоялся публичный докладъ объ уфимской крамолѣ въ Русскомъ Собраниѣ. На докладѣ присутствовало до 500 лицъ, въ томъ числѣ и полковникъ Замятинъ. Продолжался онъ съ 9 час. веч. до 2 час. ночи при непрерывавшемся вниманіи слушателей.

На другой день Петербургъ заговорилъ. Присутствовавшіе на докладѣ сановники и члены высшей аристократіи, не продавшіеся Витте, подняли общественное мнѣніе, глубоко оскорбившееся публичнымъ надругательствомъ губернатора надъ дорогими зажѣтами русскихъ людей. Одно только не было предано публичности: мусульманское движеніе. Докладчикъ опасался дать этому движенію толчокъ, невольно быть провокаторомъ, тогда какъ, казалось ему, быть можетъ движеніе это, какъ искусственно созданное, могло еще и заглохнуть. Дальнѣйшая события показали, что опасенія его были излишни. Въ январѣ уже собирался, было, въ Петербургѣ мусульманскій съѣздъ, но благодаря принятymъ мѣрамъ сперва не состоялся. Затѣмъ, мусульмане изъ считающихъ себя передовыми, въ томъ числѣ и уфимцы, воспользовались безнадѣемъ во время премьерства Горемыкина, собрались-таки въ Петербургѣ на общий съѣздъ мусульманъ, а въ августѣ мѣсяцѣ они повторили его на съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Принятые послѣднимъ крайнія противогосударственные решения свидѣтельствуютъ, какой гредъ принесъ Цѣхановецкій вскорившій его своею грудью Россіи!

Черезъ недѣлю постѣ доклада въ Русскомъ Собраниѣ стало известнымъ въ Петербургѣ увольненіе Цѣхановецкаго отъ должности губернатора съ причислениемъ его къ министерству. Къ этому времени онъ считалъ свое положеніе настолько упрочившимся, что снова уже выступилъ въ активной помощи революционерамъ, начавшимъ «великую всеобщую» забастовку.

Получивъ телеграмму о назначенніи новомъ губернаторѣ, составъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, наконецъ, вздохнулъ свободно, приободрілся и дѣятельно приготовился къ отпору революціонной бурѣ.

Часть земскихъ и городскихъ общественныхъ дѣятелей, нынѣ кадеты, извѣстіе объ увольненіи Цѣхановецкаго встрѣтили съ уныніемъ и совмѣстно съ мусульманами изъ интеллигентіи отблагодарили его за измѣну Родинѣ адресомъ отъ земства. Участовавшій въ составленіи адреса, графъ Толстой, членъ губернскай земской управы, и князь Кугушевъ, братъ губернскаго предводителя дворянства, только что вернувшись изъ ссылки за участіе въ революціонныхъ дѣйствіяхъ, потомъ избрали депутатами въ государственную думу, а нынѣ подѣ судомъ за обращеніе къ народу въ выборскомъ возваніи съ призываомъ на открытый мятежъ прогнать Государя и Россію. Графъ Толстой, въ виду грозящаго ему лишенія по суду правъ, уволенъ отъ должности члена губернскай земской управы. Такимъ образомъ, несмотря на старанія Цѣхановецкаго и миролюбіе крамольнику даже министерства, графъ Толстой законное возмездіе получилъ.

Не вполнѣ оправдалась только пословица: «За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ». Забылъ ли П. Н. Дурново, потому министръ внутреннихъ дѣлъ, о томъ мужествѣ, которое пришлось оказать чинамъ уфимскихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, изъ коихъ очень многіе зависѣли отъ канризного лишь движенія цара Цѣхановецкаго, или, быть можетъ, нарочито въ департаментѣ общихъ дѣлъ замято было ихъ дѣло, но только вѣрные государевы слуги, за исключеніемъ одного, не получили даже слова благодарности за свой благородный поступокъ. Какъ истинно русскіе и любящіе Царя люди, они могли объяснить это только тѣмъ, что вѣрноподданническая телеграмма ихъ объ измѣнѣ въ вѣрности Царю губернатора Цѣхановецкаго не была доложена министромъ Императорскаго Двора, барономъ Фредериксомъ, Его Императорскому Величеству.

Хладнокровно обсуждая всю исторію революціонныхъ дней въ Уфѣ, нельзя не признать, въ основаніи изложенныхъ фактовъ, что Цѣхановецкій былъ назначенъ въ Уфу губернаторомъ съ исключительной миссіею—подкрѣпить своимъ содѣйствіемъ революціонныя партіи, окончательно разбитыя вѣрноподданническою энергіею его предшественниковъ. Когда же онъ столь рискованно исполнилъ свою задачу, въ благодарность за это его старались поддержать и, если бы не личное вышшательство горячо любящаго Россію П. Н. Дурново, Цѣхановецкій, пожалуй, и до сего времени насаждалъ бы въ уфимской губерніи вражду среди мусульманъ къ Россіи, а среди русскихъ крестьянъ неуваженіе къ Царскому имени.

И Цѣхановецкій среди администраціи не одинъ. Его подражателемъ явился еще такой же губернаторъ — полякъ въ одной изъ центральныхъ губерній. Точно также, какъ и Цѣхановецкій, онъ наводнилъ губернію евреями и содѣствовалъ развитию въ ней революціонныхъ организацій, подавленныхъ его предшественниками — глубоко русскими, честными Царскими слугами, одинъ изъ которыхъ кровью своею запечатлѣлъ тамъ же любовь свою и вѣрность Царю и Россіи, и свѣтлой памяти котораго посвящена эта книга.

Припоминая же слова въ государственной думѣ князя Урусова и постоянныя надежды Цѣхановецкаго на графа Витте, невольно приходитъ на мысль, не онъ ли былъ главнымъ поставщикомъ и насадителемъ измѣнниковъ?

Поучительныя данныя можно вывести изъ исторіи уфимской революціи и относительно той политики, которой надлежитъ держаться правительству въ борбѣ съ разрушительными организаціями. Народъ русский всѣ заботы о возвращеніи порядка передалъ Верховной Власти. Разъ только заботы о порядкѣ теперь возвращены народу, правительству надлежитъ возбудить въ народѣ самодѣятельность, развить такие же жизненные элементы, которые подобно фагоцитамъ, пожирающимъ въ живомъ организмѣ вредоносныя бактеріи, могли бы истребить разрушительные для государства элементы. Умный государственный человѣкъ долженъ всячески поддерживать монархическія стремленія, создавшія Россію, и направить ихъ на уничтоженіе революціонныхъ и анархическихъ организацій. Большую ошибку сдѣлалъ московскій генераль-губернаторъ вице-адмиралъ Дубасовъ тѣмъ, что подавилъ восстание на Прѣснѣ войсками. Только за три дня передъ бунтомъ, въ день Царскихъ именинъ, его привѣтствовала колоссальная толпа народа. Ею и нужно было бы ему воспользоваться и по примѣру своего предшественника Ростопчина, отдать Прѣсню въ распоряженіе народа. Случайныхъ жертвъ не избѣгли и войска: много отъ пуль погибло и дѣтей, стариковъ и ни въ чемъ не повинныхъ женщинъ. Но за то генераль-губернаторъ могъ бы сказать вожакамъ революціонеровъ: вы ссылаетесь на желаніе народа, а вотъ какъ народъ выразилъ вамъ свою благодарность: въ одинъ день истребилъ всѣ ваши шайки. Между тѣмъ, народъ лучше чѣмъ войска и полиція сумѣлъ бы отличить враговъ Родины отъ ея вѣрныхъ сыновъ, и можно съ увѣренностью сказать, мы не видали бы теперь тѣхъ позорныхъ судебныхъ комедій, какими являются дѣла о возстаніи въ Москвѣ или пресловутое дѣло совѣта рабочихъ депутатовъ. Подавленіемъ посредствомъ войскъ революціи въ Москвѣ ничуть не ослаблена революціонная дѣятельность; черезъ полгода уже, къ стыду правительства, на улицахъ древней столицы Российской Имперіи, даже днемъ принуждены были ставить пикеты изъ вооруженныхъ городовыхъ съ примкнутыми

штыками и не по одному, а по троë, потому что ихъ разстрѣливали революционеры, какъ куропатокъ. А если бы самъ народъ подавилъ революцію, то революционеры исчезли бы, какъ дымъ, бѣжали бы изъ Москвы, какъ бѣжали они изъ Уфы отъ страшнаго беспощаднаго народнаго суда.

Тѣмъ же порядкомъ легко и быстро подавится и грабительская дѣятельность самозванныхъ реформаторовъ. Съ этой цѣлью надлежитъ объявить ихъ вѣкъ закона, преслѣдованіе же предоставить, за отвѣтственностью извѣстныхъ администраціи распорядителей, спортивному обществу, какимъ, напримѣръ, является общество активной борьбы съ революціей въ Петербургѣ, предоставивъ ему половину конфискованного имъ оружія и денегъ. Съ того времени, какъ на грабежъ натолкнута темная руководителями интеллигентная молодежь—умная, отчаянная, образованная и изучившая всѣ тонкости разбойничьяго дѣла, бороться съ нею путемъ малограмотныхъ и зачастую недобросовѣстныхъ околоточныхъ, при первомъ крикѣ на улицѣ прячущихся за углами домовъ, стало невозможнымъ.

Талантамъ и знаніямъ надлежитъ противопоставить также таланты и знанія, а для борьбы съ учеными анархистами эти таланты можно найти только въ обществѣ, вызывавъ любителей.

25

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

„РУССКОЕ ЗНАМЯ“.

Грамота русского народа.

Подписная цѣна: въ С.-Петербургѣ и по всей Имперіи 4 р. на годъ, 2 р. на полгода, 1 р. на 3 мѣсяца, 50 к. на 1 мѣсяцъ.

С.-Петербургъ, Измайловскій полкъ, 4 рота, д. 6.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльную политическую, общественную и литературную газету

ОБЪЕДИНЕНИЕ

Подписная цѣна съ доставкой:

	Для городск. подднечиковъ:	Для иногородн. подднечиковъ:
за 1 годъ	1 р. 50 к.	2 р. — к.
въ $\frac{1}{2}$ года	— » 75 »	1 » — »
въ $\frac{1}{4}$ »	— » 45 »	— » 75 »

Подписка принимается въ конторѣ газеты „Объединеніе“. С.-Петербургъ, Екатерининскій кан., д. 52—13, кв. 108.

Контора открыта ежедневно (за исключениемъ праздниковъ) отъ 1 часа дня до 4 час.

Редакторъ-издатель **С. Кузминъ.**

Продаются брошюры: «**Кабы землицы**». Рассказъ Н. Сандерскаго. Цѣна 5 коп.—**Государственная Дума**. Рассказъ Н. Сандерскаго. Цѣна 15 коп. Съ требованіями обращаться: 1) Спб., Невскій, 90. Книжный магазинъ Н. Н. Морева, подъ фирмою Н. Фену и К°. 2) Въ редакцію „Объединенія“. С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, д. 52/13.